

В.А. КОРОЧАНЦЕВ

АФРИКА

ПОД ПОКРОВОВОМ ОБЫЧАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.А. КОРОЧАНЦЕВ

АФРИКА ПОД ПОКРОВОВОМ ОБЫЧАЯ

Континент, расстающийся с прошлым

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
Р. Н. ИСМАГИЛОВА
Фото автора

Корочанцев В. А.

К68 Африка под покровом обычая. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

287 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»)

Автор книги много лет работал в странах Африки (к югу от Сахары) в качестве корреспондента ТАСС. Книга В. А. Корочанцева не беглые путевые заметки, а итог внимательных и долгих наблюдений за жизнью народов Камеруна, Верхней Вольты, Берега Слоновой Кости и других стран.

К $\frac{20901-136}{013(02)-78}$ БЗ-30-81-78

91п

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1978.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Так сложилось, что с 1960 года жизнь и работа автора неотделимы от Африки. В предлагаемой книге мне хотелось бы поделиться впечатлениями о почти шестилетнем пребывании на западе континента в качестве постоянного или специального корреспондента ТАСС — в Мали, Камеруне, Экваториальной Гвинее, Верхней Вольте и других странах. Основная цель этой работы — показать Африку на важном этапе истории, в динамике размежевания сил, показать ее через призму личного восприятия, в пестроте разительных контрастов и противоречий между минувшим и настоящим.

Годы и встречи на африканской земле позволяют с глубоким оптимизмом смотреть в будущее континента. Сколь бы плотным ни казался покров отсталых обычаев и предрассудков, тяготеющих над сознанием африканца, какие бы препоны ни чинили империалисты и их прислужники африканским государствам, желающим идти по пути подлинной независимости и социального прогресса, Африке суждено одержать победу над своими яркими врагами и в какой-то мере над собой. И во многих случаях, как показывает практика, обычаи и традиционные условности, несмотря на их прочные узы со стариной, служат орудием в борьбе за новое, против духовного порабощения, которое несет африканцам империализм.

— Чтобы разобраться в африканских проблемах, надо с большим тактом вникнуть в наши трудности, особенности и мысли, то есть понять нас такими, какие мы есть, — сказал мне в начале 60-х годов один видный африканский борец против колониализма.

Книга написана в жанре очерков и состоит из трех больших разделов. В первой части делается попытка

на примере отдельных стран или областей раскрыть своеобразие процессов, происходящих в Африке к югу от Сахары. У большинства стран континента, представлявшего собой до 1960 года гигантскую колонию империализма, есть сегодня общая черта — стремление разорвать незримые цепи политического, экономического и духовного гнета и пойти по самостоятельно выбранному народами пути развития.

Во второй части описываются некоторые обычаи и традиции, подмеченные автором у различных африканских народов во время «полевых исследований», рассказывается о большой роли фольклора и народного искусства в жизни каждой семьи и отдельного человека. Культ предков, вера в могущество змеи, крокодила и других животных, тысячи суеверий и примет — все это в той или иной степени присуще современной африканской деревне, продолжающей быть законодательницей мод и привычек от сахеля до мыса Доброй Надежды. На глазах одни традиции хиреют, другие подлаживаются к новым веяниям. Все реже отмечаются ритуальные праздники, а если и отмечаются, то часто для заманивания туристов. Еще жива знаменитая африканская маска, и вместе с тем в нее вкладывается иной смысл и содержание. Автор опирается на конкретные примеры и факты, почерпнутые во время его странствий по джунглям и саванне. Слившиеся в единое целое, эти факты рождают определенное представление о «покрове обычая», окутывающем быт, труд и психологию африканцев.

В заключительной части перед читателем предстает галерея известных и малоизвестных творцов современной африканской культуры и искусства, борцов за новую жизнь, соответствующую давним идеалам свободы и реального прогресса. В их духовном облике и замыслах концентрированно и выпукло выступает то, что менее заметно в обычном африканце, придавленном тяготами жизни и как бы существующем одновременно в разных временных измерениях. Эти люди самозабвенные патриоты. В их мироощущении зримо прослеживается соотношение между традиционными и новыми чертами в сознании граждан нынешней Африки, в беседах с ними становится ясна полная обреченность морали самоуничтожения, покорности и беспомощности,

которую разнообразными методами, вплоть до грубого насилия, насаждал у африканцев колониализм. Их в меньшей степени, чем крестьян, стесняют традиционные условности, и именно они теперь задают тон в поисках нового. В очерках о художниках, писателях и поэтах ставятся некоторые проблемы формирования новых воззрений и современной африканской культуры.

Предлагаемая в книге трактовка обычаев и обрядов, подсмотренных у разных народов, окрашена личным отношением автора к Африке и африканцам. У этнографов, историков и лингвистов подчас могут быть иные конкретные оценки тех или иных явлений. Читатель, конечно, обратит внимание и на то, что значительное место в книге уделено Камеруну. И не только потому, что автор провел более трех лет в этой республике, представляющей собой настоящую мозаику этнических групп и обычаев, но и потому, что, с его точки зрения, жизнь камерунца весьма характерна для многочисленной группы народов, говорящих на языках банту. Это жизнь большинства африканцев в других уголках континента.

* * *

Африка — неизлечимая страсть: вдохнешь пыль ее красной земли — латерита, услышишь многоголосый бой тамтамов, увидишь в отблеске ночных костров в какой-нибудь глухой деревушке мускулистые обнаженные тела танцоров в завораживающих масках, и трудно будет возвращаться из этого таинственного мира, всегда дышащего предвкушением и очарованием неожиданных приключений. Встретившись лицом к лицу с этим постоянно сулящим сюрпризы необычайным континентом, порой веришь в правдоподобие неправдоподобных сказаний и легенд, в подлинность сказок, с детства захвативших воображение. Оказавшись на Мадагаскаре, на Маврикии или в Мозамбике, я в иные моменты остро разделял чувства Синдбада, которого невероятной силы бури (в этих краях ураганы способны снести целые деревни, вымести на тысячах гектаров посевы, например, сахарного тростника) заносили в неведомые страны под неведомый небесный свод. Заблудившегося в южном полушарии Синдбада вынесла на родину могу-

Мали. Туареги среди просторов сахели

чая птица эпиорнис, скелет которой бережно хранится в музее Зоологического и Ботанического сада Цимбаза в столице Мадагаскара Антананариву.

Пришельцу покажутся поистине удивительными быт и многие обычаи африканцев.

...Маконде, сара, моси рассекают себе щеки, дабы все знали, к какому народу они принадлежат. Бамилеке зарывают останки своих предков в самом теплом месте хижин — под очагом: предки охраняют семью от злонамеренных колдовских сил. Йоруба измеряют благосостояние деньгами; тив, бамилеке, бамбара — величиной семьи, числом жен; бороро или антандруи — поголовьем скота; туареги — числом верблюдов и шатров. Бамумы, даже умирая с голода, не едят рыбы.

«Люди-тигры», «люди-кайманы», «люди-пантеры» в Заире, Южном Камеруне или Сьерра-Леоне, смертоносные по силе внушения табу габонских колдунов и знахарей, чародеи, прикомандированные к футбольным клубам Сенегала или Кении... — это черты противоречивого африканского настоящего, которые помогают не-

которым предвзятым исследователям на Западе до сих пор рассуждать о «незрелости» или «примитивности» сознания африканцев. Это нынешний день Африки. Но, выходя из колониального состояния, Африка борется за собственную новую культуру — оригинальную, основанную на многовековых традициях. Она привлекает себе на помощь подлинные достижения мировой цивилизации. Широкое общение и культурные обмены с другими народами способствуют искоренению из сознания африканцев всех «комплексов неполноценности», сложившихся в период колониального рабства.

Странствуя по бездорожью независимых стран континента, я встречал мальчиков и девочек, с трогательным чистосердечием утверждавших, что их предки — галлы. Конечно, когда бил тамтам, дети входили в общий круг и тут же становились теми, кто они есть на самом деле — потомками народов банту, фульбе или бамбара. Но когда тамтам был нем, молчала их душа и из уст инстинктивно вырывалась затасканная фраза из специально завезенного в Африку французского учебника для начальных школ.

Во многое происходящее в Африке сразу трудно поверить. Один деятель декретом меняет католицизм на ислам. Его коллега с жаром доказывает, что чернокожий соотечественник выглядит благородней и цивилизованнее, если четко грассирует «р» на французском, предпочитая этот язык — бесспорно прекрасный, но чужой — своему родному. Третий одним махом награждает себя сразу всеми национальными орденами, четвертый с отталкивающей искренностью невежды утверждает, что «народ по природе ленив и не способен трудиться».

В мае 1972 года на Мадагаскаре пал реакционный, до мозга костей продажный режим Цирананы. Как-то французский журналист, проведший годы на острове, смеясь, описывал нам причуды Цирананы. Один из присутствовавших малагасийцев задал вопрос:

— Так что же — хороший это президент или нет?

— Отличный, — рассмеялся француз.

— Ну, а хотели бы вы, чтобы у вас был такой же президент?

— Конечно, нет, — мгновенно последовал ответ с нотой обиды. — Между нами существенная разница.

Вам больше подходит «дада» («папа» — как величал себя Циранана).

Подобные правители, которых вынынчил и вскормил неокOLONиализм специально для Африки, вселяют в мягкие, слабовольные души глубокое разочарование и безысходность, безразличие к жизни.

«Вся беда в том, что никто в нашей новорожденной стране еще не пожил в тепле достаточно долго, чтобы набраться духу и сказать „К черту!“,— с горечью размышляет герой романа нигерийского писателя Чинуа Ачебе „Человек из народа“.— Все мы до вчерашнего дня мокли под дождем. А потом кучка людей, самых ловких, самых удачливых, но далеко не самых достойных, отчаянно работая локтями, захватила единственно приличное убежище, оставленное нашими прежними властителями, и прочно обосновалась в нем, забаррикадировав все входы и выходы. Из-за закрытых дверей эти люди через бесчисленные громкоговорители пытаются теперь уверить остальных в том, что мы выиграли первый этап борьбы и что теперь нам предстоит второй, еще более важный этап — расширение нашего дома; для решения этой задачи необходима новая тактика: всем разногласиям отныне должен быть положен конец и народ должен сплотиться воедино, потому что распри и склока за порогом их убежищ могут расшатать и разрушить весь дом».

Руководители, которые не выходят за пределы личных или узкоплеменных интересов, хочет сказать Ачебе, тянут назад Африку, которая сознательно отстаивает иные идеалы, зовущие массы в поход против отсталости и невежества. «К дереву, не приносящему плодов, не проторена тропа»,— говорят волоф. Эта поучительная пословица как бы обосновывает путь новой Африки к прогрессу. Но пока, будто родимые пятна на лице континента, бросаются в глаза признаки трагической нищеты и отсталости. Вот отдыхающие в тени «деревьев совета» беззаботные многоженцы Западной Африки. Их жены в это время, изнемогая, трудятся на полях при сорокаградусной жаре. Вот четырех-пятилетние малыши, выпрашивающие на городских улицах милостыню. Вспоминаю беременную женщину с измученным, очень старым лицом в одной из больниц. На руках у нее грудной ребенок.

— Это внучек? — поинтересовался я.

— Нет, это мой одиннадцатый сын. Мне же только 30 лет,— печально (а может быть, это только показалось мне?) ответила она.

Пугающая повседневная правда заключена в образе этой не успевающей оправиться от очередных родов, очень рано состарившейся, истощенной африканки. Горький, а с точки зрения врачей заурядный, факт, обычный для многих стран «черного континента».

— Комфорт им не нужен,— оправдывал эту трагедию знакомый французский журналист.— Их устраивает то, что есть, к чему они привыкли за столетия, что завещали им предки.

Но ведь дело не только и не столько в заветах предков и в привычке, ибо критерии счастья, понятие достатка не вечны. Бедность и уровень экономического развития круче и наставительнее любых обычаев предков диктуют людям все вплоть до вкусов и привычек.

«Наш народ не готов к революции,— пессимистически заявляет Дахунка, персонаж новеллы конголезского писателя Анри Лопеса „Бутылка виски“.— Все, кроме твоей или моей семьи, будут аплодировать тирану. В Африке рукоплещут тем, кто побеждает, а не тем, кто прав. Сегодня ты — президент, я — в тюрьме. Тебя называют „отцом нации“, меня „предателем“. Завтра ты свергнут, я выхожу из тюрьмы, и те же самые люди возводят меня в ранг национального героя. Меня поддерживает лишь семья, да и то не потому, что разделяет мои убеждения, а из чисто животного сентиментализма».

Так ли это на самом деле? В столь очевидном преувеличении есть и своя доля истины. И все же принимать патриотизм и свободолюбие африканца — значит вообще не разбираться в Африке. «Гайна принадлежит хранящему молчание»,— предупреждают бамбара. Молчаливая Африка долгие столетия скрывала от своих недругов-поработителей все, что у нее наболело, все свои сокровенные надежды и идеалы. И не первым мимолетным неудачам и разочарованиям в самостоятельной жизни развенчать эти давние чаяния.

Странными, дикими и жестокими кажутся порой многие живучие, отдающие плесенью старины обычаи и традиции. Однако в них тоже есть, или по крайней мере

был, отпределенный смысл. Африканец считает своими исконными и подчас даже инстинктивно противопоставляет их всему чужому, навязываемому извне. Насильственный брак двух цивилизаций — западной, капиталистической, и африканской — явно не удался. Эти слова, услышанные мной от писателя Франсуа Эвембе, проясняют отношение Африки, основной массы ее жителей, к культурной агрессии Запада, начавшейся еще в эпоху захватов. Действительно, колонизация деформировала общество и его идеалы, прервала нормальную эволюцию континента. Ссылки на технический прогресс, якобы принесенный ею — «нет худа без добра», — сомнительны. На западе континента, к примеру, с помощью принудительного труда африканцев, с самыми малыми для метрополий затратами был проложен минимум железных и шоссейных дорог для вывоза ценной тропической сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых за море. Многие экономические объекты, построенные до 40-х годов текущего столетия, буквально выросли на костях тысяч несчастных людей, погибших от голода и лишений во время насильственных трудовых работ. В годы колониализма возникли мелкие промышленные, главным образом перерабатывающие, предприятия, да и то не повсюду. В континентальных странах — Верхней Вольте, Мали, Нигере, Чаде и других — о промышленности и инфраструктуре еще в 1960 году говорили только в будущем времени. Так что колониализм нес в Африку технический и научный прогресс в весьма незначительных дозах и исключительно с корыстными целями. Африканцы всегда оставались при этом сторонними наблюдателями.

В глазах африканцев колониалисты воплощали собою насилие и зло, как ни старались они ханжески изобразить на своем лице добрую снисходительную улыбку. С колониализмом сотрудничать немислимо — этот исторический урок в Африке усвоили накрепко. И подчас — крайности всегда есть и всегда опасны — даже лучшее в западноевропейской культуре представлялось африканцу неприемлемым. «Если говорить, то только с тем, кто поймет», — предостерегает народная мудрость фульбе.

Раны прошлого кровоточат — соль на них сыплет неоколониализм, для которого духовное порабощение

Африки — одно из главных средств продления своего господства. Отсюда подчас упорное стремление африканцев держаться за свой, пусть даже отживший, ветхий обычай — своеобразная реакция на растлевающее влияние чужеземцев-колонизаторов, старавшихся превратить человека в низкого безропотного раба без капли достоинства и морали, вытравлявших из его сознания чувство родины. Вот почему интеллигенция многих африканских стран планомерно восстанавливает модель культуры и истории прошлого, проводит «инвентаризацию» обычаев и традиций, собирает легенды и сказания, чтобы из народного наследия отобрать все, что поможет формированию и расцвету личности гражданина свободных африканских стран.

Разными бывают традиции. «Банан сладок, но и у него есть кожура», — гласит малагасийская пословица. Добраться сквозь шелуху до сути и отобрать для сегодняшней жизни все самое лучшее и необходимое из глубины веков — благородная цель.

«Черный континент», расправляя плечи, как на монументальной мозаике эфиопского художника Эфеворка Текле в аддис-абебском Дворце Африки, рвет цепи — узы всякого рода зависимости — и идет своим путем, сколь ни ошеломляет его изменение традиционного образа жизни, резкое ускорение ритмов, сколь ни тяжело ему приходится в годы восстановления экономики, общества, культуры и личности.

Часть I

ПО ДОРОГАМ И ТРОПАМ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

СУДЬБА «ТАИНСТВЕННОГО» ГОРОДА

Тишина. Тишина глубокая, непроницаемая, беззвучная, спокойная, нисколько не похожая на привычную ночную полутьшину африканских городов и селений, заполненную нескончаемой песней птиц и насекомых. Такого молчания мне никогда и нигде, кроме Томбукту, не доводилось слышать. Это волнующее, необычное откровение — вслушиваться в тишину исторического города. Казалось, будто это безмолвие растворило в себе славное прошлое Томбукту, его энергичных, умных обитателей, шумную суету дней, стало памятником давней цивилизации клинобородых марабутов, улемов — историков, философов, поэтов, выдавших виды купцов и обыкновенных тружеников, без которых невозможна ни одна цивилизация.

Пытливому человеческому разуму — в трудах историков, археологов, этнографов — удается иногда приподнять завесу веков и заглянуть в прошлое, выведать некоторые ушедшие в историю тайны.

Тишина, согласно легенде, сопутствовала рождению Томбукту. В конце XI века в переплетениях дюн, среди полусухих деревьев, высасывающих своими листьями-колючками скудную влагу из знойного воздуха, туареги, которых за нескончаемые перекочевки по необитаемым пространствам Сахары прозвали «синими призраками пустыни», избрали однажды здесь место для своей главной стоянки. Они вырыли колодец, соорудили склад зерна. В нескольких километрах от кочевья на берегу Нигера скопище узких длинных пирог создавало

Мали. Томбукту в разгар дня всегда тих и безлюден

подобие порта. С началом дождливого сезона оживал сахель — по-арабски «берег», берег пустыни Сахары. В этой переходной зоне между саванной и пустыней, повсюду невесть какими судьбами из песка начинала пробиваться зелень; туареги свертывали свои фелиджи — шатры из верблюжьих шкур, закрепленных на концах шестов и колышков, и вслед за скотом двигались на север в глубь Сахары на временно возникавшие пастбища. Одна только старая рабыня по прозвищу Букту (на тамашек — языке туарегов — «пупок») оставалась сторожить зерно, колодец, редкие акации, ковыль и мертвые волны дюн. Долгие месяцы одиноко сидела Букту у колодца под колючим деревом и смотрела на север. Вокруг было очень тихо. Долгие дни и ночи очень тихо. Лишь изредка, чтобы развлечь ее, заводили свои непонятные песни пески. Ночами Букту подчас чудилось, что с высоты ей ободряюще подмигивают всегда такие равнодушные светлые пятна — звезды, что именно к ней сквозь крошечную тьму плывет, на глазах рассыпаясь в пыль созвездий, холодная луна.

Мало-помалу жарче припекало солнце. Сахель одевался в жесткие серо-желтые одежды. Прятались в песок растения. Все ближе к Нигеру тянулся скот, а в

разговоре туарегов все чаще можно было уловить два слова: «Тин Букту» («К Букту»). «Не пора ли возвращаться к Букту?» — советовались между собой старики. Их решение становилось законом для кочевья. Старая рабыня, которой чудилось, что она оглохла от тишины, вдруг начинала улавливать едва слышный шум верблюжьих караванов, нестройное блеяние овечьих отар... И ей становилось легче оттого, что она, вновь теряя свободу одиночества, обретала ничем не заменимую жизнь среди людей.

Давно сошла в мир иной Букту, но этот уголок среди колючих деревьев и песков, разросшийся с веками в крупный африканский центр — город Томбукту, так и остался связанным с именем старой рабыни. По другой версии, город был основан в XIII веке туарегами — погонщиками верблюдов как перевалочный пункт караванной торговли. Но легенда о Букту, записанная мной в одном из фелиджей, ближе подходит к истинной сущности этого «корабля пустыни», каковым был город для остального мира.

Когда на старинный город опускалась ночь, мы гуляли по широкому песчаному проспекту, полумесяцем обнимающему струдившиеся глиняные одноэтажные или двухэтажные строения с округлыми формами. Звук наших шагов глушил топкий, мелкий песок. Изредка одинокий встречный фонарь бросал вокруг себя блеклый круг света, либо тусклая керосиновая лампа освещала силуэты шепотом беседовавших мужчин. Вечера здесь тихие. Мы гуляли по опустевшему городу, затаив дыхание в тон окружающей обстановке, молча, думая о своем. Обменивались впечатлениями только по возвращении в гостиницу.

Безлюдная ночь Томбукту таит в себе многочисленные легенды, пугает ими местных жителей и нестойких в атеизме гостей.

Мы шли мимо одноликих, квадратных домиков рядом со страшной улицей Йогоцдололо, на которой замаскированный под туарега белый всадник на белом коне, злой дух, будто бы провалился сквозь землю (местные жители утверждают, даже ссылаясь на очевидцев, что именно так и было), увлекши за собой пересекавшего в тот полночный час улицу погонщика верблюдов. Улица с тех пор перегорожена. И туда как-то не хоте-

лось идти, даже несмотря на присущее большинству туристов любопытство: вдруг белый всадник явится опять.

Вернувшись, мы устраивались на террасе в креслах и вглядывались влево, в сторону старого канала М'Барабангу, которым почитаемый в Мали первый из великих сонгайских царей — сонни Алибер (Али Великий) соединил Томбукту с Нигером. Метрах в ста от нас виднелся берег, где в полнолуние, на четырнадцатый день луны, по преданию, выходит из воды неотразимой красоты женщина в белом. Она прядет белоснежную хлопчатую пряжу и заманивает своей красотой молодых мужчин.

Позже, объяснил мой спутник Мулае Сиди Яхья, их бездыханные тела находят в пучине вод.

Тишина ночного Томбукту — это музыка близкой Сахары, заунывная песня одинокой рабыни Букту, это одна из первых тайн, отнятых нашим воображением у таинственного города. Тайны Томбукту захватывающи. Каждый город на земле своеобразен и хранит свои маленькие и большие секреты, но именно Томбукту с его сложной судьбой вошел в историю как «таинственный город».

В разгар дня Томбукту спокоен и неподвижен. Верблюды-одиночки, на которых горделиво восседают туареги или белла, тихо плывут по глубокому песку, соревнуясь с шумными автомобилями, изредка вторгающимися в монотонную, размеренную жизнь города. Серые домики кажутся вымершими. Редкая жухлая зелень выглядит микроскопической на общем желтом фоне и как бы сливается с наводящим уныние пейзажем. Прохаживаясь по пустынным улицам, испытываешь неодолимое желание встретить человека. Речь, конечно, идет не о центре города и не о двух его рынках, а о тесных запутанных томбуктинских кварталах. Люди дома, они заняты своим делом. Город, кстати, славится художественными промыслами.

— Каждый коренной томбуктинец с детства обучается какому-нибудь ремеслу, — рассказывал мне тогдашний мэр города седой добродушный Махаман Аласан Хайдара. — Я, например, специалист по вышивке.

— Давайте сходим в гости к моей родственнице, — предложила однажды сотрудница Малийского управле-

ния туризма резвая красавица Кумба. Шумной толпой мы проследовали по лабиринту серых безмолвных улиц к обнесенной земляным забором хижине без окон, но с дверьми. В прихожей на зыбком, песчаном полу меж квадратных столбов, на которые опиралась плоская глиноземная крыша, сидела на соломенной циновке молодая женщина в пышном ярко-зеленом одеянии.

— Моя сестра — вдова, — познакомила нас Кумба. — У нее трое детей. Ей немного помогает брат мужа, но главный заработок ей приносят соломенные изделия. Она — ювелир по соломе.

В Мали только в Томбукту можно найти ювелирные изделия из соломы. Рассевшись, мы замороженно следили, как под чудодейством длинных, ловких пальцев мастерицы выплеталось изящное ажурное ожерелье воскового цвета. Женщина беседовала с нами, работали только руки, но в том, что рождается произведение искусства, не было ни малейшего сомнения.

Кумба принесла работу сестры: соломенные серьги, кольца, браслеты оригинальных местных форм.

Покидая неказистую хижину, я обернулся. Хозяйка, проводившая нас до дверей, уже вернулась к работе над ожерельем. На улице никого не было видно. То же «деловое безлюдье» мы наблюдали в кварталах ювелиров, горшечников, мастеров кожаной галантереи, оружейников. Только ткачи сидели за своими допотопными станками во дворе или прямо на улице, растягивая многоцветные нити для будущих узорчатых покрывал или полотенец и беззвучно улыбаясь назойливым фотолюбителям.

Около 12 тысяч сонгаи, фульбе, мавров, туарегов, белла и бамбара живут здесь. Томбукту — центр одного из районов сплошной неграмотности в Мали. Монотонные будни маленького города, ютящегося меж дюн на площади километр на километр, изредка скрашивают народные празднества под тамтамы, да еще раз в год все жители высыпают на улицу: прибыл азлаи — караван верблюдов с солью из далекого Таудени. Степенно, с достоинством плывут по городу сотни кораблей пустыни; по их виду и не подумаешь, что на спине у каждого по меньшей мере по четыре увесистых бруска соли, а позади — 1600 километров пройденных туда и обратно по Сахаре.

В сегодняшней незначительности, даже некоторой внешней заурядности Томбукту скрывается другая, самая глубокая тайна города, тайна судьбы — разительное противоречие, контраст между его скромным настоящим и блистательным прошлым. Эта тайна привлекает сюда туристов, тех самых, которых можно увидеть у колоссов Мемнона, у пирамид Гизы, среди развалин древней Трои, перед белоснежными колоннами Акрополя.

По утрам около двух городских рынков — нового, крытого и Юбу — старого, что удобно расположился близ маленькой пристани для пирога на берегу похожего па реку канала, — толкуются разноплеменные торговцы и покупатели: женщины фульбе и сонгаи в величественных одеяниях, сверкающих всеми цветами радуги, мужчины туареги и мавры с лицами, скрытыми до глаз традиционными повязками литтам, в голубых чалмах и бубу (ниспадающих широких туниках свободного покроя)...

В гордой, снисходительной позе, оперевшись рукой об эфес кривой сабли, туарег, обвешанный амулетами против «дурного глаза» и наговора, с повязкой на рту, не сходя с места, бесстрастно взирает на снующий вокруг мир. Иногда туареги образуют неподвижные скульптурные группы рядом с прилегшим на песок верблюдом или кучкой прижавшихся друг к другу ослов, и неясно, то ли они приехали из далекого кочевья продать злополучного верблюда или робких ослов, то ли просто показать себя в этот жаркий базарный день.

Давным-давно, утверждает легенда, туареги — воинственные племена берберов-кочевников — были наголову разгромлены врагами в отчаянной сечи. Потеряв даже верблюдов, они с позором бежали с поля битвы на юг к родным стоянкам. Удрученные жалким видом воинов, женщины стали срывать с себя покрывала и швырять их побежденным мужьям. «Мы стыдимся вас! Скройте этими платками свои испуганные лица!» — восклицали они. С тех пор арабы называли туарегов «ал-мулас-самин» — «завешивающие лицо покрывалом».

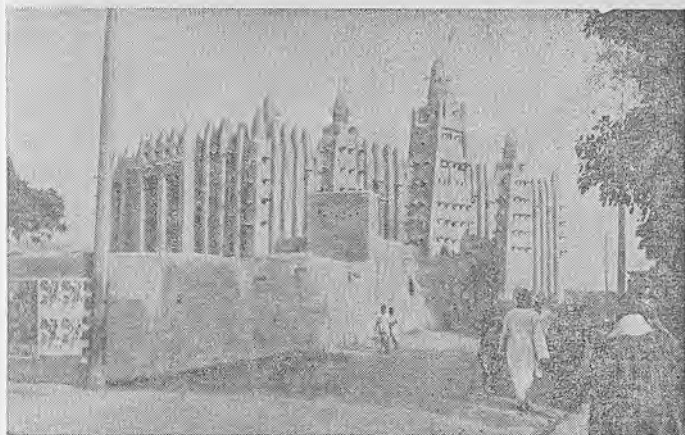
Не в пример мужчинам женщины у туарегов ходят с открытыми лицами. Одеваются они в просторные голубые платья ниже колен, носят в косах и на руках серебряные украшения и поражают своей гордой осанкой

и природным благородством. Они часто умеют читать и писать, увлекаются музыкой. По вечерам слаженные женские оркестры крадут тишину у безмолвного сакхеля.

Средневековые суданские летописцы называли Томбукту, входивший сначала (XIII—XV вв.) в состав державы Мали, а потом (XV—XVI вв.) — государства Сонгай, «местом встречи тех, кто путешествует на пирогах и на верблюдах», «воротами в Сахару», «великим сухопутным портом», «королем пустыни». В этих словах заключено все значение города как торгового центра всей Западной Африки той эпохи. Менялись царства, властелины, а Томбукту не терял своего престижа. Город был резиденцией правителей (мадугу) в царстве Мали; в эпоху расцвета Сонгайской державы он был второй столицей страны. С юга на пирогах прибывали слоновая кость, золото, черное дерево и другие диковинные африканские товары; с севера предприимчивые, смелые гости на верблюдах привозили на рынки Томбукту венецианский жемчуг, дамасские клинки, ткани, оружие и прочие товары из Марокко, Алжира, Египта, Триполитании, Европы. Сюда даже пригоняли породистых скакунов. Привередливые местные модницы были без ума от ракушек с Мальдивских островов. Методы торговли, честные и нечестные, были доведены до совершенства. В летописи о правлении царя Сонгайской державы аскии Мохаммеда (1493—1528), прозванного Великим, подробно описываются мошеннические, спекулятивные операции, различные способы надувательства. Летописец осуждает использование фальшивых мер и весов, чрезмерные примеси меди к золоту и серебру, утяжеление золота разными примесями.

С напряжением работали на емкий внутренний и внешний рынок томбуктинские умельцы. Хватало заказов 25 портняжным мастерским — по 50—100 мастеров и подмастерьев в каждой. Платья и бубу, украшенные похожими на магические письма вышитыми узорами, пользовались спросом даже в Испании. Многие переняли испанские и андалузские мавры у здешних мастеров вышивки...

В те давние времена Томбукту был религиозным и интеллектуальным центром Западного Судана. Мечеть Санкоре с обтекаемой пирамидальной башней, по дли-

Мали. Мечеть в городе Мопти — одно из произведений средневековой архитектуры.

не и ширине скопированная ее строителем Эль-Акибом с древнего святилища Кааба в Мекке, внешне напоминает крепость. Меж частокола колонн редкие застывшие в приниженных позах богомольцы. Гордый старец — имам Махмуд показывает нам могилы своих далеких предшественников. Это они в XIV веке руководили здесь крупным научным центром ислама — университетом Санкоре, где студенты из разных стран изучали Коран, философию, литературу. К мнениям знаменитых хронистов Ахмеда Бабы, Мохаммеда Багайого, Махмуда Кати и других с уважением относились ученые исламского мира. Кроме университета существовало также 180 школ по изучению Корана, где занималось приблизительно 25 тысяч учеников. «Соль привозят с севера, — гласит старинная суданская мудрость, — золото — с юга, деньги — из стран, населенных белыми людьми, но божьи слова, мудрость ученых, истории и увлекательные рассказы можно найти только в Томбукту». Грамотность была в чести и даже считалась критерием свободы личности. «Раб, выучивший Коран, отпускается на волю», — записано в древнем манускрипте.

По утрам, прижимая книги к груди обеими руками, сложенными крест-накрест, идут гурьбой в школу шаловливые томбуктинские мальчишки. Со связками учебников и тетрадей на головах, обмениваясь шепотом сек-

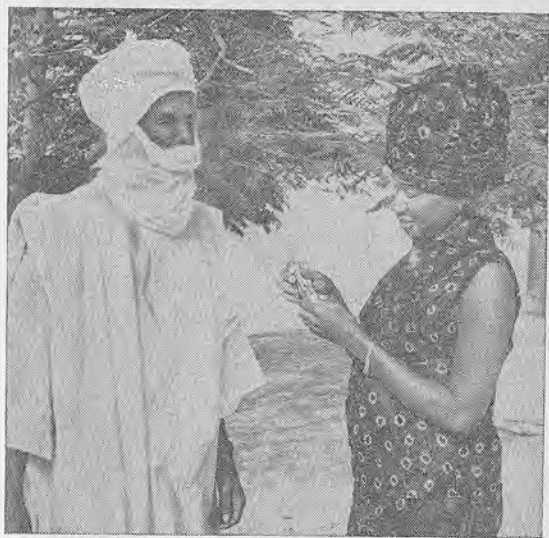
ретами, отдельной стайкой торопятся девчонки. За оградой нового франко-арабского лицея углубились в учебники юные томбуктинцы. Будущее за ними, но история неповторима. Дети изучают тайны ушедшей цивилизации, гордятся ею, и, быть может, среди них есть те, кому суждено внести свой вклад в рождающуюся малийскую культуру наших дней, достойную преемницу культуры «333 уалиду» — томбуктинских мудрецов.

Среди ремесел в Томбукту XVI века более всего процветало переплетное дело. Добротные кожаные переплеты всевозможных оттенков стоили недешево, но чего не пожалеешь для любимой книги — спрос на них не снижался. Книги были самой доходной статьей торговли. Их везли из Марокко, Египта, Сирии, Багдада, Испании и других стран. Крупнейшие личные библиотеки здешних книголюбцев достигали двух тысяч томов. По словам выдающегося ученого той эпохи Ахмеда Бабы, во время марокканского нашествия из его библиотеки было похищено 1600 книг.

Редкие или слишком дорогие книги любители переписывали. Ученые Томбукту писали собственные сочинения по вопросам религии, философии, истории, медицины, морали. Ахмед Баба оставил миру две книги, которые нынче хранятся в национальной библиотеке в Париже. Одна описывает быт и нравы народов Черной Африки, другая сообщает о врачах Томбукту. Доморощенные грамотеи вели летопись родов, семей, невольно рисуя потомкам картины жизни того времени... Томбукту был хранилищем мусульманской арабской литературы, рукописей о средневековой Африке и арабском Востоке. Но где же теперь эти сокровища?

В декабре 1967 года ЮНЕСКО организовала здесь совещание экспертов по письменным источникам африканской истории. «По всей вероятности, рукописей в этом районе много», — говорят знатоки.

Некоторые даже называли цифры «три тысячи», «пять тысяч»... Увидеть их трудно: ревнивые обладатели рукописных книг от традиционных вождей до бедняков рассматривают их как семейные реликвии и не желают с ними расставаться ни за какие деньги. Они прячут манускрипты от постороннего глаза, скрывают, как умеют, вплоть до того, что зарывают в песок. Время и небрежное хранение наносят непоправимый ущерб

Мали. Задумчивая беседа в Томбукту

ценным книгам, свидетелям прошлого. Вот почему беспокоятся ученые о спасении и сохранении томбуктинских рукописей.

Когда я приехал в город, первым моим желанием было увидеть старинные рукописи. Однако специальных библиотек здесь не оказалось. Поэт Албакай Усман Кунта указал на сопровождавшего нас интеллигентного местного жителя Юсуфа:

— Просите Юсуфа. Он — один из обладателей рукописей.

Два дня отмалчивался Юсуф в ответ на наши заходы и подходы; наконец сказал:

— Если один мой приятель согласится, то вы их увидите.

Сначала мы отправились во франко-арабский лицей. Там Юсуф о чем-то договорился с высоким стариком в голубой чалме. Это был экономец лицея. Его звали Эль-Фасалу. Затем старик подсел в наш газик. Попетляв по улицам, мы остановились перед одним из домов. Нас попросили подождать во дворе.

Несколько минут спустя Эль-Фасалу вынес нам тщательно завязанную картонную коробку из-под пивных

бутылок. Две рукописи в массивных выцветших коричневых переплетах, одна побольше, другая почти карманного размера, предстали перед нами. На толстые пергаментные листы обесцвечивавшейся тушью была нанесена ажурная арабская вязь. Осторожно перелистывал старик книгу. Среди нас не было человека, хотя бы чуть-чуть знакомого с арабским языком, но вид рукописей XIV—XV веков оказывал магическое воздействие, а будущее книг приводило в уныние.

Раскроется ли тайна манускриптов или же останется в них навсегда? Успеют ли специалисты добраться до них? — думали мы, глядя на жалкое состояние памятников старины.

Современный город скромнее Томбукту прошлых веков: его население в десять раз меньше и в большинстве неграмотно. От прошлого сохранились только старые мечети Санкоре, Дженгерэбер и Сиди Яхья да массивные двери некоторых домов, покрытые искусно вырезанными фантастическими узорами и сверкающие бронзовыми чеканными украшениями.

Сумерки в тропиках не опускаются, а буквально падают. Граница между днем и ночью не более 20 минут. Едва успеешь проводить глазами игрушечный малиновый диск холодного вечернего солнца, а на небе между размывами Млечного Пути уже мерцают блестящие звезды. В такие вечера матовый лунный свет с холодной равномерностью озаряет песчаные улицы Томбукту. Серебристые сугробы песка, местами переходящие в ажурную рябь, рождают романтическое впечатление лунного пейзажа. Это впечатление усиливается царящей вокруг мертвой тишиной.

Иногда размечтавшегося пришельца возвращает на землю песня, нежданно возникшая в глубине этого молчаливого царства. Резонанс в песчаных пространствах Предсахарья великолепный, и если одинокий певец поет хорошо, то ему внемлет весь город.

Песням, которые слышишь в «таинственном» Томбукту, сотни лет, и все они подобно баобабу — оставшиеся в живых свидетельницы подвигов давно минувших дней. Под мерное, завораживающее пиликание двухструнной маленькой скрипки, обтянутой коровьей кожей, певец поет «Бахриди», песню о походах вождя Арма Бахади.

«Даже если ты должен вот-вот погибнуть, не поворачивайся спиной к врагам. Помни о матери, вскормившей тебя своим молоком! Твоя отвага несравненна! Бейся до победы!» — набирает силу голос барда. Эта старинная песня вдохновляла сонгаи на неравные кровавые битвы с колонизаторами в прошлом веке, а в более поздние, мрачные годы колониального гнета внушала им надежду на свободную жизнь.

Однажды уроженец Томбукту поэт Албакай Усман Кунта прервал наш разговор на полуслове:

— Лучше послушай эту песню. «Я раби Баба» — песня о нашем Стеньке Разине.

«Боже, охрани Бабу» — так она называется в переводе.

В прошлом веке Баба был вождем одного местного клана. Под его предводительством отряды соплеменников сражались с кочевниками-туарегами. Будучи предан своим племенем, он спасся с немногими воинами, уплыв на пирогах вверх по Нигеру. Томимый обидой, Баба долго отказывался помогать землякам. В конце концов, поддавшись их просьбам, движимый чувством патриотизма, он приплыл на челнах-пирогах восвояси и вновь стал оборонять родное племя от коварных врагов.

«Баба, желаем тебе стареть по примеру акации, которая, даже иссохнув и покрывшись дуплами, не рассыпается и продолжает твердо стоять на земле... Будь счастлив, Баба,— славит его жена.— Пусть твои дочери выйдут замуж при тебе. Будь здоров! Я раби Баба!»

Иногда, сойдясь на вечернее гулянье, девушки нежными, тонкими голосами обращаются в песне к извечной теме — теме любви. Чаще же бывает так, что сгрудившимся вокруг красавицам поселянкам поет о любви бродячий певец — гриот. Прислонившись спиной к разогретой глиняной печи, обычно расположенной у входа в дом, старый бард затягивает излюбленную «Нбаку» («Я его люблю»). Резвый ритм песни диктуют гулкий барабан и индиарка (погремушка). Мне ее наигрывал в комнате у Махамана Аласана Хайдары в том же традиционном музыкальном сопровождении артист, прошагавший с этой песней не одну тысячу километров. Ее содержание — клятва верности любимому, посланная через расстояния. Девушка горячо заверяет воина,

ушедшего на битву за родину, в том; что ее чувство не только не меркнет, но даже становится жарче. Она раскрывает подружкам секрет своей преданной любви к далекому другу.

В песнях сонгаи найдешь многое — хвалу высоким человеческим качествам, уважение к старикам, к тем, кто умеет достойно трудиться, восхищение родной страной. В почете и едкий юмор. Песня «Альфа Абба Вангара» родилась еще до нашествия на Сонгайское государство марокканцев в конце XVI века. Это — веселый панегирик вождю семьи Вангара.

«Ты идешь столь горделивой размашистой походкой, что хочется раздвинуть улицы Томбукту... Но не слишком ли ты серьезен и надут? — с лукавой улыбкой напевает гриот. — Конечно, ты не в пример всем нам умеешь читать, но твоя ученость не должна мешать тебе веселиться и радоваться хорошей музыке. Так засмейся же, о чересчур серьезный вождь!»

Глуше звучит песня. Тишина берет свое. Время уже за полночь. Заметней прохлада пустыни. Откуда-то издалека доносится завывание — быть может, голодных гиен, а скорее всего, озябших песков под ветрами. Некоторые суеверные сонгаи утверждают, что это гnevаются души умерших предков.

«Ночь — наша стихия, — слышится в вое духов. — Человек не должен присваивать ее себе, как бы ему ни хотелось развлечься, как бы ни хотелось ему продлить жизнь. Оставьте ночь тем, кому она принадлежит».

И народная песня замолкает, чтобы на следующий вечер возродиться где-нибудь вновь и напомнить о прошлом, навести людей на размышления о настоящем и будущем, о добре и зле, о вечно искомом смысле человеческого существования. Песня о славных традициях бережит душу, внушает надежду.

Нет сомнения, что и у Томбукту XX века будет свое место среди городов Африки. Ныне не только верблюды да воды Нигера соединяют его с остальным миром. В Томбукту построен аэропорт. Семикилометровое шоссе связывает город с новым речным портом Кабара. Среди сооружений, появившихся здесь за годы независимости, — электростанция, водопровод, стадион. Построен похожий на дворец отель.

«Пусть вернется роса в забытый оазис», — начинается

стихотворение «Дюны Санкоре», посвященное Томбукту, малийский поэт Албакай Усман Кунта.

Томбукту прошлых дней,
Томбукту ученых и астрологов,
Томбукту добродетелей и святых,
Томбукту ремесел и университетов,
Томбукту полных лун и молочных песков,
Томбукту света и тайн, тамтамов,
Томбукту затихших ритмов,
Томбукту предков,
Встань! Возродись!

УКРЫВШИСЬ НА СКАЛАХ

Перед моими глазами догонская скульптура — человек, крепко зажавший уши руками. Как полагают многие толкователи, этот шедевр резьбы по дереву выражает стремление маленького народа отгородиться от пугающей его современной цивилизации, жить так, как жили предки. Может быть, это верно, и доказательством тому служит подвижническая жизнь племени, взбравшегося на крутые скалы Бандиагары.

На востоке республики Мали южнее излучины Нигера поднимается причудливо изрезанное кристаллическое плато Бандиагара и самая высокая гора страны Хамбори (тысяча метров). Массивной отвесной стеной навис уступ Бандиагары над выжженной саванной долины Нигера. Среди труднодоступных скал, отсеченных друг от друга глубокими впадинами, в течение веков находят убежище догоны.

Что толкнуло целый народ поселиться на вершинах голых скал, добровольно пойти на лишения и трудности? Беспощадность завоевателей? Или желание уединиться? До них в этом районе жили низкорослые с малиновым отливом кожи бана, которых вытеснили затем курумба. Некогда догоны обитали в районе Манде (на территории царства Мали в XIII веке). Под напором несметных полчищ врагов они отступили к нагорью. На пути у них, если верить легенде, неожиданно оказалась широкая река, но беглецам помогли крокодилы. «Добрые» рептилии образовали мост, по которому догоны переправились на противоположный берег, оторвавшись от преследователей. Крокодилы вдохновили

Деревни догонов всегда в горах

их на бой с курумба, которые, проиграв битву, перебрались в район Ятенги (Верхняя Вольта).

Догоны — самобытный народ. Однажды я прочитал в газете «Эссор» коротенькое объявление о предстоящем традиционном празднике Сиги в догонском селении Юго-Догору. Праздник этот необычный: он ежегодно перемещается из деревни в деревню так, что очередь каждого селения наступает раз в 60 лет. Кому не захочется побывать на празднике, который бывает единожды в пределах человеческой жизни?

Дорога от Мопти до села Санга, где расположилась база Малийской организации туризма, выглядела как тщательно усложненная, полная изысканного вероломства кроссовая дистанция, рассчитанная на Геракла. Резкие, невероятной крутизны подъемы, неожиданно обрывающиеся спуски, неисчислимые выбоины, рывки и кочки — все это приводило в изнеможение наш видавший виды лендровер, вызывало приступы морской болезни даже у закаленных путешественников. Автомобиль то и дело останавливался, чтобы дать кому-нибудь возможность прийти в себя.

Но еще более тяжёлым был путь среди скал от Санги до Юго-Догору, и я утешал себя мыслью, что за все интересное в жизни надо платить терпением. Тонкая как нитка дорога, на которой немислимо было разъехаться

двум автомобилям, виляла по горам, то взлетая ввысь над тесными дефиле, то вдруг настолько сужалась, что вместо обочины я, как внимательно ни выглядывал для успокоения из окна машины, ничего, кроме пропасти, не видел. Казалось, что машина парит в воздухе. Довольно часто мы как бы перескакивали через широкие расщелины, переправлялись со скалы на скалу по хрятящим самодельным мостикам из хрупких подручных материалов. Казалось, что достаточно ступить на это шаткое сооружение и оно обрушится в пропасть. Не только я, но и все мои спутники робко оглядывались назад: цел ли мост? Ведь предстояла дорога обратно.

— Долго жить будем, — пошутил француз-учитель из Бамако, когда после праздника мы вернулись в Сапгу. Увы, сам он вскоре заболел риккетсиозом из-за неосторожного пользования водой из догонских колодезев.

Праздник Сиги — это, пожалуй, наиболее подходящий случай для знакомства с догонами. Их быт, обычаи и представления о жизни ярко проявляются в этом торжестве. Сиги — одна из самых старинных традиций народа. Ее смысл — искупление каждым новым поколением вины перед некогда обиженным прародителем, испрошение у него всяческих благ и спокойствия для деревни.

Накануне праздника вождь деревни Санга Огобара Доло поведал мне историю Сиги. Несколько легкомысленных молодых людей совершили опрометчивый проступок, приведший в ярость самого старого человека в деревне — прародителя Дионгу Серу. Однажды, возвращаясь в деревню, они натолкнулись на старика Дионгу, который уже перевоплотился в змею. По поверьям, старики тогда могли превращаться в любое священное животное, и это не мешало им вновь становиться людьми. Серу не мог сдержать себя при виде их недостойного поведения и в облике змеи отругал их на человеческом языке, тем самым нарушив табу, запрещавшее перевоплотившимся говорить на языке людей. Поэтому он тут же испустил дух. Поначалу прямые виновники его смерти — жители деревни Юго-Догору — не осознали всей глубины происшедшего. Они уразумели это, когда после смерти старейшины в одной из семей родился мальчик с красной кожей, покрытой коричневыми змеиными пятнами. Его кожа обрела нормальный

вид лишь через семь лет, когда деревня вымолила прощение у обиженного предка. Именно тогда в первый праздник Сиги была вырезана из большого дерева великая маска Имина на, а мальчик стал первым членом тайного традиционного общества масок Ава. С тех пор раз в 60 лет каждое новое поколение отмечает Сиги и пополняет ряды посвященных — членов Ава.

К празднику готовятся загодя. После сбора урожая почти за четыре месяца до праздника лучшие деревенские резчики по дереву удаляются в саванну на поиски тогодо — большого дерева, красный сок которого догоны отождествляют с человеческой кровью. Маска Имина на вырезается как раз из этого дерева и после процедуры освящения слывет за одушевленное существо, обладающее магическими свойствами. Для суеверных догонов маска — своеобразное вместилище духа предка на предстоящие 60 лет, охранительница деревни. Наголовник Имина на достигает 10-метровой высоты, и надо быть тренированным атлетом, чтобы не только носить маску, но и непринужденно танцевать с ней. На вид она представляет собой ползущую вверх змею с прямоугольной головой и крепким извивающимся туловищем, как бы сложенным из красных и черных треугольничков. Для освящения, а возможно чтобы позволить предку перебраться в новое жилище, новую маску ставят на некоторое время рядом со старой, 60-летней, чудодейственные силы которой иссякают. В знак почтения к предкам новорожденной Имина на приносят в жертву собаку и курицу, а иногда и ящерицу.

К празднику Сиги заранее изготавливаются музыкальные инструменты: ромб, погремушки, тамбурины и тамтамы. Особого внимания достойна маленькая примитивная гитара ромб — тонкая дощечка, от одного конца которой к грифу протягивается единственная струна. С помощью этой гитары, которую вырезают из священной акации сэн, врачеватели изгоняют злых духов и «лечат» людей. У догонов сэн считается двадцать третьим по счету священным, первозданным растением. Любопытная его особенность состоит в том, что в сезон дождей оно сбрасывает листву, в сухой же сезон, наоборот, одевается в зеленый наряд. Из сэна, кроме того, делают луки, ритуальные принадлежности жрецов, ящики для хранения кузнечного инструмента.

...Ранним утром гулко гремят барабаны. Мулоно, почтенные старцы, 60 лет назад мальчишками отмечавшие Сиги, взобравшись на возвышения, на ритуальном языке сиги со призывают односельчан приступить к празднеству. Полуобнаженные мужчины в черных фляпелевых брюках и в белых треугольных головных уборах, следуя за олубару — теми, кого принимают в общество масок, — отправляются к источнику для омовения.

Тем временем на уютной сельской площади, над которой с незапамятных времен возвышается баобаб, толпа с нетерпением ждет начала праздника. Все яснее доносится гул барабанов. На площадь вереницей, пританцовывая, вторгаются мужчины Юго-Догору. Впереди с явным показной надменностью, обозначая ритм легкими движениями туловища и словно соревнуясь между собой, легкомысленно приплясывают мудрые старики — отцы деревни. Площадь заполнена людьми. Знак к общим танцам подан. Звучат обрядовые хоры, на ритуальном языке сиги со декламируются мифы и легенда об обиженном предке. Этот язык общества масок отличается от современного догонского языка дого со. На нем некогда изъяснялись предки. Занятия по изучению сиги со ведутся сугубо индивидуально. Предварительно, по ритуалу, учитель и ученик обязаны выпить из калебасы напиток — смесь полупросяного-полурисового пива — доло, масла сезам и различных приправ.

Вечером участники церемонии выносят Имина на. Это самый торжественный момент. «Великую маску» располагают между ветвями дерева и вокруг разгораются неистовые пляски — люди впадают в экстаз. Каждый имеет собственную оригинальную маску, которую он готовил как сюрприз для односельчан; он облачен в заранее сшитые обрядовые одежды. Маски и костюмы изображают животных и птиц, обитающих в округе. Особенно распространены многочисленные вариации маски канага. Она символизирует птицу, похожую очертаниями на дрофу. Маска увенчана высоким наголовником, напоминающим крест с двумя дополнительными параллельными планками. У догонов это символ человечества, сотворения жизни. Увенчивающие крест две человеческие фигурки представляют двух прародителей рода человеческого, вылупившихся, согласно до-

Мали. Маски догонов на празднике Сиги

гонскому мифу, из яйца мира. Очень многие маски догонов завершаются огромным крестообразным изображением рук Аммы — главного божества догонов.

На праздник Сиги приглашаются жители соседних деревень. За нескончаемыми калечасами пива заключаются междеревенские «пакты о дружбе и непападении, экономическом сотрудничестве». Новоиспеченные союзники обмениваются подарками, арендуют друг у друга земельные участки, договариваются о свадьбах. И все, как один, при этом не перестают взывать к Дионгу Серу о прощении, молят его сделать их счастливыми, землю — плодородной, не допустить засух и войн. Они умоляют его о том, чтобы в каждой семье рождались только близнецы...

Я приехал в Юго-Догору увешанный фотоаппаратами, как, впрочем, и все мои попутчики. Однако старики-астрологи, посоветовавшись накануне со звездами, предписали чужеземцам пройти специальный ритуал очищения, прежде чем быть допущенными к съемке сцен праздника. Наиболее отчаянным фото- и кинолюбителям, согласным на любые жертвы ради искусства,

выбрасывали голову, оставляя по-догонски клок волос на макушке. Затем очищаемому предлагалось хлебнуть из калебасы пива. Пить этот напиток нелегко — тем более тому, кто знает рецепт его приготовления.

Поначалу рис и просо с приправами закладываются внутрь недавно забитой и выпотрошенной курицы, которую вместе с содержимым оставляют на три-четыре дня. Затем прорастающую массу зерен, впитавшую весь аромат и соки разлагающейся курицы, вываливают в сосуд с жидкостью. После брожения доло готово к употреблению. Немногие из нас справились с любимым напитком догонов, и мне, как провалившему задание, пришлось щелкать затвором исподтишка, фотографировать «с живота», обманывая бдительных догонов.

Праздничное веселье буквально на глазах преобразило догонских Ев — великих тружениц. Жизнь догонок полна лишений, но женщина повсюду и везде — даже в зубах у крокодила (согласно местной поговорке) — остается женщиной. Когда догонка надевает на голову диадему из узорчатой меди или из разноцветных бус, на шею ожерелья, на запястья и лодыжки браслеты из бус, медных колец, мрамора, кварца и прочих цветных камней, через нижнюю губу пронизывает медные кольца, она становится неотразимой. С помощью масла дерева карите догонка смягчает кожу лица и красит волосы экстрактами растений. Для вящей красоты на виски жепщинам наносятся по четыре вертикальных надреза (мужчинам — по три). Кстати, после инициаций — посвящения в мир взрослых — посвящаемым обоих полов наносится татуировка в виде вертикальных и горизонтальных линий — шрамов.

Конечно, скарификация — нанесение шрамов, линий, татуировки, часто определяющих принадлежность к этнической группе, производится в соответствии с установленными обычаями, но это не мешает догонам также видеть в татуировке один из идеалов вечной красоты.

Жизнь основной массы догонов замыкается границами собственной деревни. Единственное, что объединяет жителей всех деревень — общая фамилия Доло. Кто не Доло, тот не догон. На этом их общность кончается. Догонские деревни разделены не только расстояниями, но и отсутствием всяких личных связей. Каждая дерев-

ня говорит на собственном диалекте. Представьте, с каким трудом приходится ученым этнографам и языковедам изучать происхождение этого народа, его языка, если сами догоны, живущие всего на расстоянии двух-трех километров, лишь с грехом пополам объясняются друг с другом. Только на религиозных праздниках они беседуют на сиги со. Тогда-то и рождаются в изобилии гипотезы о прошлом этого народа. Сиги более всего манит сюда ученых-лингвистов.

На тесных труднодоступных скальных платформах, по горным склонам и сбросам лепятся догонские деревушки. Из последних сил взбирался я порой по почти вертикальным тропинкам, цепляясь за забитые вдоль них железные скобы или за канат, протянутый снизу вверх. И не хватало духу оглянуться в бездну. Рядом, потешаясь надо мной, лихо демонстрировали безукоризненное чувство равновесия догонки, легко несшие на головах кто вместительные калебасы, а кто бурдюки с водой.

Деревни здесь состоят из отдельных кварталов, теснящихся вокруг гинна — двухэтажного «большого дома» единого предка по мужской линии, основавшего данный род. Этот дом — святилище семьи. В нем живет патриарх — глава рода со своими женами и холостыми детьми. Вокруг четырехугольного дома мужа располагаются круглые хижинки его супруг с высокими коническими крышами и житницы. Для их сооружения готовят кирпичи из глины, перемешанной со стеблями проса. Догоны — суеверный народ. Едва приехав в Сангу, укрытую от постороннего глаза в густой роще гранитных скал и гор Бандигары, я отправился на прогулку по окрестностям деревни. Кряжистые баобабы, которые догоны называют «деревьями, растущими вверх ногами», рослые хлопковые деревья — капоки, тамариновые и сырные деревья — предсказатели погоды, романтические пальмы дум, множество разновидностей сухопарых акаций, молочаи придавали этому ландшафту вид заколдованного царства.

За мной на приличном удалении увязались двое любопытных мальчишек. Ориентиром я избрал тенистую рощу, перед которой было разбросано несколько крупных валунов, напоминающих менгиры, и двинулся по направлению к ней.

— Фетиш! — предостерегающе закричали мальчишки.

Когда бродишь по догонским владениям, даже самым заброшенным и малопосещаемым, всегда надо учитывать опасность неосмотрительного приближения к фетишам. Они существуют повсюду, ибо жизнь догонов повсюду тяжела — природа не балует их. Позднее, встречая кучки камней, я уже отличал священные камни, в которых воплощено присутствие на земле Бину — предков.

Поклонение могучим предкам, культ животного или растения — предка (тотемизм) до сих пор играют исключительную роль в жизни догонов. Как и многие их собратья по стране и континенту, они искренне верят в наличие души у любой вещи и почитают ряд растений и животных своими кровными родичами и общими предками. В мифологическом пантеоне африканских народов преобладают обожествляемые предки и одушевляемые силы природы.

Тотемизм догонов ярко проявляется в культуре Бину. Согласно догонскому космогоническому циклу мифов, предок Бину Серу прибыл осваивать эти края в ковчеге, на борту которого привез 22 вида животных и растений. С тех пор эти животные и растения считаются священными. Одно из наиболее чтимых животных, которому догоны поклоняются, — змея.

— Обличье змеи принимают наши предки, — говорят крестьяне. — Змей нельзя трогать, поскольку они — одна из форм человеческой жизни.

— Есть ли у вас ядовитые змеи? — на всякий случай спросил я одного догона.

— Нет. Наши змеи безобидные, — ободряюще ответил он.

Утром нас разбудили истошные крики и грохот тамтамов. Мы решили узнать, что случилось. Покружив по узким улочкам Санги, подошли к двору, из которого доносились вопли, и заглянули туда поверх глиняной стены. Оказалось, что скончался человек, укушенный змеей.

— Вот тебе и безобидные змеи, — подумали мы.

Впрочем, в представлении догонов смерть — это не конец существования. Может быть, поэтому, чтобы скрыть бренность жизни человека, они хоронят умер-

ших в самых недоступных, укромных местах. Вряд ли решатся даже опытные скалолазы штурмовать отвесный гранитный склон 400-метровой высоты в пяти километрах от Санги. На высоте около 250 метров от его подошвы в выдолбленных нишах покоятся останки догонов. Непонятно, как умудряются они доставлять туда тела умерших — столь крута и гладка стена из гранита. Догоны хранят молчание об этом. Могильщики хоронят усопших глубокой ночью, скрывая от любопытных глаз тайны ремесла.

Житье в горах приносит догонам немало неудобств: за водой, пищей, за всем необходимым приходится спускаться в долины. Именно здесь узнаешь истинную цену глотка воды. В дождливый сезон люди пытаются запастись водой впрок: строят из камней искусственные водохранилища, используют естественные углубления в почве. Застоявшаяся вода зеленеет и цветет, но ее продолжают пить. Что поделаешь: слишком тяжел кожаный бурдюк с водой! Часами несут его по горам домой на голове или вдвоем — на палке. Чаще всего воду доставляют женщины или дети. Сила жажды столь сильна, что на равнинах догоны прорезают сквозь камень и твердый латерит колодцы глубиной до 80 метров.

В период независимости на помощь догонам пришло государство. Там, где это позволяют дороги, вода подвозится в автоцистернах к подножиям скал, на которых разместились деревни. Однажды вечером я видел, как цепочка по пояс обнаженных догонок, ритмично раскачиваясь под тяжестью драгоценной ноши, ловко скользила вверх к своим миниатюрным хижинам, а у емкой автоцистерны уже наполняли сосуды другие женщины.

Утверждают, что одной из причин, заставивших догонов обосноваться на горных вершинах, было желание сэкономить для посевов каждый клочок земли в низинах. И вправду, там, где темно-серая каменистая твердь чуть-чуть покрывается глинистой почвой, там рождается заботливо обрабатываемое поле, на котором выращивается просо, рис, арахис, кукуруза, хлопок, а также бананы, плоды папайи (дынного дерева) и другие. Рядом с хижинами людей теперь можно заметить небольшие строения с круглыми стенами и конической кровлей — житницы. Раньше зерно хранилось в скалах.

На высоте 20—25 метров от земли на крутой стороне обрыва в граните долбили ниши, которые изнутри обкладывали глиняными кирпичами, делали в них окошки и дверцы. Такие амбары создавались для того, чтобы женщины и дети не могли забраться туда и тайком от мужчин брать зерно.

Догоны — умелые охотники. А поохотиться здесь есть на что: наиболее смелые и ловкие могут рискнуть даже сразиться со львом или крокодилом.

Почти в каждой догонской семье живет ангунру — большая сухопутная черепаха, которая часто с мудрой неторопливостью пересекает дорогу изумленному путнику. Догоны охраняют и почитают ангунру. Когда глава семьи в отлучке, черепаху потчуют во время трапез принадлежащим отсутствующему первым и лучшим куском пищи. Никто не вправе есть в этих случаях ранее черепахи.

Охотник приносит к столу мясо зайцев, антилоп, львов, крыс, ящериц, обезьян. Рыбу догоны ловят в период обмеления рек с помощью одурманивающих соков таких растений, как алоэ батери или камерунская эффорбия (молочай).

Деревья — баобабы, тамаринды, карите, разного рода акации и пальмы — кормят и лечат догонов, дают им материал для масок. Этим отчасти и объясняется культ больших деревьев в краях, о которых мы рассказываем.

Пейзажи с баобабами захватывающи. Однажды я заблудился среди гранитных холмов и попал в рощу баобабов. Величественные деревья росли буквально на камнях; если судить об их возрасте по человеческим понятиям, то их можно было бы назвать глубокими седобородыми старцами. Баобабы в Мали по своей долговечности сравнимы с египетскими пирамидами. Некогда вожди догонских и других племен сажали баобабы для увековечения своей мудрости и правления, зная, что эти деревья способны пережить века.

Жизнь догонов во многом непостижима тому, кто впервые попал в Африку и привык мыслить понятиями XX века.

— Почему они усложняют свою жизнь, забираясь на горные вершины? — спрашивает он. — Почему они предпочитают обособиться от всех достижений науки и техники?

Примерно тысячу лет назад этот народ, гонимый соседними племенами, алчностью работорговцев, религиозным фанатизмом завоевателей, пошел на самоизоляцию, укрывшись на скалистых уступах.

Разумеется, не влечение к экзотике заставляет догонов жить в делях прошлого, следовать нелепым архаичным обычаям и остерегаться контактов с окружающим миром. До недавнего времени внешний мир вторгался в жизнь догонов лишь во имя подавления и принуждения этих людей, смотрел на них как на курьез человечества. За долгие годы колониализма ни один иностранный администратор на нынешней территории Мали нисколько не задумывался о судьбе догонов. Их специально отстраняли от всякого соприкосновения с прогрессом. Взглянуть на них приезжали издали состоятельные туристы. Но о помощи им никто не помышлял. Встреча с западной «цивилизацией» (в лице колонизаторов) в свое время оттолкнула догонов от достижений XX века, сделала их сдержанными по отношению ко всяким чужеземцам, усилила их приверженность своим древним обычаям. Несправедливость и жестокость колонизаторов, однако, не изменила характера догонов. В отличие от своих поработителей это — добродушные, тактичные люди, которые становятся еще добрее, если с ними говорят на равных, если к ним относятся по-дружески.

Именно о таких, как они, ибн Батута писал в XIV веке, рассказывая о державе Мали: «Негры обладают замечательными качествами. Они редко бывают несправедливы и ненавидят несправедливость больше, чем какой-либо другой народ. В их стране господствует полная безопасность. Путешественники и местные жители не боятся разбойников и насильников».

После провозглашения независимости меняется жизнь 130 тысяч догонов. В стране догонов появились школы и медицинские пункты, были подготовлены первые квалифицированные специалисты. Среди них есть дипломаты, судьи, финансовые работники. Не только в Африке, но и в Европе известен, например, писатель Ямбо Уологем.

Однако еще многое предстоит сделать, чтобы выкорчевать из их сознания поработавшие предрассудки и архаичные традиции, но этот процесс начался.

ЗАНАВЕС МОЛЧАНИЯ ПОДНЯТ (Встреча с независимостью)

С пика Санта-Исабель, самой высокой горы на острове Фернандо-По (теперь он называется островом Масиас-Нгема-Бийого), в ясные дни открывается изумительная круговая панорама острова. На севере вдоль замысловатых извилин берега — то резко вдаваясь в пенистую морскую синеву, то уступая ей место в виде удобных заливчиков — расположилась белоснежная столица Республики Экваториальная Гвинея город Малабо (в прошлом Санта-Исабель). На юго-западе сквозь частокол стройных пальм и темно-зеленые пышные заросли тропического леса видно, как спускаются ровными рядами по пологому склону к берегу океана одинакового роста двухэтажные домики городка Луба (тогда Сан-Карлос). С другой стороны острова, напротив залива Сан-Карлос, блестит позолоченной солнечной рябью глубоко вдающийся в сушу залив Консепсьон. А на горизонте в дымчатой дали за многокилометровой ширью Гвинейского залива вырисовывается «колесница богов» — так древние прозвали крупнейшую вершину Западной Африки, гору Камерун.

Мой гид Моис Бикоро Мба, фанг из местечка Амау в Рио-Муни, зябко кутается в ядовито-зеленого цвета военную шинель. 6 градусов по Цельсию в тропиках не шутка, даже для таких северян, как мы. Вообще-то Моис сторожит телевизионную станцию, антенны которой рассылают сигналы, зажигающие голубые экраны телевизоров в городах и деревнях острова, в Габоне и в камерунском порту Дуала.

— С тех пор как построена телестанция, — сообщает Моис, — изменилась высота Санта-Исабель. Теперь она не три тысячи восемь метров, как по справочникам, а на два метра ниже. Строители срезали верхний слой базальта.

— Подробность, способная взволновать любое достопочтенное географическое общество, — шутит испанский геофизик Анхель Когойор.

На составленной им карте острова высота горы приводится без этой «существенной» поправки.

Ранее не только на вершину «стратегической» горы Санта-Исабель, но и вообще на экваторгвинейскую зем-

Экваториальная Гвинея.
Дворец президента республики в Малабо

лю не ступал еще ни один человек из нашей страны. Мы с корреспондентом «Правды» М. Зеновичем были здесь первыми. Двери друзьям из Советского Союза открыла ликующая, празднующая провозглашение независимости республика.

Центральная площадь столицы — площадь Независимости, ранее называвшаяся площадью Испании (а в просторечии площадью Часов), с вершины Санта-Исабель кажется едва приметным квадратиком, внутри которого выделяется грациозный, светло-серого цвета католический собор. В обычные дни, когда солнечный круг быстро клонится к западу, приобретая малиновые оттенки, жители Малабо стекаются семьями на площадь подышать свежим воздухом у орнаментальных цветочных газонов, оформленных с похвальной выдумкой. С трех сторон обрамляют площадь архитектурные ансамбли: президентский дворец, будто перенесенный сюда из старой Кастилии, католический собор с узкой остроконечной башней, католическая миссия, спрятавшаяся за высокой белокаменной оградой. Восточная часть площади выходит на Гвинейский залив: в ясные дни отсюда можно различить смутные очертания бере-

гов материка. С залива на сумеречный город тянет просоленной морской свежестью. Вдоль набережной словно для обозначения границы площади с одинаковыми интервалами выстроились более чем 20-метрового роста пальмы с голыми, полированными ветром и временем стволами и небольшими тщательно расчесанными по кругу кронами. Здешняя достопримечательность — скамейки, выложенные плитками. На блестящей глазури плиток красной, лиловой, коричневой, шафранной, зеленой красками изображены сцены из «Дон Кихота». Каждая скамейка — произведение испанской майоликовой живописи, одна из глав увлекательных приключений рыцаря печального образа и его слуги Санчо Пансы.

В День независимости, 12 октября 1968 года, площадь Часов, шумела «точно море в час прибоя», потеряв свой благообразный, патриархально-уравновешенный вид. С раннего утра тысячи нарядных гвинейцев с бумажными национальными флажками в руках запрудили площадь и прилегающие улицы. Памятник деятелю испанской колонизации губернатору Анхелю Баррере превратился в импровизированную трибуну. Даже каменную шею и плечи некогда грозного правителя оседлали предприимчивые участники манифестации.

Если бы ожил потухший вулкан Санта-Исабель и из его кратера, который здесь почему-то называют обезьянним, изверглись потоки лавы, то вряд ли кто обратил бы внимание на это в тот момент, когда в синь неба под аккомпанемент оружейного салюта и торжественные звуки впервые исполняемого национального гимна начал гордо подниматься флаг 41-го независимого африканского государства — Республики Экваториальная Гвинея — с зелеными, белыми, красными продольными полосами и синим треугольником у основания.

С балкона президентского дворца к народу обратился глава государства Масие Нгема Бийога Ньеге Ндонг, выходец из крестьян. В тот же день он выступил и на митинге в Бате, главном городе материковой части страны.

Вечером с опустевшей площади Часов долго слышался треск раскальваемого камня: это гвинейцы кро-

шили памятник Анхелю Баррере. К утру с постамента навсегда исчезло кресло с печально смотревшим в даль залива Баррерой. От некогда всемогущего губернатора остались лишь врезавшиеся в постамент ступни. Почти два века колониального господства наконец канули в прошлое.

А тем временем группы молодежи отплясывали под тамтамы и курсировали по городу, скандируя имя президента и вещие слова «Независимость!», «Национальное единство!», «Прогресс!».

О приезде первых советских людей знали многие горожане. Один парень отделился от группы манифестантов и с улыбкой спросил меня:

— Русо, как вам нравится наш праздник?

В ответ оставалось только поднять большой палец.

Торжества по случаю независимости Экваториальной Гвинеи были в какой-то мере ее открытием для мира, после того как легендарный португальский мореход Фернан да По в 1472 году волей случая причалил к острову и, восхитившись неповторимой, буйной красотой природы, назвал его — Прекрасным.

Современные границы страны практически определились в 1778 году, когда король Дон Карлос III получил Фернандо-По от португальцев по договору в Прадо взамен признания исключительных прав Португалии на территории в нынешней Бразилии. В придачу испанскому королю дали небольшую материковую территорию Рио-Муни и несколько микроскопических островов — Кориско, Аннобон, Большой и Малый Элобей, а также часть территорий Камеруна и Габона. Общая площадь Экваториальной Гвинеи составляет 28 051 квадратный километр, а население — около 300 тысяч человек.

Богатейшая колония Испании, Экваториальная Гвинея, почти два века была наглухо отгорожена от мира «занавесом молчания» (по выражению французского публициста Рене Пелисье), чтобы никто не мешал колонизаторам спокойно и без стеснения грабить ее богатства и бесцеремонно подавлять в зародыше национально-освободительное движение народа.

КАК ЖИВУТ ЭКВАТОРГВИНЕЙЦЫ

Мое знакомство с Экваториальной Гвинеей началось за несколько дней до провозглашения ее независимости.

Республику называют маленьким государством, но этого не ощущаешь, когда на джипе или пешком углубляешься в лесную чащу, кишащую разнообразным зверьем, от опасных габонских гадюк до слонов, свирепеющих, если кто-то приближается к их потомству или пересекает им дорогу. В эти мгновения думаешь лишь о том, скоро ли край этих дебрей.

В глаза нам бросилось прежде всего множество католических церквей, монахов и священников. В некоторых деревнях Рио-Муни, затерянных в лесной глухомани, не было ни школ, ни больниц, зато имелись свои храмы. Паства собиралась на мессы дружно, одетая в обтрепанное европейское платье, которое все равно при всей его, мягко выражаясь, заношенности считалось выходным.

Сталкиваясь с подобными картинами, всегда задумываешься:

— Можно ли быть патриотом, если молишься «импортным» богам, если говоришь на чужом языке, читаешь чужие книги, если одеваешься как житель Бургундии или Кастилии?

— Конечно нет, — вертелось на языке.

— Но как они живут в действительности, как они думают?

А живут и мыслят фанги и буби, как истые африканцы, только во времена колониализма они не привыкли выражать мысли вслух. Долгие десятилетия они, по существу, вели двойную жизнь. На улице гнули спину перед «белым человеком», как именовали в Африке колонизаторов, молились в католической или протестантской церкви. Дома же они всегда отвлекались от христианского бога. На стенах у них висели и висят маски или же в углу стоят статуи — изображения предков, к которым они обращают взоры в трудную минуту. Это раздвоение жизни африканца, противоречивость его поведения — одна из трагедий личности и ответная реакция на попытку колониализма поработить народ духовно, овладеть его мыслями, чувствами.

В феврале — марте 1969 года, чтобы устранить здешнее «непокорное» правительство, Мадрид отозвал всех испанских граждан из страны. Уехали учителя, инженеры, техники, врачи, священники и монахи. Отсутствие врачей в больнице Сан-Карлоса вызвало беспокойство в стране. Прекращение же месс мало кого озаботило: у гвинейцев, последователей местных культов, на этот случай припасены собственные деревянные боги, сохранились обряды почитания своих духов и божеств.

Было бы опрометчиво отрицать влияние христианства, всегда располагавшего солидным арсеналом средств духовного подчинения людей. Повсюду в Тропической Африке и на Мадагаскаре население, исповедующее христианство и даже ислам, соединяет местные, традиционные верования и обряды с этими религиями. Понимая всю неустойчивость своего влияния на африканские массы при сохранении религиозного дуализма, христианские пастыри пытаются приноровить друг к другу постулаты Библии и местные верования. Особенно в этом преуспевает католическое духовенство. Например, пятую заповедь «Чти отца своего и мать свою» связывают с культом предков, дабы разрушить нежелательное представление в народе о христианстве как «религии белого человека». В Экваториальной Гвинее я купил граммпластинку католической обрядовой музыки, переложенной на африканский лад. Литургические службы «Месса Луба» и «Креольская месса» после их внимательного прослушивания представляются не только своеобразным водоразделом между двумя религиозными мирами, но и свидетельством их сближения. Значительный вклад в синкретизацию языческих обрядов и католицизма внесли в Камеруне архиепископ Яунде Жан Зоа и отец Энжельбер Мвенг, известные в Африке также как видные историки и этнографы. Богослужения на открытом воздухе, которые проводят Мвенг и другой священник — Пи Клод Нгуму, на первых порах вызвали споры и даже нарекания ортодоксов католицизма, упрекавших камерунских пастырей в преображении христианства в язычество. Во всяком случае, сосуществование традиционных культов и христианства в Африке несомненно. Именно поэтому во время моих путешествий по Африке мне бросилось в

Достопримечательность столицы
Экваториальной Гвинеи Малабо — католический собор

глаза, что африканец по-разному ведет себя в церкви и дома. В этом, как объясняли друзья-африканцы, кроется мощное воздействие родо-племенных институтов на своего члена, пусть даже достигшего государственных высот в своей стране. «Если племя захочет...» — говорили и еще говорят во многих уголках континента, и от этого факта не уйдешь.

Нет убедительнее довода против отчуждения личности, культуры и, скажем, народа (ибо отчуждение целого народа — конечная цель культурной экспансии империализма), чем быт простых тружеников. Первые же встречи с фангами Рио-Муни убеждают, что по натуре и установившемуся образу жизни и мышления они типичные африканские крестьяне. Их жизнь мало чем отличается от жизни других народов банту: четырехугольные хижины с относительно высокими стенами

на пальмовых нервюрах, селения, вытянувшиеся вдоль дороги, множество домашних животных, сельское хозяйство, где главную работу делает женщина.

Женщина в земледельческой Африке — главная рабочая сила, и это особенно наглядно проявляется у фангов. Ее зависимая роль в семье и общине предопределена обычаем. Она обрабатывает землю, сажает растения, ухаживает за посевами и собирает урожай. Стоический ее труд достоин низкого поклона, но нельзя не сказать, что здешнее земледелие ждет иная будущность, когда к нему наконец в полную силу подключатся мужчины, многие из которых нередко по старинке держатся, например, за полигамию, как гарантию беззаботной жизни.

Главные продукты питания фангов — маланга (местная разновидность маниоки), юкка, бананы, среди которых выделяются внушительными размерами плантены. В деревне нередко готовят пальмовое вино. Пальмовый сок (в естественном виде превосходный освежающий напиток) подвергают брожению, в результате чего «родится» опьяняющая жидкость, еще один вид «воды жизни», а попросту говоря, самогон.

Крестьяне Экваториальной Гвинеи не знают сливочного масла и сыра, не пьют испанских вин, поэтому экономическая блокада острова, с помощью которой бывшие колонизаторы пытались вызвать сожаление у нищих земледельцев по поводу утраченного их страной статуса колонии, была заранее обречена на провал.

Реки и речушки Рио-Муни вдоволь снабжают фангов рыбой. Рыболовство — также промысел женщин, которым помогают дети. Один из способов рыбной ловли такой: глубоко в реку погружают подобие корзины без дна, сплетенной из тонкого волокна. Корзина пропитывается экстрактами алоэ или строфантуса, дурманящих своим запахом рыбу. Одурманенная рыба слабеет и всплывает на поверхность, где становится легкой добычей находчивых рыбаков. В реках водятся крупные креветки, которых называют графис, — любимое лакомство как местных жителей, так и заезжих европейцев. Основное занятие мужчин — охота. Когда им удастся подстрелить слона, то целую неделю вся деревня запивает мясо гиганта пальмовым вином, не задумываясь о заброшенной работе.

Родо-племенные устои общества фангов претерпели значительные изменения. Той «походной» организации, которая когда-то специально была создана для ведения обан (войны), уже нет и в помине. Фанги — ныне, в условиях независимости, гостеприимные, добродушные крестьяне, ничуть не похожие на отчаянных до безрас-судства воинов, которые еще в 20-х годах нашего века с луками и стрелами подстерегали в лесах испанцев. Несмотря на глубоко вторгшийся в их быт католицизм, они одновременно упорно продолжают исповедовать дома культ предков биери — традиционную религию тысячелетнего прошлого, а в трудную минуту обращаются к услугам воует — деревенских знахарей и колдунов.

В этой преданности традиционной религии — предупредим об этом заранее — можно различить не только стихийный отказ принимать навязываемые извне влияния и иноплеменные нормы морали, но и одно из опасных проявлений трибализма, племенной замкнутости. Традиционную религию нельзя рассматривать как синоним народной культуры, некое объединяющее начало. Общий успех борьбы с культурной ассимиляцией, с колониализмом и неоколониализмом в конечном итоге зависит от процесса социальной дифференциации, от роста политического самосознания масс, и в частности от очищения культурного наследия прошлого от культовых, религиозных традиций, стесняющих свободу мышления и действия. «Самый опасный и непримиримый наш враг — это тот вид колониализма, который мы носим в себе, в своем духе и теле», — справедливо заметил поэт Ги Тирольен в предисловии к книге Анри Лопеса «Остатки трибализма».

В деревнях Рио-Муни регулярно отмечается старинный праздник очищения — ариба. Мне однажды довелось увидеть этот старинный ритуал. Он предназначен для отпугивания злых духов (по крайней мере наиболее опасных из них, которые насылают бесплодие на женщин или голод на селения) и привлечения на свою сторону добрых духов.

Церемонию ариба поручают вести только справедливому человеку, пользующемуся доброй репутацией. Зло должно быть в прямом смысле изгнано добром. Этот избранник деревни получает имя «мбомебира».

Перед обрядом ему вручают жертвенного петуха, без которого ритуал не будет иметь силу.

Выслушав все пожелания односельчан, мбомебира удаляется в лес для сбора чудодейственных трав, корней, магических средств против недобрых сил. Травы закладываются в специальный сосуд, и после этого начинается праздник.

Дети и взрослые строятся в колонну и, держа в руках ветки деревьев, полученные от мбомебиры, под ритмическую музыку с криками шествуют по деревне. Под хор славословий у каждой хижины по очереди мбомебира произносит заклинания, а участники церемонии при этом постукивают по стенам дома ветками, как бы выдворяя духов из жилищ.

В заключение обряда мбомебира преподносит петуха самой красивой и самой доброй женщине селения, которая совершает жертвоприношение духам-покровителям. Она убивает петуха в уединенном месте, чтобы к нему не прикоснулись злые духи, варит петуха, и затем самые старые люди общины едят его. Праздники, подобные дню очищения, отмечаются торжественно и очень весело.

Фанги находятся во власти множества поверий и предрассудков. Среди бесчисленных пород деревьев в Рио-Муни есть священное дерево овенг. Его благородная плотная древесина обладает неповторимым по красоте рисунком. Предки запрещали рубить овенг. Однако сегодня из него по специальным заказам изготавливают превосходную мебель. Когда лесорубы валят овенг, они рядом разводят костер из валежника, который как бы очищает их от греха.

Традиции и знания фангов носят эзотерический характер, то есть сообщаются, без права разглашения, лишь так называемым посвященным — лицам, вступившим в зрелый возраст. История этого народа передается из поколения в поколение изустно традиционными певцами-хронистами. Танцы фангов изумляют удивительным сочетанием ритмической пластики с ярким мимическим искусством.

В скульптурах и статуэтках, изваянных мастерами для религиозных народных празднеств, более всего восхищает обобщенность человеческого образа. Лучшие произведения резчиков отражают мировоззрение наро-

да. В представлении фангов, как, впрочем, и других африканских народов, человек не конкретная личность с именем, фамилией и возрастом, а вечное существо, не зависящее от обстоятельств и образа, принимаемого им в данный момент. Человек вечен — это один из постулатов их жизненной философии.

Корпус статуэтки, как правило, невыразителен. Лицо вписывается в деформированный овал, сужающийся к подбородку. Все его черты вырезаны на поверхности. Лоб несколько акцентирован и тяжело опирается на почти треугольное лицо. Глаза закрыты, словно подразумеваемая подчиненность человека судьбе. Губы слегка выпячены, будто в недовольной гримасе. По мнению специалистов, фангов, мастеров изобразительного искусства заботит проблема человека и судьбы. Глубокое впечатление производят деревянные панно, изображающие в горельефах бытовые сцены, сельскохозяйственную страду, женские заботы по дому, охоту и рыболовство. Народные умельцы, особенно в районе Бата, достигают в этих сценах необычайной выразительности.

Ныне все труднее найти подлинники искусства фангов. Современная жизнь постепенно вытесняет не только сами изделия, но и многие концепции, на основе которых творили народные мастера. Много стало ширпотреба, рассчитанного на невзыскательные вкусы туристов.

Побережье Рио-Муни населяют небольшие этнические группы, которых часто объединяют под одним названием «плайеро». К плайеро относятся бенга, комбе, баленге, бухеба, ндове и другие. Они живут в хижинах, сотканных из ветвей, листьев и соломы, и занимаются тем же, чем промышляли когда-то их прадеды — земледелием и рыбной ловлей. Орудия их труда отличает явный налет старины. Бенга также населяют острова Большой и Малый Элобей и особенно Кориско.

Формозо (прекрасный — по-испански), жемчужина Гвинейского залива, Отчо (остров жизни — на языке фангов)... — как только не величали крошечный остров Масиас-Нгема-Бийого (Фернандо-По), представляющий россыпь потухших вулканов и глубоких кратеров. Даже бухта Санта-Исабель, давшая жизнь главному порту острова, — не что иное, как жерло потухшего и опустившегося вулкана, когда-то соперничавшего по

высоте с горой Камерун. Его горы называют за их красоту Хрустальными. Остров этот — нескончаемые плантации какао, совмещение четырех климатических зон и один из мировых полюсов влажности: в местечке Урека на юге в течение двухсот дней в году льют как из ведра дожди, здесь даже в «засушливые» годы выпадает приблизительно 11 тысяч миллиметров осадков.

Буби — коренные жители Масиас-Нгема-Бийого, второй по численности народ республики. Считается, что они родственны фангам и, так же как и последние, пришли на остров откуда-то из глубины — с северо-востока материка. В языках банту этого района Африки есть слово «бобэ». Оно употребляется в значении «рыбаки», что соответствует одному из занятий этого народа. Их предки всегда жили на берегах Гвинейского залива (нынешние Камерун и Габон). Ученые указывают на родство буби с народами побережья Рио-Муни, подножия горы Камерун и района мыса Лопес. Внутри малочисленных островитян искони установилось отчетливое разделение на северных и южных буби. На севере живут подразделения бани, басагато, бате, а на юге — буэббе, баабба, балокето, бабаиома, барека, батете.

В давние времена на острове осели рыбаки, видимо случайно заплывшие на этот укромный, плодородный клочок суши, где море и горы могли служить гарантией от посягательств неприятеля. Однако «прекрасный остров» не уберег буби от напасти. Колонизаторы «одарили» мирный народ болезнями и нищетой, «обучили» алкоголизму, лишили буби прав, отняв у них землю. В начале XX века этот народ был на грани вымирания, и численность его упала до десяти тысяч человек.

Когда я думаю об участии буби, то вспоминаю строки стихотворения Рене Филомба «Цивилизованные» о том, как в прошлом «цивилизовали» африканца иноземные господа:

...мне впрыснули в кровь,
в мою чистую, светлую кровь,
коварство, и алчность,
и алкоголь,
и блудливость,
и готовность продаться за грош
и братьев продать...
Ур-р-ра! Смотрите, какой я красивый —
цивилизованный человек!

(Перевод Н. Горской)

Деревни буби в прошлом были обнесены сплошной оградой, которая не только предохраняла их от нападения диких животных, но придавала жизни особую «закрытость». Обычно двор, занимаемый семьей буби, представлял собою целый квартал, в центре которого на довольно широкой площадке для собраний росло священное дерево. В деревнях долины Мока наряду с хижинами, сбитыми из досок, кое-где еще сохранились традиционные домики буби. Кажущиеся игрушечными прямоугольные лачуги со стенами из стволов деревьев средней толщины и крышами из лиан и сухого папоротника исстари воздвигаются без единого гвоздя. Они состоят из одного помещения, которое одновременно является кухней и спальней. Размеры комнаты три-четыре метра в длину и два метра в ширину. Правда, таких строений уже не очень много.

На острове Масиас-Нгема-Бийого я обратил внимание на довольно большое число женщин, у которых было до семи и более детей, но не было мужа. В селе Биоко в долине Мока одна из них по имени Роса объяснила это тем, что выйти замуж по традициям буби означает подчинить себя целиком воле мужа. Так или иначе, эта подробность быта связана с обычаями буби, с признанием родства лишь по материнской линии. Отцовская кровь учитывалась лишь для того, чтобы каждый ребенок — сын или дочь — знал своего отца, который обязан помогать детям материально. Семью буби возглавляет бабушка по материнской линии. Она как бы объединяет все побеги единой семьи и воспитывает всех детей.

По мере разрастания рода часть семей выделяется в отдельные деревни. Тем не менее родственные связи не теряются. Буби бережно хранят свою родословную, знают своих родичей даже в отдаленных коленах. Существует традиция отдавать женщин одной родственной деревни замуж в другую. Кроме того, раз в году — чаще всего в начале года — единокровные семьи собираются у семейного очага или в доме предков в одной из деревень, у места, которое служит символом союза всех живых, и отмечают свое, пусть порой и весьма дальнее, но общее происхождение.

Питается коренное население острова в основном съедобными кореньями — малангой, ямсом и таро, а

также продуктами масличной пальмы и бананами. В числе любимых блюд суп из пальмовых ядер, который подается чаще в холодном или слегка подогретом виде. В него кладут мясо антилопы или дикобраза, свежую рыбу, креветки или крабы, а также перец и прочие приправы. Необычайно вкусны омлет с лангустами, омлет с листьями маланги и лангустовый крем. К дежурным блюдам на острове относятся деревенские отбивные из маланги, в которые добавляют рубленое мясо дикобраза или белки, специи, пальмовое масло. Мясо дикобраза придает котлетам особый аромат.

Буби любовно хранят свои старинные традиции. С подъемом отмечают они праздники Роомо и Бомпутту, приуроченные к уборке ямса. Роомо празднуют в долине Мока и ее окрестностях. Крестьяне заклинают добрых духов моримос покровительствовать деревне в следующем году, одарить ее обильным урожаем. Чтобы вдохновить волшебника и чародея аббу на охрану растений до самого их вызревания, устраиваются выставки ямса, таро, маниоки и других культур, которые будут высажены в будущем году. Праздник сопровождается пышным пиршеством. На угольях готовят баранину (варить или жарить ее, по обычаю, не разрешается), которую запивают во время трапезы добротным пальмовым вином.

Украшением Роомо и других праздников служат веселые танцы — балеле, боатл, кача, бооп. Балеле — наиболее характерный из них. Его сюжет и все движения танцоров связаны с бытом и трудовой деятельностью буби. Кажется, что даже леса вокруг вторят безудержному ритму этой пляски. Музыка тамтамов заполняет все. Лихие танцоры переводят ее на язык быстрых и сложных телодвижений.

— Теперь вам понятно, почему наши предки учат, что сначала бог создал тамтамиста, охотника и кузнеца, — дружески улыбнулся крестьянин по имени Обианг Нсого. Его лицо от висков до подбородка было сплошь изборождено длинными полосками ритуальных шрамов.

Художественное ремесло на острове развито значительно слабее, чем на континенте. В Малабо я наблюдал обычную картину: на улицах или же у отца «Байя» нигерийцы, главным образом хауса, прямо на

асфальте раскладывают ожерелья из зубов гиппопотама, наручные браслеты из слоновой кости, брачные маски — изображения мужа и жены, наглухо скованных одной цепью, порой очень любопытные деревянные скульптурки. Эти изделия завозятся для туристов с материка — из Нигерии, Габона, Камеруна, Бенина и других соседних стран.

Подлинное народное творчество — предмет сугубо внутреннего домашнего потребления. Буби изготавливают талисманы как средство защиты от всяких недобрых сил. Мне довелось видеть крошечные амулеты, в миниатюре повторяющие пирогги каюкос, на которых местные жители отваживаются выходить в океан на рыбную ловлю. Эти амулеты оберегают своих владельцев от плохой погоды и других превратностей моря. Умеют здесь выделывать привлекательные трости с мастерски вырезанным орнаментом или сценами из повседневной жизни. Вообще в этом районе Африки — в Камеруне, Габоне и Заире — слабость к тростям. Считается, что обладание тростью — символ мудрости ее владельца. Безмерно счастлив бывает тот, кому дарят трость. Мастерство умельцев буби проявилось и в изготовлении оружия. Мечи и копья — также произведения искусства.

СТРАНА ИНТЕРЕСНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ

За 40 минут старенький, времен второй мировой войны самолет авиакомпании «Иберия», которую правительство в день моего вылета в Бата переименовало в компанию «Транс-Гинеа», перепрыгнул через гладь Атлантики между Малабо и центром Рио-Муни. И что самое поразительное — эти 40 минут оказались ощутимой временной границей между двумя различными сезонами — сухим периодом на острове и дождливым, или, как его еще зовут местные жители, «периодом торнадо», в континентальной части страны. Вряд ли удастся найти другое государство в Африке, где бы в такой близости бок о бок мирно уживались два различных времени года.

Когда ранним утром наш самолет готовился к взлету с аэродрома Малабо, над островом плыл белесый туман, растворявший в себе контуры удаленных предме-

тов, обесцвечивавший не только зелень и цветы, но даже и солнце.

В декабре сухие, горячие северо-восточные ветры из Сахары, известные под названием «харматтан», достигают не только побережья Гвинейского залива, но и Масиаса-Нгема-Бийого, лежащего в 35 километрах от камерунского берега. Харматтан несет с собой микроскопически мелкую, удушливую пыль, которая, когда ветер спадает, стойко держится во влажных частицах воздуха, образуя пыльную мглу.

Пыльные туманы на побережье залива весьма часты. Именно поэтому моряки прозвали его «берегом туманов». В такие дни на острове жарко. Дожди, которые еще в октябре заливали остров под канонаду оглушительных громов и ослепительные, во все небо вспышки молний, переместились на 200—300 километров южнее, в Рио-Муни, оставив остров страдать от жажды.

Рио-Муни — своеобразная разделительная полоса между сухим сезоном к северу и периодом дождей к югу. Мощные пласты влажного, муссонного воздуха из Атлантики останавливают наступление харматтана где-то на границе с Камеруном. В декабре в отличие от Масиаса-Нгема-Бийого Рио-Муни — мир торнадо, ураганных ветров, сопровождаемых бурями, искривляющих, ломающих и даже вырывающих с корнем крепкие африканские деревья, ослепляющих самых опытных и чутких к дороге водителей автомашин. Один из таких свирепых ураганов захватил нас врасплох по пути из Кого, что на границе с Габоном, в Бата. В тот момент мелькала только одна навязчивая мысль: выберемся ли из этого крошечного ада?

На одной из дорог Рио-Муни с ветки вспорхнула крошечная птичка с красным клювом и сине-фиолетово-малиновым оперением. Ее пестрый наряд пылает всеми цветами радуги.

— Мы ее называем птицей-мухой, — сообщил мне гид.

Крошечная пичужка почему-то ассоциируется у меня с тех пор с образом Экваториальной Гвинеи. Эта страна похожа на небольшую, но со вкусом подобранную коллекцию редких драгоценных камней.

Рио-Муни — едва приметная на карте Африки территория, спрятавшаяся между Камеруном и Габоном. По-

ка еще это «терра инкогнита» для остального мира, край неиспользованных возможностей. 90 процентов кофе дает этот район республике. При хорошем уходе приносят хороший урожай и деревья какао.

Проехав по мосту через порожистую реку Рио-Бенито, мы очутились на плантации масличной пальмы. Ровными рядами выстроились деревья. На конце ствола пальмы, как раз там, где расходятся зеленым фонтаном длинные листья, свешиваются увесистые гроздья, на вид напоминающие увеличенные кисти зрелого черного винограда. Между деревьями спокойно пощипывали травку низкорослые черные коровы нигерийской породы, за которыми важно следовали белоснежные ибисы. Время от времени длинноногие птицы взлетали на коровьи хребты и выклевывали паразитов, впившихся в тело животного, доставляя видимое удовольствие коровам.

— Плантация, как видите, запущена, а вообще-то масличная пальма, если ей уделить больше внимания, стоящее дело, — заметил шофер.

По пути мелькали посадки цитрусовых, ананасов и других культур. Местные рыбаки навязывали нам за бесценок только что пойманных рыб, лангустов, улиток, креветок, крабов, омаров.

В лесу в 25—35 километрах от местечка Акалайонг, что на реке Конгуэ, проводник показал место, где несколько дней назад слоны насмерть затоптали двух крестьян, случайно проходивших мимо гулявшего поблизости слоненка.

— Очевидно, слоны решили, что бедняги хотели похитить их чадо, — предположил он.

Животный мир тут богат: шимпанзе, гориллы, буйволы, дикобразы, мангусты, гигантские лягушки на реке Рио-Бенито, которые, к слову сказать, встречаются теперь очень редко. На счету местных охотников не один убитый слон, о чем свидетельствовали не только их увлекательные, эпические рассказы, но и огромные слоновьи бивни, чрезвычайно живописно расставленные в хижинах.

Настоящие рыбаки живут на Большом Элобее, Кориско и Пигалу (бывший Аннобон).

— Мы — что, — скромно говорили мне на Кориско, — вот на Аннобоне так там даже на китов охотятся. Не зря его прозвали «Республикой морских волков».

О Кориско я впервые узнал от Апесси, уроженки этого острова в эстуарии Рио-Муни, близ границы с Габоном. В гости к ней меня привел директор геофизической обсерватории в Мока Анхел Когойор.

— И люди там хорошие, и узнаете, что такое местная кухня, — убеждал он.

...У Апесси портативный японский проигрыватель «Санио» с металлическим дребезжащим звуком. Хор из оперы Верди «Набукко» гармонирует с тихим, печальным выражением на ее привлекательном лице.

— Не спрашивай Апесси о прошлом, — предупреждает меня Анхел. — Воспоминания у нее невеселые...

— Пляжи на нашем острове белые, точно бумага. Песок там похож на крупнозернистую очищенную соль, — старается Апесси красочнее передать привлекательность родного островка.

— Апесси, у вас очень красивое имя, — повторяю я несколько раз.

— У бенга, — как должное принимает она комплимент, — музыкальные имена.

— Соно, Белика, Усолу, Муэнги... — нараспев произносит женские имена бенга Анхел, пожалуй, крупнейший специалист по топонимике Экваториальной Гвинеи. — Кстати, бенга — самые первые жители острова, с которыми столкнулись европейские открыватели этих мест.

Апесси столь же бедна, сколь гостеприимна. Узнав от Анхела, что в Санта-Исабель появились жители далекого севера — «руссо», она немедленно пригласила нас на обед с коронным блюдом из маниоки, авокадо и других местных плодов, заправленных пахучим соусом из пальмового масла. На ее лице появилась искренняя, смущенная улыбка, когда мы наперебой расхваливали ее кулинарное мастерство.

От испанских народных румб мы перешли к русской народной песне.

— Апесси, вам нравится «Катюша»? — спрашивает ее Анхел, которого эта песня, как всякого испанца со времен гражданской войны, всегда берет за живое.

— Ритм немножечко странный, но очень привлекательный, — высказывается она.

Потом помолчав, вдруг по-детски просит:

— Подарите мне эту пластинку!

Лендровер марки «Сантана», гудя, сворачивает в ближайший переулок, и смахивающий на теремок домик Апесси у ручья Рио-де Консул на окраине Санта-Исабель остается позади. Но в сердце всю жизнь будет жить воспоминание о добром, славном человеке.

Встреча с Апесси оказалась не последней. Она приехала в аэропорт проводить знакомых «русо». На ней была не повседневная, европейская одежда, а красочный, коричневый африканский костюм. На волосы был накручен похожий на тюрбан головной убор, придающий африканкам величавость. Такой и хранит моя память грустную Апесси с острова Кориско. И с той встречи не оставляла меня мечта побывать на Кориско.

Отправиться в плавание в открытое море на Элобей и Кориско — рискованное предприятие, особенно когда совершаешь его не на катере, а в обычной лодке со слабеньким ручным подвесным мотором. Обещанный властями катер «похитила» католическая миссия. Святые отцы ночью сняли его с якоря. А так как другого дня для плавания на Кориско у нас не было, мы, невзирая на увещания представителей местных властей, все-таки осмелились осуществить заветную мечту на углу суденышке.

...На Кориско мы высадились в деревне Эбендо, где живет род бубунджа. О самом островке ничего не скажешь, если умолчишь о корисканках — мастерицах на все руки. Храбрые женщины здесь ловят сетями рыбу и охотятся на крокодилов. Причем охота на крокодилов — исключительная «привилегия» прекрасного пола. При виде утомленных мореплавателей один из островитян в мгновение ока вскарабкался на кокосовую пальму и длинным ножом-секачом срезал большую гроздь орехов.

В меню жителей Кориско кроме рыбы, кокосовых орехов, маланги входит и такой деликатес, как черепаха.

— Живности у нас немного, — посетовал крестьянин по имени Ковадонга, — даже кур мы не можем развести из-за змей. Бывают и курьезы. Раз каким-то чудом к нам с материка (40 км) приплыл бегемот, заставивший нас с перепугу попрятаться.

Издалека Элобей — чико (чико — по-испански «малыш») — Малый Элобей кажется пучком пальм, растущих прямо из серебристой пены морских волн. Вихрас-

тая шевелюра из склонившихся к воде кокосовых пальм придает «малышу» вид наозорничавшего мальчишки. Подплывая ближе, начинаешь различать узкую каемку песчаного берега. Малый Элобей необитаем. Однако у него есть своя славная история, и об этом мало кто знает. До 1927 года здесь была столица Рио-Муни, так как героически сражавшиеся фанги долго не пускали колонизаторов в глубь страны. После того как столицу перенесли в Бату, Чико обезлюдел, зарос дикой тропической зеленью. Близ него уже не стоят на якоре приплывавшие издали корабли. Лишь около сотни рыбаков бенга, которые живут на Большом Элобее, время от времени высаживаются на «вихрастый» остров, ловят по его берегам рыбу, собирают кокосовые орехи.

«ЭЛЬ-КАПИТАНО» НАБИРАЕТСЯ ОПЫТА

Мбане на Кога
Ибиаху уэхе,
Неугиаманга на Хоко
Ибиаху уэхе.

Это заклинание многократно повторяют бенга — жители Кориско, отправляясь рыбачить на своих самодельных пирогах в океан к соседним островам.

Острова Мбане и Кога
Наши,
Острова Неугиаманга и Хоко
Наши —

так звучит магическая фраза в переводе.

Океан капризен, и уже не одна рыбацкая семья со слезами на глазах всматривалась на запад в пустынные дали Атлантики в тщетной надежде узреть среди набегавших валов знакомую маленькую лодку с посеревшим от старости парусом.

«Кориско на Элобей чико Ибиаху уэхе», — шептали мы на всякий случай, возвращаясь из путешествия на Кориско. Свинцовое, хмурое небо разверзлось. То с одной, то с другой стороны порывы переменного ветра обдавали нас струями холодного дождя. Волны, росшие на глазах, все выше подбрасывали нашу лодку, задиристо налетали на нее седым фонтаном брызг, норовя залить ее и опрокинуть. Лодочник, шестнадцатилетний паренек-бенга, «эль-капитано», как мы к нему обращались,

то бросал озабоченный взгляд в сторону океана, то с надеждой поглядывал на наконец-то появившиеся из густого тумана долгожданные берега.

Торнадо оказалось нерасторопным. Неизвестно, что задержало его в пути: заклинания ли бенга, или же он просто не успел набрать достаточного разбега, чтобы вволю разбушеваться. Можно было считать, что нам повезло. Один из спутников-гвинейцев, молчавший на протяжении всего пути, у самой пристани, с которой нам приветливо махал мэр города Кого, Педро Ленино Бонкоро, 65-летний старик, тонкий знаток фольклора бенга и фангов, вдруг привстал и с улыбкой облегчения повернулся ко мне:

— Вот так и мы, обрета независимость, пытаемся на углой лодчонке уйти подальше от постоянно грозящего нам торнадо-империализма. И, поверьте, мы сделаем все от нас зависящее, чтобы причалить к спасительному берегу раньше, чем буря успеет захлестнуть нас. Посмотрите, молодой лодочник набирается опыта, лодка все более повинуется ему. Худо-бедно вместо паруса предков на лодке поставлен мотор. А что будет дальше? Наш «эль-капитано» — не один. Посчитайте, сколько у него друзей. Разве мог он думать раньше, что с ним рядом будут друзья из далекой России.

За несколько месяцев до этого, 12 октября 1968 года, друзья со всего мира поздравили гвинейцев с провозглашением независимости, с началом большого пути вперед, к самостоятельной и счастливой жизни. В глазах принимавших поздравления светилась радость, вызванная ощущением свободы, которую принес им решающий поворот в судьбе их родины.

— Что будет дальше? Посмотрим. Конечно, не хуже того, что мы испытали за двести лет рабского существования. Главное — мы свободны, — говорили они.

Возвратившись позднее в Экваториальную Гвинею, я уже уловил в их взглядах выражение озабоченности, которая обычно охватывает людей, осознавших полную личную ответственность за дальнейшие судьбы своей родины.

О сложности проблем, стоящих перед республикой, рассказывал нам, советским журналистам, президент Экваториальной Гвинеи Франсиско Масиас Нгема в своем первом интервью для представителей мировой прес-

сы. В справедливости его слов я воочию убедился исколесив всю республику.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА 28 МИЛЛИАРДОВ ПЕСЕТ

От центрального города провинции Рио-Муни Бата до крайнего южного пункта Кого — не более 130 километров. Но какие это километры! Чтобы преодолеть их, мы потратили свыше четырех часов. Сплошные рытвины и ухабы — таково единственное обозначенное на карте асфальтированное шоссе Рио-Муни. За двести лет господства колонизаторы не построили здесь ни одной дороги. Тем не менее испанская «Газета илустрада» утверждала, что за годы колониализма Испания вложила в экономику этой страны 28 миллиардов песет.

— Где они, эти двадцать восемь миллиардов песет? — постоянно задавался я вопросом, стараясь сохранить хотя бы видимость беспристрастности во время поездок по Экваториальной Гвинее.

Марселину Имунгу, пожилой, неграмотный бенга с Кориско, рассказал мне о знаменитом короле своего народа Бонкоро III, по прозвищу Сантьяго Буганда, умершем в начале 60-х годов. На заре XX века король подписал договор с испанцами, в соответствии с которым те должны были способствовать развитию острова.

— Если вы не сделаете ничего полезного на Кориско, — предупредил испанцев Бонкоро III, — то я вас больше сюда не пущу.

Минуло много лет. На Кориско добывали золото, искали нефть, а островок не только не богател, но все более нищал. И когда испанский губернатор на корабле попытался приблизиться к острову для переговоров о возобновлении договора о «сотрудничестве», Бонкоро, обладавший, по уверениям земляков, магической силой, мановением руки остановил корабль вдали от берега.

— Убирайтесь отсюда, — приказал Бонкоро колонизаторам, — вы нарушили прежний договор. Мы вам больше не верим.

— По нашим легендам, — заметил Марселину, — вождь мог, подняв руку, остановить судно в море или прекратить дождь.

Ликующие люди на улицах Санта-Исабель (с 1973 г. Малабо) в День провозглашения независимости

В этой легенде грань между правдой и вымыслом едва ощутима. Кориско окаймлен широкой песчаной отмелью. Наша лодка дважды садилась на мель и дважды меняла курс, прежде чем мы нашли подход к берегу. Сущая правда также и в том, что корисканцы ненавидят колонизаторов. Так что «сверхъестественная сила» Бонкоро находит простое объяснение в жизни. В широком же смысле правда заключается в том, что гвинейцы глубоко осознали горечь «плодов» колониализма и в своем устном творчестве дали достойную оценку его деятельности.

В один погожий день директор местной строительной компании Бруно Беретта вызвался показать мне Рио-Муни. Наш «Рено» петлял и прыгал по дорогам и тропинкам в гуще сказочно красивого, влажнотропического леса, вздымая за собой клубы густой красной латеритной пыли, преодолевая самые неожиданные капризы здешнего рельефа. Я просил Бруно показать окуме, которое разрабатывается лишь в Рио-Муни и Габоне. Из него изготавливают великолепную облицовку для мебели.

Однообразие влажного экваториального леса, с обеих сторон навалившегося на дорогу, настолько убаюкало меня, что я даже был захвачен врасплох, когда мы вынырнули из зеленого океана на берег Рио-Бенито. На огромной ровно расчищенной площадке лежал лесосплав Сэндие.

— Перед вами окуме, — водил меня меж громадных чурок весом в несколько тонн каждая управляющий по имени Антонио. — А вот акого — «железное дерево». Окола, акаху, овенг...

Но все меньше и меньше ценных пород дерева оставалось к моменту провозглашения независимости в некогда богатом лесами Рио-Муни.

— Каждое дерево в буквальном смысле приходится искать — леса исчезают, — жалуется Антонио.

Но проблема регенерации леса его нисколько не беспокоит. Таких людей ничто, кроме бизнеса, вообще не интересует. Исчезнет окуме или овенг в лесах Рио-Муни, Антонио найдет другую страну, где будет за «хорошие деньги» под корень рубить лес.

Лесоразработки в тропических странах велись хищнически. На один гектар леса приходится пять-шесть деревьев окуме или овенг, но чтобы добраться до них, валяли все деревья подряд. В конце концов увозили пять-шесть бревен, а позади гнили под дождем многие десятки бесцельно поверженных деревьев.

Мощные вездеходы-самосвалы, урча, будто отплевываясь после изнурительного пути по этому невообразимому бездорожью, подъезжали к лесосплаву с двумя-тремя увесистыми бревнами, которые раскладывались по сортам в штабеля. Потом рабочие делали из них связки-плоты и пускали вниз по Рио-Бенито к океану, где ждали лесовозы с иностранными флагами на мачтах.

Без всякой пользы для страны и бесконтрольно уплывал за море лес Рио-Муни; даже священное дерево овенг не приносило счастья тому, кто родился под его сенью и кому оно должно было принадлежать по праву. А ведь инвестиции лесопромышленников наверняка учтены в упоминавшихся 28 миллиардах песет.

С тех пор положение в стране изменилось. Правительство запретило бесконтрольный вывоз леса за границу. Давнишнему виду грабежа был положен конец. Но для этого шага потребовалось сначала завоевать независимость.

Разговор о лесе продолжался в Бате. Солнце уже касалось горизонта. На стадионе имени Пресвятой Девы Марии заканчивался футбольный матч. На последней минуте команда Баты к бурному восторгу болельщиков забила третий гол в ворота команды из Микомезенга.

Смеркалось. На улицах становилось все меньше прохожих. Мимо отеля «Финистер», где я остановился, проносились автомобили по направлению к белому, приземистому, но широко разбросанному строению «Теннис-клуба», расположенному на самом берегу волнующейся Атлантики. По вечерам сюда съезжалась вся европейская колония Бата. У стойки бара можно было освежиться джином с тоником или стаканом изобретенного ветеранами клуба напитка «Куба либра» (баккарди, разбавленное пепси-колой), помечтать под напевы ночной Атлантики, посудачить — в который раз — со своими знакомыми и поиграть в шахматы.

Узнав, что в Бата — впервые за всю историю Рио-Муни — появился кто-то из Советского Союза, к нашему столу присаживались любопытствующие: служащие, коммерсанты, плантаторы.

— Вы часом — не мусульмане? — шутливо полюбопытствовал я, обратив внимание на то, что в клубе мало женщин.

— Видите ли, — вздохнул один из «добрых католиков», — перед провозглашением независимости здесь было неспокойно. Фанги относились к нам не очень приветливо, и мы для безопасности отправили семьи в Европу.

Завязалась беседа. Между прочим я спросил о проблемах гвинейского леса.

— Был здесь когда-то лес, — оживился один из плантаторов, — любые породы на выбор. Теперь его надо бы спасать, пока не поздно. Мой знакомый купил крупный участок за два миллиона песет, затем вырубил его наголо, продал деревья, а площадку с пнями — парень был не промах — преподнес в дар правительству. И что вы думаете, свои два миллиона он возвратил с лихвой, да еще реноме честного дельца заработал.

— Что только будет делать правительство с этими пнями? — осклабился один из присутствовавших.

Мне вспомнились слова президента Масиаса Нгеми: «Колониализм одинаков повсюду, и было бы слишком хорошо и неправдоподобно, если бы испанский колониализм оказался другим».

НЕПРЕДУСМОТРЕННАЯ ВСТРЕЧА

В начале 1947 года впервые после прихода Франко к власти в Бата должен был прилететь член испанского правительства — министр авиации. Для малочисленной колонии, расположенной за тридевять земель, приезд важной персоны из Мадрида был событием. У здания аэропорта застыл в молчаливом приветствии почетный караул из солдат-африканцев гражданской гвардии в белых мундирах и высоких красных киверах. Испанские офицеры в традиционных, позолоченных мундирах с позументом, цветными подвязками, аксельбантами и эполетами выглядели как срочно вызванные из средних веков придворные его величества Филиппа II. У входа в аэропорт министра ждала группа вождей, поощряемых назидательными взглядами колониальных вельмож. Протокол был расписан в деталях. Сейчас министр сойдет на землю и вожди обратятся к высокому гостю с приветственным адресом от имени «благодарного» населения Рио-Муни.

Министр сошел по трапу. Оркестр, как положено, не торопясь и не задерживаясь, отыграл гимн, но — какой ужас! — руководитель группы вождей Бонкоро вместо полагавшегося по ритуалу адреса протянул растерявшемуся министру петицию, где перечислялись и осуждались бесчинства колониальных властей, а испанцам предлагалось очистить территорию Экваториальной Гвинеи и немедленно предоставить ее народу независимость.

Наибольшую интенсивность гвинейское национально-освободительное движение приобрело после окончания второй мировой войны. Племянник Бонкоро стареющий Педро Ленино Бонкоро, алькальд Кого, как нам сразу же объяснили, — ходячий справочник по истории страны.

— Вот, к примеру, наш национальный флаг, — рассуждает он. — В тысяча девятьсот двадцать девятом году в деревне Банег седой дед, папаша Бакабо, устраивал у себя на дому ночные политические собрания. В его хижине и родилось зелено-бело-красное полотнище. А накануне торжеств независимости, чтобы отличить свой флаг от других национальных флагов, правительство решило прибавить синий треугольник у основания. Так

что наш флаг был подготовлен народом задолго до рождения государства.

Победе гвинейского освободительного движения также содействовали решительные выступления против колониализма прогрессивных сил в самой Испании. Положительно повлияли на ход освободительной борьбы испанские республиканцы, сосланные в Рио-Муни и Фернандо-По.

28 ноября 1968 года жители Малабо (тогда еще Санта-Исабель) впервые увидели красный флаг. В гвинейскую столицу для переговоров с правительством республики об установлении дипломатических отношений прибыл представитель СССР, наш посол в Камеруне И. А. Мельник. Машина с алым флагом мчалась по улицам. Встав по стойке «смирно», ему салютовали полицейские. Тормозили автомобили, водители изумленно высовывались на полкорпуса из машин.

Некоторые смотрели на алый флаг с нескрываемой враждебностью. Многие не могли сдержать радости. У Торговой палаты и почты, на самом оживленном перекрестке столицы, седой испанец, тяжело опирающийся на трость, тщетно пытался распрямить сторбленную немолчимым временем спину и, переложив трость в левую руку, поднял вверх кулак — знакомый нам с 30-х годов салют «Рот-фронт!». Мы все, как один, повернувшись назад, смотрели на этого человека, пробудившего в каждом из нас воспоминания о славных страницах мировой истории.

Республика Экваториальная Гвинея твердо выбрала свой путь развития. Он воплощен в эмблеме Единой национальной партии трудящихся Экваториальной Гвинеи... Девушка, достающая бобы из плода (ягоды) какао, юноша на сборе кофе, крестьянин, рыхлящий землю мотыгой. Все эти образы на эмблеме метко определяют главную особенность жизни страны: труд провозглашен в ней основой национального строительства и политики, а труженики, прежде всего молодое поколение, — исполнителями этого исторического выбора. На эмблеме также изображена настороженная пантера (по поверьям западноафриканских народов банту, покровительница деревни, вместилище духа усопшего вождя), символизирующая важность постоянной бдительности народа.

Хитрый и злобный враг — империализм — противостоит сегодняшней Африке, и особенно таким странам, как Экваториальная Гвинея, которые бросают вызов заморским эксплуататорам и отказываются жить по подказке. В его арсенале уйма политических, экономических и психологических приемов. Чем острее империализм ощущает свою неспособность сдержать процесс социального и экономического освобождения африканских стран, тем более он впадает в ярость, пускаясь на грубые провокации.

Как-то, рассеянно слушая рассказ заведующего археологическим музеем при католической миссии в Малабо (тогда еще Санта-Исабель) отца Рамона Перрамона о поисках тотемов и оригинальных народных скульптур, я размышлял о фатальной неизбежности счастливого исхода освободительной борьбы африканских народов, несмотря на изощренное коварство их врага. На эти мысли меня навела увиденная в музее любопытная скульптурная группа с интересной предысторией.

В какую только глухомань не забирался Рамон Перрамон, отыскивая для музея подлинники искусства фангов: родовые тотемы, ритуальные маски или деревянные изображения сцен из народных мифов. В деревнях Рио-Муни старики в ответ на его вопросы и просьбы отрицательно покачивали головами и повторяли одно слово:

— Амана! (Все кончилось!)

Многое из того, что еще лет 30—40 назад казалось неотделимым от местного быта, сегодня становится раритетом. Реже обряды, не так торжественны праздники, забывается первоначальный смысл масок и танцев.

Лишь в селении Анизок (в переводе «тропа слонов») Перрамон обнаружил настоящее скульптурное чудо. На вершине высокой колонны, чем-то напоминающей змею, были вырезаны фигуры мужчины и женщины, к ногам которых жались двое детей. Эта группа, олицетворявшая семью, общину, была как бы привязана к хвосту пантеры, оскалившейся навстречу недобрым силам: крысе, бегемоту и черепахе.

С тех пор, когда я задумываюсь о характере маленькой республики на западе Африки, в моей памяти тут же возникает этот случайно выхваченный по пути и запомнившийся образ.

В облике каждой страны всегда есть ей одной свойственные черты. От каждой поездки остаются какие-то наиболее яркие впечатления, по которым судишь в целом о стране и ее народе. «Землей мужественных людей» метко назвал однажды Верхнюю Вольту де Голль. Всякий, кто попадает сюда, поражается суровому, улыбочивому климату, а главное — мужественному, полному врожденного достоинства и самоотверженности характеру народа, воспитанного в непрерывной и бескомпромиссной борьбе со скупой природой.

Вольтиец — гордая натура, наделенная беспредельной отвагой. Кажется, что он рождается уже готовым к любым ожидающим его лишениям и трудностям, ничуть не жалуясь на тяжесть своей судьбы. В нем заложены качества смелого воина и любящего землю и труд на ней крестьянина. Мне приходилось видеть министра, споровисто и с наслаждением работающего в поле дабой (мотыгой) рядом с простыми земледельцами в дальней отчей деревеньке.

Однако при всей твердости своего характера и яркости натуры вольтиец беден, он постоянно обороняется, ибо сражение с невгодами он до сих пор вынужден вести на многих фронтах.

Что такое Верхняя Волта? На севере простирается предвестник Сахары сахель — угрюмый и безжалостно выжженный солнцем, с редкими колючими кустарниками, напоминающими заблудившихся путников. На юге — узкая полоска густой спутанной зеленой массы тропических лесов, перенасыщенных душной влажностью. А между этими крайними полюсами африканской природы расстилается иссохший, тысячекилометровый краснозем монотонной саванны с редкими баобабами, разноликими акациями, тамариндами, капоками, кайями, эриодендронами...

Среди выгоревших бескрайних просторов разбросаны далеко друг от друга квадратички деревень. Сиротливые деревья перемежаются с пирамидальными постройками термитов. Там и сям, слизывая скудную зелень, движутся огненные валы: это крестьяне, храня верность дедовскому переложному способу обработки земли, без всякого злого умысла выжигают новые участки. Иногда

Мали. Крестьяне выжигают участок саванны

огонь выходит из-под их контроля и, сорвавшись с места, совершает марафонский пробег на десятки километров, губя не только саванну и населяющих ее животных, но и посевы и даже целые деревни...

В Верхней Вольте всегда жарко — даже тогда, когда там холодно. Для страны типичны два времени года: сухой период и период дождей. В мае — июне проливные дожди и грозы служат сигналом к началу полевых работ. В сухой период различают сразу два сезона: холодный — уаводо и жаркий — тулуго. Уаводо, падающий на декабрь — январь, — период холодных ночей и зарниц, обжигающего и пыльного харматтана и уборки урожая. Уаводо сменяется тулуго — пиком вольтийской жары, порой большой охоты, рыбной ловли, вереницы традиционных торжеств. В это время отмечается праздник поминовения усопших, праздники деревни, земли, происходит инициация — посвящение юношей в возраст взрослых, совершаются бракосочетания, как бы призванные развеять усталость от напряженных полевых работ. К сожалению, с тулуго совпадает и разгар эпидемий — полиомиелита, менингита и других болезней, вызванных засухой и постоянно висящей в воздухе мельчайшей красной пылью.

О настоящей вольтийской жаре лучше всего можно судить по здешним «холодам». Впервые я попал на

Уагадугу в декабре, в период уаводо. В полдень термометр показывал не менее 40 градусов в тени, а вечерами негде было укрыться от пронизывающего холода.

Уагадугу — сердце тысячелетней империи, давняя резиденция вождей самой крупной народности страны — моси. В нем есть свой «Булонский лес», свои «Елисейские поля», как уагадугцы иногда по старой и постепенно исчезающей привычке называют нынешнюю Авеню независимости, место парадов и манифестаций. Многоэтажные здания министерств, центральной почты, отелей, красавицы-виллы, утопающие в гуще цветов и зелени, вереницы велосипедистов и толчея автомобильного движения, крылатые бетонные своды нового рынка, выстроенного в центре города, еще заметнее оттеняют истинно вольтийское очарование, присущее Уагадугу. Надменный нотабль в бело-голубой длиннополой рубашке — бубу, в белоснежном тюрбане с малиновым верхом и кривой саблей на боку восседает на белом скакуне. За ним еле-еле поспевают пешком двое телохранителей. Мальчик-поводырь торопливо влечет за собой через улицу с помощью толстой загнутой на конце палки-трости высокого старца с красными глазницами. Квадратные желтые домики из банко — обожженного латерита, перемешанного с соломой, жмутся друг к другу, создавая пейзаж типичного западноафриканского поселения. Прямо на тротуарах сидят торговцы изделиями народного промысла. На широких циновках перед ними во множестве расставлены раскрашенные медные фигурки, изображающие бытовые сцены и традиционные ритуалы. Вокруг разложены маски и статуэтки. Уагадугу стоит посреди саванны, и здесь любят говорить, что он — не только столица двух миллионов моси и пяти с половиной миллионов вольтийцев, но и всей саванны. Этот дерзкий город в глубине Западной Африки не раз вставал неприступным бастионом на пути всякого рода иноземных захватчиков. Только в начале нынешнего века под градом снарядов, спаленный колонизаторами дотла Уагадугу ценой тысяч смертей уступил свою независимость. А в более отдаленном прошлом, в течение последнего тысячелетия, завоеватели предпочитали обходить этот город, защитники которого славились своим воинским мастерством на весь континент. Ни держава Мали, ни государство Сонгай не осмелились посягнуть на земли моси.

Традиционные божества моси — идолы с головами животных — также не уступили ни кресту, ни полумесяцу: и поныне католик-вольтиец, вернувшись с мессы, как и в прежние времена, поклоняется божествам своих далеких предков.

По данным бывшего вольтийского министра информации Билы Загре, в Верхней Вольте мирно сосуществуют 36 крупных этнических групп, пропорционально представленных в правительстве. Французский этнограф М. Гислэн (в книге «Очарованные тропики») только к западу от района, где живут моси, насчитывает «мозаику из примерно сорока этнических групп». Ближе к Бенину с моси соседствуют родственные им по языку и традициям гурманче. На севере по сахелю, следуя циклическим отливам и приливам зелени, перегоняют стада туареги, по старой привычке вооруженные до зубов. Из завязых воинов они теперь превратились в мирных пастухов. На границе с Мали живут 330 тысяч фульбе, представители интересного, еще до конца не изученного народа Западной Африки. «Мозаику из примерно сорока этнических групп», живущих на Западе, этнографы заботливо распределили по группам: гурунси, дагара, лоби, комоно, сенуфо.

Лишь к 1901 году иноземные порабитители преодолели ожесточенное сопротивление народов государства моси. С колониальным подчинением на страну свалилось множество напастей, последствия которых ощущаются и по сей день на каждом шагу. Вступив по календарю в XX век, она под иностранным правлением катилась к беспросветной бедности, к забвению своей народной культуры, к отрицанию собственной индивидуальности. Самый вероломный колдун в истории человечества — колониализм угрюмо творил свои «чудеса», тормозя развитие целых народов.

Территория непокорных моси, бобо, лоби, гурунси и других народов была хитроумно искромсана на куски и присоединена к другим колониям. Впервые же на карте мира название Верхняя Вольта появилось в 1919 году, когда земля моси была выделена в отдельную колонию, управляемую губернатором. Чтобы посеять межплеменную рознь, создать вечные пограничные проблемы, колонизаторы много раз перекраивали границы Верхней Вольты.

Вольтийский журналист Франсуа Джоби Бассоле в изданной в Уагадугу книге «Эволюция Верхней Вольты от 1898 года до 3 января 1966 года» пишет: «Верные политике „разделяй и властвуй“, колонизаторы поднимали племена одно против другого, играя на их особых этнических противоречиях. Они заставляли мосо верить в то, что они трудолюбивее и храбрее других; гурунси, которые изобрели „телефон с помощью свистков“, внушало, что они умнее и проникательнее других племен; в само восхваляли мужество и отвагу...»

Лишив народы Верхней Вольты возможности самостоятельного свободного существования, отрицая за ними право и на культуру, и на историю, чужеземцы проявили явную незаинтересованность в экономическом прогрессе страны. Расположенная в центре бездорожной саванны, вдали от океанских берегов, Верхняя Вольта не очень привлекала обычно неразборчивых в погоне за наживой заморских капиталистов. Крайне отсталую экономику унаследовала республика от колониализма.

В стране существовали лишь мелкие кустарные предприятия, которые буржуазные экономисты произвольно включали в понятие «промышленность». Сельское хозяйство велось на допотопном уровне и не могло прокормить население. Геологи из метрополии, даже не удосужившись разведкой проверить свои ныне опровергнутые, сомнительные гипотезы, безапелляционно твердили, что недра страны бесплодны, но даже если бы полезные ископаемые и были обнаружены, то их разработка оказалась бы нерентабельной в этой далекой от морских портов земле. Им показалась бы абсурдной мысль использовать естественные богатства на месте в интересах самих вольтийцев, построив на этой базе национальную промышленность. Впрочем, у колонизаторов и неокOLONиалистов были и есть иные соображения, более дальний прицел.

— Если хотите, мы держали такие страны в резерве наших сырьевых источников,— цинично откровенничал со мной западноевропейский предприниматель-миллионер.— Когда близкие к Европе месторождения будут исчерпаны, мы пойдем в глубь континента: благо африканцы сами не смогут освоить свои ресурсы. Тем временем появятся и дороги...

Не удивительно, что вследствие подобной логики Верхняя Вольта занимала одно из последних мест в мире по уровню промышленного развития.

На карте Африки с 1933 по 1947 год Верхняя Вольта вообще не обозначалась — ее территория частями входила в состав других французских колоний: Берега Слоновой Кости, Нигера и Французского Судана. Только в 1958 году была провозглашена Республика Верхняя Вольта, а 5 августа 1960 года впервые прозвучал гимн независимости. Государство было наречено по названию трех рек, на которые, точно на сваи, опирается его территория, — Черной, Белой и Красной Вольт, и национальный стяг соответственно получил их цвета. Замолкло эхо орудийного салюта, приутихли протокольные похвалы в адрес колонизаторов, соблаговоливших согласиться на предоставление стране самостоятельности, и живым укором колониализму на карте мира появилось одно из наиболее неразвитых государств.

Вынужденно пойдя на предоставление независимости колониям, Запад не думал поступаться своими привилегиями. Колонизаторы исподволь готовили себе на смену послушных марионеточных президентов вроде Юлу, Цирананы, Ямеого, Камузу Банды, Мба, Матанзимы — алчных чиновников-бюрократов со спесивым видом и пугающей черствостью по отношению к своим землякам. В этих людях была как бы запрограммирована чуждая их народам демагогическая «цивилизация» колонизаторов и неокolonизаторов. Вместо борьбы с ужасающей бедностью и страшными болезнями своих стран эти руководители осуществляли на практике основные принципы политики «франкофонии» и «англофонии». Они преклонялись перед западной цивилизацией и доказывали непреодолимую отсталость родных культур и языков. В этом им, конечно, всячески помогали оставшиеся при них советники из метрополий. Перед иностранными предпринимателями настежь распахивались двери в формально независимые страны, и бизнесмены, обуреваемые жадной наживы, обычно не соглашались вкладывать свои капиталы, если им не гарантировалась как минимум тройная прибыль.

В роскошном дворце первого президента Верхней Вольты Мориса Ямеого устраивались присмы для местной элиты, на которые без фрака и бабочки нельзя было

являться; гремела музыка, а за стенами дворца умирали голодные соотечественники. Понемногу Африка прозревает, избавляясь от марионеток. Но как длителен и мучителен этот путь!..

В ноябре 1965 года Морис Ямеого в приподнятом настроении возвращался с молодой женой из долгой поездки по странам Южной Америки. Медовый месяц удался на славу. Денег «молодые» не считали. Пышные рауты, роскошные гостиничные номера, сногшибательные наряды... Южноамериканцы были потрясены расточительностью президента далекой и малоизвестной им африканской республики.

— Ну и богата же эта неведомая Верхняя Вольта, — завистливо вздыхали они.

В Уагадугу Ямеого встретили скопления серых, обветшалых лачуг из глины, хмурые взгляды подданных, безразличные ко всему нищие в рубищах и на каждом шагу истерично-громкие речи подхалимов-соратников из правящей партии. Оптимистически настроенного президента первым посетили в его импозантном, истинно королевском дворце с множеством комнат и сотнями слуг министр финансов и глава службы безопасности. Первый почтительно положил перед президентом кипу неоплаченных счетов из Ниццы, Монте-Карло, Южной Америки:

— Господин президент, платить нечем. Казна пуста. Дефицит равен восьми миллионам долларов.

— Пустяки! Как-нибудь обернемся! — ухмыльнулся Ямеого. — Придется затянуть пояса. Объявите о введении по всей стране режима строгой экономии.

Второй доложил, что все труднее становится сдерживать растущее возмущение народа.

— Разве у нас нет армии и полиции, — отпарировал Ямеого. — Шесть лет вы повторяете одно и то же, однако ничего не происходит.

Введение новых налогов, сокращение заработной платы вызвало взрыв народного гнева. В конце декабря, отказавшись от рождественских праздников, трудящиеся по призыву профсоюзов и прогрессивных политических деятелей вышли на улицу. «Долой продажный режим!», «Долой взяточников и казнокрадов в правительстве!», «Долой Ямеого!» — выкрикивали демонстранты. До последней минуты Ямеого не верил в свое падение,

полагаясь на армию и полицию. Однако армия не поддержала его.

В стране возникла сложная ситуация. Политические партии оказались разделенными мелочными склоками своих руководителей. Перед лицом катастрофического положения в республике они решили объединиться для свержения реакционного режима Ямеого, но, претендуя на власть, не смогли представить четкие программы действий. Политический вакуум заполнила армия. 3 января 1966 года начальник генерального штаба вольтийской армии полковник Сангуле Ламизана согласился стать главой военного правительства. Арестованный Ямеого был заключен в военный лагерь Гунгэн близ столицы. Однажды, проезжая мимо Гунгэна, я видел невзрачного человека, посредственно игравшего в теннис за оградой... «Это и есть наш бывший президент», — объяснил сопровождавший меня журналист.

В мае — в пик жары — пересыхают вольтийские реки, за исключением Черной Вольты, наиболее стойкой из них, но и она имеет изможденный, страдальческий вид голодающего человека. От несносного пекла и порывистых ветров деревья измученной саванны превращаются в безжизненные, скрюченные скелеты. Мудрейшие из растений, вроде баобаба, сами сбрасывают в эту пору листву, чтобы солнечные лучи не выпарили из них последние соки. Другие, вроде отдельных видов акаций, обратили все свои листья в тонкие колючки, высасывающие из иссушенного воздуха скудные молекулы влаги. Трескается земля, превращаясь в буро-красную пыль, до предела насыщающую атмосферу. Подчас возникает ощущение, будто дышишь не воздухом, а жаркой красной эфирной массой. Казалось бы, какое уж тут земледелие? Однако уныние рассеивается, когда замечаешь, что на полях вопреки злему зною трудятся крестьяне.

Не будет преувеличением сказать, что главным ресурсом юной республики в начале ее пути были люди. Современную экономику и культуру необходимо было строить фактически на пустом месте. Иначе независимость стала бы формальностью, предметом злорадных шуток недоброжелателей.

Однако в первые годы независимости проблемы экономики не тревожили деятелей типа Мориса Ямеого. Их «заботы» о народе сводились к произнесению пламен-

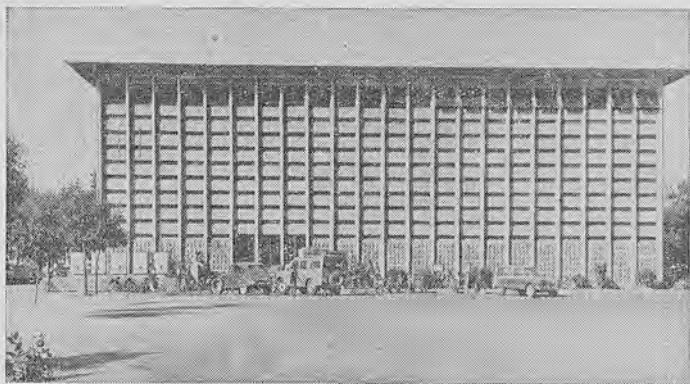
ных речей, заранее от первой до последней буквы написанных советниками из бывшей метрополии. Без одобрительного кивка иностранного советника во времена Ямеого не осмеливался открыть рта ни один вольтийский министр. Бездонная пропасть разделяла народ и правителей, которыми словно марионетками в театре кукол манипулировали хозяева из далеких западных столиц.

Лучшие свои качества, и прежде всего упорство и трудолюбие, вольтиец получил возможность раскрыть в созидательном труде на благо республики лишь с 1966 года, после ликвидации неокOLONиального режима. Своей первоочередной задачей правительство Сангуле Ламизаны сочло подъем сельского хозяйства. На праздниках независимости трудящиеся несли плакаты и транспаранты с лозунгами: «Вольтийская земля способна прокормить всех вольтийцев», «Книгой и плугом!», «Плуг на смену традиционной мотыге».

— В Африке надо мыслить скромными, близкими ей масштабами и понятиями,— говорил мне министр информации майор Била Загре.— В сельском хозяйстве, например, мы хотим оторвать крестьянина от мотыги, дать ему в руки сначала маленький плужок, а затем уже думать о тракторе. Мы обязаны с особым тактом и разумной осторожностью отучить крестьянина от старины и посвятить его в тайны современного сельского хозяйства.

Верхняя Вольта — сельскохозяйственная страна: 94 процента ее населения — крестьяне. Из-за неплодородности почв, разрушаемых эрозией, засушливого климата и недостатка воды 90 процентов земель вовсе не возделываются. Сами вольтийцы с горечью называют латерит не почвой, а горной породой. И все же, несмотря на эти объективные трудности, будущее страны во многом зависит от изменений в патриархально-родовом укладе деревни.

Сукала — семейная община в Верхней Вольте — в корне отличается от узкого европейского понятия семьи. И у бобо, и у дагара, и у моси, и у других народов сукала, возглавляемая старейшиной, включает его жен, сыновей, внуков, их жеп и детей. В нее также входят братья вождя, их жены, сыновья и незамужние дочери. Солидарность большой семьи издревле присуща

Верхняя Вольта. Здание почты и телеграфа в Уагадугу

вольтийцам. Большая семья, достигающая часто 50 человек, — основная трудовая ячейка. У бобо, живущих вокруг второго в стране города — Бобо-Диуласо, сельскохозяйственные работы всегда начинаются с поля старейшины — «отца» семьи. Это поле, возделываемое с особым старанием, должно гарантировать в случае неурожая пропитание всей семье, поэтому на нем обязан работать каждый. Мать и дети, вступившие в трудовой возраст (около 15 лет), также имеют свои отдельные участки. Обычно, хотя это и необязательно, бобо обрабатывают не только поле главы семьи, но и помогают друг другу.

Семья пятидесятилетнего Бакари Уэдраого из деревушки близ городка Кумбия невелика: сам Бакари, три жены, четверо сыновей и три дочери. На поле Бакари посеяно пять гектаров фонии («голодного риса», «росички тощей»), три гектара проса, два гектара кукурузы. Между стеблями кукурузы вольтийцы подсаживают также маниоку и овощи. Поле старшего сына составляет гектар хлопка, четыре ара арахиса, около 50 кустов сладкого картофеля. Второй сын имеет гектар арахиса, три ара индиго, пять грядок помидоров; третий сын — гектар арахиса, три грядки горошка ниебе; четвертый разводит на полгектаре хлопок и имеет две грядки зеленого горошка. Каждый сын вносит отцу своего рода налог натурой. За это перед очередной страдой

отец обеспечивает сыновей мотыгами. Примерно так обстоят дела и на полях других семей.

Чем больше разрастается семья, тем больше появляется мелких наделов. Суровый вольтийский климат, общинные традиции, обычаи прошлого, довлеющие над крестьянином,— все это накрепко привязывает его к крошечным семейным клочкам земли, заставляет смотреть на мир сквозь узкую щелку семейных представлений, изолирует от технического прогресса.

Времена меняются. На массовой демонстрации в день 9-й годовщины независимости перед трибунами под лозунгом «Верхняя Вольта способна прокормить всех вольтийцев» прошла необычная процессия крестьян. Первая колонна символизировала вчерашний день республики: угрюмые люди с доисторическими дабами несли на себе тощие котомки с просом и фонио. Под аплодисменты проходила вторая колонна — сегодняшняя Верхняя Вольта: ослики, запряженные в маленькие металлические плуги и в груженные тачки; водоразливочные тележки, которые толкали перед собой крестьяне, велосипеды с перекинутыми через раму мешками. Замыкала процессию группа «Верхняя Вольта завтра»: тракторы, комбайны мотоциклы, тяжелые грузовики и другие современные машины.

Когда наступит это «завтра», нелегко предсказать, но чтобы приблизить его, идет упорная борьба за экономическую независимость республики. И, может быть, самое трудное препятствие сегодня на пути к прогрессу — сознание земледельца, его рабская приверженность ко всему старому, уже испытанному предками. Однако, как говорят в Уагадугу, в вольтийской деревне испокон веков есть стремление к совместному, более продуктивному труду, которое в новых условиях может стать важным инструментом в экономическом строительстве.

Идет ли речь о строительстве хижины, полевых или любых других работах, вольтиец не любит трудиться в одиночку. В бригаде или группе он находит привычную для себя атмосферу взаимной помощи и коллективного ритма. Хозяйка, которой надо растолочь просо в деревянной долбленке-ступе, зовет соседок. Образовав кружок, женщины длинными пестами ритмично разбивают зерна проса в мучную пыль. Общество сопле-

менников необходимо вольтигцу для труда, вечерних бесед в хижинах, для собраний и состязаний в красноречии на центральной сельской площади при лунном свете, для ритуальных празднеств, регулярных базарных дней, исступленных ночных танцев до рассвета... Чувство локтя, выработавшееся у вольтигцев в трудной борьбе с непокорной, часто неблагоприятной к ним природой, необычайно сильно.

Когда старейшина — глава семьи — считает, что настала пора полевых работ, он созывает сородичей. Вся мужская часть общины отправляется расчищать поле. Работа кипит. Народные менестрели (гриоты) под переборы гитар (кор) славят трудолюбивых и умелых, едко высмеивают отстающих.

Здесь свой трудовой ритм. Его весело диктуют проворные тамтамы и балафоны, оживляемые десятками рук. Каждые полчаса хозяин участка объявляет короткую паузу, разливает в расписные калесасы прохладное пиво, сваренное накануне женщинами, раздаёт крестьянам взбадривающие орехи кола...

Все сильнее палит солнце. Старики, выдерживающие растения, шутками подстегивают уставших. К полудню вдали показывается процессия женщин, несущих на головах сосуды и узелки. После обеда работа возобновляется. И так до заката, а подчас и до утра, пока не будет возделан весь участок. Никто не уйдёт до конца работы. В последующие дни ту же самую картину видишь на остальных полях. От посевной до уборочной сообща работают вольтигцы, компенсируя коллективизмом отсталость орудий труда.

Франсуа Бассоле определил будущее своей родины как «путь от начатков коллективной психологии через усиление позиций государства к окончательному выбору». В одном из посланий к народу президент Ламизана призывал сограждан беречь давние общинные представления об общей собственности и общей пользе, «даже если нужды промышленного развития все более влекут нас к понятиям собственности и прибыли».

Интересный эксперимент, связанный с использованием «начатков коллективной психологии», можно наблюдать в деревне Гиедугу на северо-западе республики. По инициативе правительства там образован кооператив. В нем заведена картотека учета, по которой можно

Верхняя Вольта. Современный рынок в Уагадугу

судить о трудовой активности каждого члена кооператива. Раз в месяц на общем собрании крестьяне обсуждают наиболее важные вопросы, планируют предстоящие работы, принимая решения демократически — большинством в две трети голосов. Дела в кооперативе идут хорошо и, что примечательно, рука об руку здесь трудятся моси, гурунси, само, дафинги, бобо, лоби, мандинго...

Уагадугу — город, рожденный в XI веке, скромный и обстоятельный, как это подобает его солидному возрасту. Современность в нем переплетается с колоритной, африканской стариной. Рядом с изысканными новыми зданиями административных и культурных учреждений, лицеев и школ, комфортабельным «Эндепанданс» и другими отелями — храмы разных религий, а вблизи стадиона в длинном П-образном дворце обитает традиционный глава моси, некогда верховный правитель этого народа — моро-наба, 36-й по счету с XI века.

...Около тысячи лет назад на берегу реки Красная Вольта, на севере теперешней Ганы, жило племя дагомба. У вождя племени была единственная дочь — красавица Ниеннега, что значит «стройная». На поле брани отважная девушка не уступала испытанным воинам. Но эгоистичная любовь отца, не имевшего сына-наследника, грозила навсегда оставить ее старой девой. Отец ни на минуту не отпускал дочь от себя. Во время одной экспедиции Ниеннега с отцом проезжали мимо поля, засеянного просом.

— Просо перезрело! Почему его не убирают? — воскликнул вождь, в котором на миг проснулась крестьянская жилка.

— Как можешь ты, отец, печалиться о том, что просо перезрело и нуждается в уборке, если у тебя есть дочь, которая стареет и до сих пор не имеет мужа? — возразила девушка.

Как в рот воды набрал отец в ответ на это замечание. А вечером Ниеннега с несколькими друзьями покинула столицу племени Гамбагу и ускакала в саванну.

Беглецы нашли приют в хижине охотника на слонов Риале, младшего сына одного из вождей малинке. Молодые люди полюбили друг друга. Своего сына они назвали Уэдраого, что значит «конь». Уэдраого, первый моро-наба, завоевал обширные земли на севере и положил начало вольтийскому государству, стране моси. С тех пор на земле моси существует традиция после смерти очередного моро-набы приносить жертвы духу Ниеннеги.

Такова романтическая легенда о происхождении Верхней Вольты и первого моро-набы. В наши дни во дворце, внутри буквы «П», на отделанном каменными плитками полу каждую пятницу по утрам собираются девять министров моро-набы Кугри, живописные старцы — вожди из Уагадугу и окрестностей, вооруженные кривыми саблями и кинжалами. Привычно рассаживаются гриоты с нехитрыми на вид смычковыми инструментами, перебирая веревочные бечевы-струны, на которых они творят чудеса. Гриотов — хранителей эпоса и традиций — на западе Африки почитают издавна (в прошлом в случае пленения на войне их миновал жребий рабства). Здесь же дряхлые, но всегда удалые тамтамысты. Мальчишки разносят в калемасах пиво. Примерно в шесть часов утра из боковой двери показывается моро-наба в пурпурном одеянии, он символизирует восходящее солнце. Приняв приветствия сановников, моро-наба подходит к оседланной лошади, у которой еще не затянута подпруга, и дает знак приготовить ее к отъезду. Камсаого-наба, неусыпный в прошлом хранитель гарема и почтенный глава евнухов, от имени придворных умоляет владыку не покидать столицы и отложить свой отъезд. Не без театральных жестов нетерпения и даже гнева моро-наба уступаст.

История этого обычая довольно прозаична. Когда-то у моро-набы Урга была любимая супруга, искусный кулинар. То ли ей наскучило быть только кухаркой для своего мужа, то ли по другим, более веским причинам однажды вечером она, испросив разрешение у мужа повидать родителей, ушла и не вернулась во дворец. Огорченный правитель решил лично отправиться на поиски супруги и приказал оседлать лошадь. Но... подошли министры.

Эта сцена иносказательно напоминает вождю о том, что его государственный долг превышает всяких личных неурядиц, что его присутствие в столице обязательно, поскольку, по поверьям, с его отъездом может наступить период беззакония.

Смилостивившись, моро-наба удаляется во дворец и через некоторое время появляется в белой одежде, олицетворяя на сей раз свет дня, садится в кожаное кресло и часами до восьми принимает посетителей, ведущих тяжбы или просто просящих совета. Затем его «Мерседес» можно видеть на улицах Уагадугу.

Кстати, любопытна фигура камсаого-набы. У африканских правителей, как правило, не было обычая кастрировать сторожей своих жен, то есть не было евнухов. Исключение составлял двор моро-набы. «До недавнего времени, вплоть до правления Кома II (1905—1942), — пишет ларалле-наба в книге „История королевских обычаев Уагадугских моси“, — камсаого-наба сам был евнухом, и моро-наба наследовал все его имущество после его смерти». В подчинении камсаого-набы находился зу-соба, главный евнух.

Институт племенных вождей — по-прежнему влиятельная сила в республике. В каждой из 36 этнических групп Верхней Вольты есть своя четкая иерархия рангов, титулов; сохраняются многие традиционные институты. В каждой из 7200 деревень страны есть свой вождь, а в некоторых потомственные правители величают себя не иначе, как королями. Однако большинство королей почти столь же бедны, как и их подданные, хотя и пользуются рядом привилегий.

Моро-наба Кугри — потомок могущественных повелителей прошлого. Ныне он лишен всякой административной власти. Он — хранитель исконной религии, вековых обрядов и бытовых традиций моси. Хотя культ

предков и остается господствующей религией моси, с потерей политической власти моро-набами он заметно переместился в сферу семейных и родовых отношений. Однако его влияние, тем более в деревне, никак нельзя преуменьшать. Эта вера определяет уклад семейной жизни. Все предписанные ритуалы строго соблюдаются, вплоть до регулярных жертвоприношений. Единственное изменение чисто практического толка состоит, впрочем, в том, что теперь в жертву все реже приносится баран и все чаще цыплята, более дешевые и доступные каждому. С культом предков пытаются соперничать ислам, католицизм, протестантство и синкретические религиозные течения.

«Каким бы анахроничным ни казался некоторым анимизм, — говорится в одной из лекций Вольтийской ассоциации африканской культуры, — можно с уверенностью утверждать, что он еще составляет фактор равновесия в современном традиционном обществе страны моси». Его считают также «фоном для других религий», так как многие вольтийцы посещают христианские храмы по воскресеньям и мечети по пятницам, а по возвращении домой взывают о помощи к искусно вырезанным деревянным божкам, духам умерших предков. И в этом заключен источник силы института племенных вождей.

Канули в вечность времена, когда кивок моро-набы, одно мановение его руки решало все, вплоть до согласия на колониальную оккупацию. В прошлом по пятницам после приема посетителей моро-наба со свитой министров спешил во дворец колониального губернатора, который для видимости не предпринимал никаких действий без консультаций с верховным вождем моси. В годы первой мировой войны моро-наба Ком II разрешил, например, мобилизацию вольтийцев в колониальную армию. Позднее он помог колонизаторам узаконить принудительные работы для покорных ему подданных.

Почувствовав новые веяния, племенные вожди стали приспосабливаться к ним и, подобно рабочим и служащим, в 1970 году объединились в... профсоюз для охраны своих интересов. «Профсоюз вождей» — уникальное явление, но и оно говорит о каких-то сдвигах в общественном сознании. Предводители поняли, что будущее, каким бы безоблачным оно ни казалось, зависит

от изменений, которые происходят в экономике и общественной жизни страны. В основном сейчас это уже грамотные люди, и опираются они не только на веру и традиции, но и в какой-то мере на научные знания. Сам моро-наба Кугри закончил лицей во Франции.

— Вождь сегодня — это не вождь вчера. Его власть уже не столь безраздельна, как раньше, — ответил, пожав плечами, один из наб (советников) на мой вопрос о роли вождей.

Однако, когда решается вопрос о том, кому быть новым вождем, дело по-прежнему доходит до ссор и междоусобиц.

С институтом вождей нельзя не считаться. За кого проголосует неграмотный крестьянин? Согласится ли он бросить в землю горсть удобрений, перейти с привычного проса на рис или даже взять в руки плуг вместо вековой мотыги? На такие вопросы часто легче ответить, спросив об этом не его самого, а старейшину его деревни. Одного слова вождя часто достаточно, чтобы изгнать правительственного чиновника из населенного пункта, куда он только что был назначен. Обязанностью вольтийских вождей правительство — как и в некоторых других странах — сделало сбор налогов. В любом городе или округе вождь является, по существу, вторым мэром.

Разные бывают вожди. Были и такие, что вместе с народом умирали в боях против колонизаторов. Есть и такие, что от чистого сердца помогают крестьянам осваивать новые методы хозяйствования, внедрять новые культуры. Я слышал, как один из комбоемба (старейшин моси) убеждал односельчан, что удобрения таят в себе особые силы, увеличивающие жизненную энергию растений, и что предки одобряют их применение.

— Когда мы спорим о роли вождей, — сказал мне сотрудник газеты «Карфур африкэн», — то речь идет не о конкретных личностях, не о людях, волей судеб ставших вождями, а об общественном явлении, перенесенном в двадцатый век из глубокого средневековья.

Многие обычаи и традиции входят в прямое противоречие с нуждами социального прогресса, выглядят в наши дни изживающими себя, чужеродными явлениями. Однако в таких странах, как Верхняя Вольта, подход к традиции не может и не должен быть заведомо

негативным. Разными бывают сами традиции. Реабилитация в правах вековой культуры прошлого, отбор традиций, используемых в новых условиях, просто необходимы для формирования современной вольтийской культуры и воспитания гражданина новой Вольты.

— Преемственность — закон жизни. Патриотизм рождается на основе знания родной культуры и истории, — заметил как-то Франсуа Бассоле.

Однажды технический советник при министерстве внутренних дел и безопасности Вине выступил в столичном франко-вольтийском культурном центре с оригинальной гипотезой: вольтийцы и жители французской провинции Бретань имеют общих предков. Долгие годы этот иностранец скрупулезно изучал диалекты в деревнях области Кая, что севернее вольтийской столицы, и констатировал их сходство с языком бретонцев. Само по себе это сообщение, конечно, не лишено интереса. Но...

— Оно неактуально, — заметил после «сенсационной» лекции поэт Огюстэн Сонде Кулибали. — Уже и без этого различные лекторы десятилетиями вдалбливают нам в головы, что мы — не вольтийцы, что африканцем быть не такое уж и завидное дело. Эта гипотеза — еще один козырь в пользу подобных утверждений. К сожалению, даже сегодня нам еще приходится доказывать, что мы — не дикари, а такие же люди, как и европейцы, и что мы не хотим отказываться от своего африканского происхождения.

В день десятилетия независимости президент республики Сангуле Ламизана открыл на столичном проспекте Независимости постоянный выставочный зал Национального музея. В одном из залов я случайно разговаривался со старым резчиком по дереву Уэдраого Арзумой.

— То, что я здесь увидел, — подытожил Арзума свои впечатления после осмотра всех разделов выставки, — укрепляет меня в убеждении, что нам нечего стыдиться. Здесь мы, африканцы, открываем самих себя, пытаемся ценить свои руки, свою культуру, а не лицемерно захлебываться от наигранного восторга перед чужим.

Современная культура республики вырастает на основе достижений народной культуры тысячелетней давности. «Так как наша отсталая страна выходит из долгой ночи иностранного господства, — писала газета

„Карфур африкэн“ в декабре 1970 года в статье „Главные задачи литературы и искусства в национальном развитии“, — важно учесть последствия этого печального состояния и ориентировать нашу литературу и искусство на возрождение. По этой причине источником национальной литературы и искусства должна быть жизнь народа, отраженная вдохновением наших художников, являющихся творческим отрядом на фронте борьбы за национальное развитие с помощью культуры».

— Есть у нас интеллигенты, которые полагают, что история — это прошлое, давно прошедшее и что главное сейчас — строить плотины и заводы. И только, — формулировал свою точку зрения вольтийский историк Жозеф Ки-Зербо. — История — память народа. Память характеризует даже индивидуальность человека. Если у него отнять память, то он будет ничем и никем. Народ, лишенный корней, лишен и индивидуальности. Кадры, не знающие родной истории, легко подвержены чуждым, но сильным влияниям западной колониальной цивилизации. Мы были искусственно отрезаны от своего прошлого. Руку к этому приложил колониализм. Сегодня, добившись независимости, мы исполнены решимости восстановить, реставрировать прошлое, все полезное в нем. Это важно для грядущего, ибо только патриоты способны преобразить свою землю, способны созидать.

Учебники истории Африки, написанные Ж. Ки-Зербо, изучаются в школах многих африканских стран. В исторической правде юные поколения черпают вдохновение для построения нового общества. Великие дела и подвиги предков берутся Африкой на вооружение.

Возвращаясь к беседе с Франсуа Бассоле по поводу его книги по истории страны, озаглавленной «Эволюция Вольты с 1898 г. по 3 января 1966 г.».

— Некоторые из нас, руководствуясь конъюнктурными соображениями, призывают забыть колониальное прошлое, — сердился Франсуа. — Я с этим не согласен. История для меня — не последняя, а, скорее, одна из первых наук в строительстве современного государства.

Бассоле, как и многие другие африканские интеллигенты, убежден, что с колониализмом надо порвать не только материально, но прежде всего духовно, вывер-

нув все зло и ханжество наружу. В своей книге о В. И. Ленине этот вольтийский историк и публицист много места уделяет разоблачению тезиса о так называемой «цивилизаторской миссии» колониализма в Африке.

— В недавние колониальные времена,— продолжает Франсуа,— нас держали подальше от политики, а ныне империалистическая пропаганда пытается воспитывать нас так, чтобы белое казалось черным и, наоборот, чтобы неоколониализм представлялся африканцу наивысшим благом жизни. Я не верю в серьезность демагогической игры в «прогрессивных» и «реакционеров». Я всегда задумываюсь, кому на руку эта игра и вообще можно ли в Африке быть реакционером по убеждению. Есть ли на свете люди беднее африканцев? Впрочем,— это вам скажет любой африканец — всякий мой соотечественник, до вечного бедняка-земледельца уверен, что он ближе к социализму, чем к капитализму (если вы ему получше растолкуете, что такое социализм), так как живет в общине со всеми ее неизбежными представлениями о коллективном труде, о коллективной солидарности. Беда заключается главным образом в том, что наши «революционные» или, скажем скромнее, просто хорошие заявления и лозунги о борьбе за справедливость и прогресс часто расходятся с делами.

Да, в сознании вольтийцев косное прошлое подчас тесно переплетается с теми извращенными, ханжескими понятиями «демократии», которые годами внушал им колониализм. Из метрополии глухим непонятным эхом доносились слова «свобода, демократия и прогресс», обдуманно освобожденные от всякого конкретного содержания. Ораторы приводили ими в экстаз аудиторию, хотя сами не могли толково объяснить, что же такое эта «свобода» на самом деле. Частое употребление слов «свобода» и «демократия» вело к обратным результатам. Ямеого не скупился на красивые выражения и невыполнимые обещания, но страна прозябала в нищете и невежестве. В те годы, согласно народной вольтийской поговорке, сооружался «обезьяний домик».

— У нас в народе,— объяснял мне резчик Арзума,— есть такое выражение «обезьяний домик». Когда все делается невпопад, когда одни строят, а другие ломают, в

этих случаях крестьяне, веками наблюдавшие за «трудо- вой деятельностью» обезьян, употребляют это насмеш- ливое выражение — синоним бесполезного труда. Ора- торствовали мы тогда красиво. Вообще, мы, африкан- цы, — прирожденные ораторы: в каждой деревушке есть своя «хижина бесед». На бумаге составлялись често- любивые экономические проекты, на деле в среде чи- новников, начиная с самого президента Ямеого и его министров, царили детская беспомощность, невообрази- мая коррупция и расточительство.

С ларалле-набой — хранителем королевских могил я встретился в муниципалитете. Ларалле-наба — также первый заместитель мэра столицы. Увлекательные сказ- ки неграмотного мудрого Ямбы Тиендребеого — таково его светское имя — вечерами часто собирают широкую аудиторию радиослушателей — от мала до велика. В мое- й библиотеке хранятся его книги «История королев- ских обычаев угадугских моси» и «Сказки ларалле» с автографами. Ларалле — глубокий знаток легенд, обы- чаев, пропагандист народной музыки и танцев. Однаж- ды старый Ямба поведал легенду, согласно которой вольтицы ведут свое происхождение от львов, откуда пошло и их прозвище «львиное племя».

Несколько впечатлений о Верхней Вольте наиболее отчетливо врезались в мою память. Они о народе... «львином племени», стойкостью, мужеством, гордостью и трудолюбием которого нельзя не восхищаться.

ВОЗВРАЩЕННАЯ РОДИНА

Загадки Камеруна начинаются с названия этой страны. Все учебники и монографии единодушно утвер- ждают, что ее крестными отцами были португальцы. В 1482—1486 годах они высадились в бухте Амбос и эстуарии Вури. Изумленные необыкновенным обилием креветок, португальцы окрестили эстуарий «Рио душ Камароеш» (река креветок), а «Камароеш» впослед- ствии превратилось в «Камерун». Но есть и другая, ме- нее известная версия этимологии этого слова. Ее источ- ник — народные легенды и эпические баллады. Эту вер- сию излагает в книге «Мвет» (мвет — струнный инст- румент фангов-бети) габонский учитель Тсира Ндонг

Ндутуме. Одна из баллад, которая исполняется гриотом под мвет, описывает первое вторжение фангов в этот ныне обжитой ими район. Они пришли сюда откуда-то с востока, преодолев реки Уэлле и Убанги, ограбив и уничтожив огнем попавшиеся им на пути деревни. Камерунские леса и саванны были тогда заселены охотничьим племенем энгонг, говорится в балладе. Продвижение фангов задержал тропический лесной массив Кам-Элоне. Кам-Элоне — на языке фангов исполинское дерево, якобы преграждавшее им путь в течение нескольких лет. В конце концов, если верить легенде, они пробили проход в его стволе и рассеялись по лесным чащобам района Берберати, Яунде, Уэсса. Название же завоеванной ими страны «Кам-Элоне» со временем зазвучало как «Камерун». Кто прав? Ученые-историки или гриоты? Это одна из тайн истории Камеруна.

На географической карте Камерун выглядит птицей, приготовившейся к взлету. Ее гордо вскинутый гребень упирается в самый центр Африканского континента — озеро Чад. В силуэте этой страны словно проступают черты ее закаленного трудной историей независимого и мужественного характера. Птица-Камерун давно рвалась в полет, ввысь, к немеркнущему свету свободы, но долгие десятилетия ее порывы сковывались путами колониализма.

Однажды в лесной деревушке близ города Мбалмайо нас пригласил в гости крестьянин — родственник местного коллеги-журналиста. Заботливо побеленный опрятный домик соседствовал, как это часто бывает в африканских селах, с шоссе. Так удобнее для его обитателей: в нужный момент знаком руки можно остановить проезжающую машину и добраться на ней до города; здесь легче также продать случайным путникам — туристам или горожанам — оттягивающую руку гроздь бананов, несколько кукурузных початков или корзину апельсинов. При домике был зажатый лесной чащей маленький огородик, окаймленный широколиственными бананами.

— И это все ваше хозяйство? — удивился я.

— Нет, моя плантация там — за лесом, — махнул рукой старый крестьянин.

Чтобы утолить мое любопытство, а может быть, из некоторого честолюбия, крестьянин вызвался показать свой участок. Путь к плантации пролегал через сумрач-

ный, пропахший затхлою плесенью лес. Сквозь плотный подлесок, представлявший собою огромной толщины изгородь, с паучьей рачительностью сплетенную самой природой, была прорублена узенькая еле приметная тропинка, которую буйно растущий лес изо всех сил старался прикрыть лиановыми веревками и густыми тенетами пауков, а человек, насколько ему хватало сил, — спасти от неумолимой стихии. Мы протискивались по тропке, как эквилибристы, остерегаясь болезненных уколов острых лиановых шипов.

— Вот она — наша недавняя судьба, — вдруг задержался старик перед высохшим, безжизненным деревом внушительных размеров, по-видимому разновидностью кайи.

Виновником гибели этого гиганта были цепко обвивавшие его лианы из семейства фикусовых, которых называют «душительницами». Они скромно пускают ростки в дупле или углублении дерева, затем обвивают его, высасывая из растения соки, закрывая ему солнечный свет. Дерево не выдерживает единоборства с коварным недугом и погибает, хотя еще долго стоит скрученное с ног до головы крепкими побегами лиан.

К счастью, народ несравним с неподвижным и смиренным деревом в тропическом лесу. Камерунцам удалось сбросить цепи душителя-колониализма.

На одном из приемов в Яунде деятель правящей партии Камерунский национальный союз, сказал мне:

— Вы, иностранцы, просто не способны представить себе, как много нового в нашей жизни, какая эволюция произошла и происходит в наших взглядах и понятиях. Порой нам самим все эти сдвиги кажутся непостижимыми. В Камеруне, как, впрочем, и в других африканских странах, далеко еще не стерты следы колониального хозяйничанья, наследия прошлого, но именно на фоне этих родимых пятен истории особенно ясно видны достижения страны за недолгие годы независимости, ее трудности и проблемы.

В ноябре, когда отсверкают фантастически яркие, грохочущие стрелы молний, стихнут проливные тропические дожди, когда вот-вот закончится неустойчивое короткое межсезонье и в центральные районы Камеруна неудержимо вторгнется жаркий сухой воздух, в иной год наблюдается любопытное явление природы.

На некоторые города и села по ночам в течение двух-трех недель наваливаются орды саранчи — на языке эвондо мимбу. Автомашины по улицам Яунде в эту пору движутся с вымученной медлительностью улиток. В бликах неоновых фонарей в спутанном клубке вьются четырехкрылые существа и мгновенно словно от внезапно обуявшей их усталости камнем сваливаются на асфальт. К ним наперегонки прямо под колеса машин отважно бросаются мальчишки, девчонки и взрослые, чтобы успеть раньше других подобрать упавшее насекомое и запихнуть его в приготовленную для этого бутылку.

— Мимбу — небесная манна для нас, — растолковывал мне эвондо из квартала Мвонг-Мби. — Смотрите какие они толстые! Своими маслянисто-жирными кольчатыми телами они похожи на гусениц. Мы вытапливаем из них масло, на котором жарим пищу. Для этого мы чистим мимбу, кладем их с солью в кастрюлю и кипятим до выпаривания воды. На дне остается масло.

Мимбу едят вместо мяса с отваренной маниокой, заправленной арахисовым соусом. В Мвонг-Мби я попробовал сэндвич с саранчой...

— У нас трудно умереть от голода, — говорили мне. — Если вы заблудитесь в лесу, то прокормитесь там за счет корней, трав или плодов.

Конечно, подобная «манна небесная» и дары леса — подспорье жителям Тропической Африки, хотя это не оправдание слабого развития сельского хозяйства, а скорее всего — черта отсталости. С десятков лет назад Камерун, производящий целый ряд продовольственных культур, был солидным импортером продовольствия из Европы при всех своих никем не оспариваемых потенциальных возможностях. За годы независимости выросла продуктивность сельского хозяйства. Некоторые новые культуры — хлопок, чай, перец и другие наряду с традиционными — какао, кофе, бананами, каучуконосами и масличными пальмами теперь составляют существенные статьи внутренней и внешней торговли. На севере в Форт-Фуру камерунские селекционеры сеют даже пшеницу.

Успехи в этой ключевой отрасли экономики, где занято 85 процентов населения страны, приходят к камерунцам благодаря повседневной кропотливой работе с

крестьянином. Распространенные здесь «школы под деревом» исполняют не только свою прямую функцию по ликвидации неграмотности среди взрослых крестьян, но и ведут просветительскую работу. Пропаганда более совершенных технических средств земледелия, наглядная демонстрация преимуществ применения удобрений и инсектицидов, помощь крестьянам кредитами государственного банка, подготовка технических кадров для села и другие меры правительства имеют целью оторвать крестьянина от архаичных порядков и понятий о жизни и труде, максимально использовать возможности индивидуального крестьянского хозяйства.

Изменить прошлое в один день невозможно. Сталкиваясь с африканской действительностью, вспоминаешь ленинские слова о «громадной силе привычки и косности»: «Нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками»¹.

Мои наблюдения в Камеруне сплошь и рядом подтверждали эту мысль. Здесь особенно заметно сложное переплетение традиционного с современным, столь характерное для всей сегодняшней Африки.

...Позади остались две паромные переправы через реки Санага и Мбам. Ближе к Бангангте мы очутились в гористом районе. Наша машина то, тяжело дыша, взбиралась на гору, то, петляя по узкой дороге, съезжала вниз, чтобы снова оказаться перед крутым подъемом.

Бангангте — город, взобравшийся на высоту 1200—1300 метров над уровнем моря. Перед поездкой мой столичный знакомый Нджики, уроженец этих краев, племянник местного вождя бамилеке, красочно расписывал пейзажи, которые откроются нам с некоторых возвышенностей близ города.

— С одного холма, — утверждал он, — можно увидеть город Фумбан, отстоящий от Бангангте на восемьдесят километров.

Бескрайние, причудливой формы, застеленные светло-зеленым ковром трав холмы и долины, редкие де-

¹ В. И. Ленин. Великий почин. — Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 15.

Камерун. Мастер художественной вышивки в районе бамилеке ревя с пушистыми темно-зелеными кронами, очень заметные на этих ровных, сплошь травянистых просторах... По обочинам дороги изредка попадаются женщины, согнувшиеся под тяжестью огромных вязанок хвоста.

— Район, населенный бамилеке, — рассказывал шофер Эссомба, — расположен на высоте. Деревьев мало. Ночью здесь холодно. Каждая сухая ветка высоко ценится.

Может быть, попыткой любимыми средствами уберечь тепло объясняется — конечно, отчасти — оригинальная форма традиционных домиков бамилеке: на четыре глинобитные стены, в которых практически нет окон, опирается высокая, коническая соломенная кровля.

Я напрягал зрение, силясь увидеть далекий Фумбан, но матовая дымка затушевала горизонт в бледно-зеленый цвет.

...Дом вождя, одноэтажный каменный особняк внушительных размеров, стоял на отшибе в низинке, метрах в трехстах от дороги. Во дворе толпились люди. О перила цементной балюстрады перед входом в дом облокотились вельможи, знатность которых можно было опре-

делить по одежде, осанке, невозмутимому, надменному выражению лица. Те, что попроще, возбужденно переговаривались между собой. Они обратились к вождю по делу о краже.

Вождю бамилеке округа Бангангте Покам Нджики не дашь 45 лет. Он одет более чем просто: поношенная рубашка и выдавшие виды, залатанные на коленях брюки. Лишь манера его поведения, прищуренный снисходительный взгляд и почтительное обращение слуг говорили о непререкаемом авторитете этого человека.

Черепаша — символ справедливости у бамилеке. Когда кого-нибудь обвиняют в злонамеренном колдовстве, краже или супружеской измене, то обвиняемый должен принести во двор вождя черепаху. Он приходит на судилище с наголо обритой головой, натерев тело пеплом. Наготу скрывает узкая набедренная повязка из кожи сушеных бананов. Он издает тревожные возгласы. Черепаху кладут между вождем, восседающим на троне лицом к собравшимся крестьянам, и обвиняемым. Последний, обращаясь к черепахе, произносит традиционное:

— Мир зол. Я не знаю, в чем меня обвиняют. Ты должна снять с меня это обвинение.

Если черепаха поползет по направлению к вождю, обвиняемый оправдан, в противном случае его считают виновным. Только после того как черепаха «сказала свое слово» в разбиравшемся деле, нас представили вождю.

— Наша династия давняя, — говорит Покам Нджики. — Я пятнадцатый вождь. Округ большой. Судите сами — примерно двадцать две тысячи человек, около семидесяти городских кварталов и деревень.

Я осведомляюсь о переменах в округе за годы независимости.

— Теперь каждый понимает, что он действительно живет на своей родной земле, — после недолгой паузы отвечает вождь.

Он со знанием дела рассказывает о том, что ныне в округе вместо единственной школы, как прежде, открыты школы в городских кварталах и деревнях. Медицинские пункты появились даже в отдаленных селениях, где их раньше не было и в помине.

Покам Нджики — первый заместитель мэра и ведает социальными вопросами, здравоохранением и просвеще-

нием. В республике почти повсюду так: старший вождь селения — второй человек в мэрии.

— У нас весьма благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Однако, — сетует он, — мы очень страдаем от бездорожья. Я сам развожу кофе. Все наши плантации располагаются вдоль шоссе и троп.

Вокруг дворца в шахматном порядке выстроились хижины в стиле архитектуры бамилеке, но почти игрушечных размеров. Это хижины жен вождя. Я задаю неосторожный вопрос об их числе. Вождь недовольно морщится, но все же отвечает:

— Пятьдесят — шестьдесят, но часть из них я получил по наследству от своего предшественника. Таков обычай.

В Камеруне наших дней — сложная социальная структура. Рядом с государственными учреждениями, организациями правящей партии Камерунский национальный союз действуют племенные институты. С законом уживаются вековые традиции и обычаи.

Представление об Африке будет неполным и обманчивым, если за недавно обретенным республиканским фасадом, за сетью шумных политических и общественных организаций, за новостройками заводов и фабрик совсем проглядеть хитросплетения родо-племенных и феодальных институтов, заложенных еще в средние века.

Эти институты влиятельны не только на западе Африки, но и в других ее частях. Их влияние нет-нет да и возобладает на крутых поворотах политической жизни африканских стран. Традиции прежней власти скрытно тянутся к самому гребню нынешнего государственного управления. Ее воздействие сказывается даже при формулировании политических доктрин и определении руководства республик. Именно поэтому институт традиционных вождей и вельмож не только экзотическая сторона африканской действительности. В Объединенной Республике Камерун, как и в других странах, сохранились как бы остовы феодальных монархий. Их я наблюдал, разъезжая по районам, населенным бамилеке, бамумами, фульбе, тикарами, дуала и другими народами.

Бамилеке правит король (фо), выступающий от имени всех мифических предков, верховный жрец

культы. В его свиту и «штаб» входят родственники и наследственные советники — камве (нечто вроде удельных князей, потомки «девяти прародителей» бамилеке) и вельможи (нкем). У подножия иерархической пирамиды стоят начальники провинций (менкам), районные управители (нкам и фонте), а под ними безликая и безропотная крестьянская масса.

Политическая власть фо ныне сведена к минимуму. Однако по традиции он владеет и распоряжается всеми землями, взимает с крестьян налоги в пользу государства и дань для себя. На усадьбах и полях верховного правителя и прочих вождей крестьяне отработывают свой извечный долг, повинуюсь безапелляционным предписаниям косных обычаев — ведь, согласно родо-племенной морали, физический труд унижает вождя. К слову сказать, в одной из африканских стран я услышал забавную быль о том, как некий правитель отрастил умопомрачительной длины ногти на левой руке в знак своего высокого ранга. Цель этой странной затеи была проста — убедить людей в том, что он совсем-совсем не трудится.

Фо предстает народу во всем великолепии церемониального облачения с золотыми браслетами на запястьях, иногда в шкуре пантеры, на которую только он имеет право. Его трон вырезан из дерева в форме пантеры, окалившейся навстречу входящему. Пантера — символ королевской власти. По поверьям, фо может, если пожелает, принимать образ пантеры, слона, буйвола или питона. И бамилеке — быть может, уже не все, но многие — верят в волшебные чары и способность властителя к превращению.

Целый квартал около хижины вождя отводится его супругам, среди которых также существует своя иерархия. Главной считается мафо — старшая жена. Вопрос о наследнике престола решает совет камве. Старшему сыну фо дается титул соп, а младшим сыновьям — тухкам и покам (фокам). Сан часто включается в фамилию, и непосвященному чужеземцу кажется одним из имен. В Яунде я вручал аккредитационное письмо благожелательному министру информации Полю Фокаму Камге. Среди имен хозяина помещения корпункта ТАСС было выразительное Менкам. В то же время поэт Мартэн соп Нкамганг предупредил меня об исключениях из прави-

ла — почетный титул соп был присужден ему на родине за литературное творчество.

На севере Камеруна мост из настоящего в прошлое перебрасывают два десятка султанатов (ламидатов) фульбе. Ламидо (султан) избирается из членов царствующей семьи. Он наделен рядом административных полномочий в пределах округа или района, включая право сбора налогов. Он же верховодит мусульманским духовенством и подобно большим и малым традиционным правителям других народов Камеруна вершит судопроизводство.

Государство лишило нынешних вождей — фо, ламидо — полноты власти, которой некогда обладали их деспотичные предки, но в границах их исконных вотчин им редко прекословят. В Камеруне, как мне рассказывали, бывали случаи, когда правительство меняло незадачливого мэра или префекта, не пришедшегося по вкусу первому заместителю — вождю. Решать задачи национального строительства, игнорируя родо-племенные институты, обычаи и мораль, пока нельзя.

Шефферы — институт традиционных вождей — продолжает играть определенную роль в равновесии нации, сказал президент страны Амаду Ахиджо. Он часто является полезным связующим звеном между государственной администрацией и населением, особенно в сельской местности. Однако, подчеркнул президент, «традиционным вождям надлежит добровольно приспособиться к велениям времени».

В июне 1970 года Камерунское агентство печати опубликовало в своем бюллетене статью о проблемах департамента бамумов, где до сих пор почти безраздельно правит племенной вождь — султан. «Смогут ли бамумы пожертвовать некоторыми обычаями, чтобы ускорить экономическое и социальное развитие своего департамента?» — поставил вопрос автор статьи.

Многие камерунцы живут в плену старинных ритуалов и понятий, уходящих в далекое прошлое. Отношение к труду, например, во многом определяется обычаями и традициями в этой области. Для африканцев, членов сельской общины, все полевые работы сопровождаются вынужденными ритуалами; часто сосуществует обрядовое разделение труда, то есть четкое распределение обязанностей между мужчинами, женщинами и даже

детьми. На севере среди этнических групп кирди к иригации приступают только после произнесения знахарем специальных заклинаний. Для скотовода-кочевника величина стада — лишь вопрос престижа в глазах соплеменников. «Пусть коровенки тощие и маленькие — зато их много», — говорит он. По этой причине его заботы ограничиваются только ростом поголовья, а не рациональным животноводством. В Южном Камеруне встречаются еще деревни, где крестьянин осуществляет севооборот лишь после указания колдуна и только в предписанном им порядке.

В упомянутой статье агентства печати говорилось, что бамумы, гористый район которых не очень богат ресурсами, отказываются по неясным даже им самим соображениям есть рыбу тилапия, которой изобилуют 600 водоемов департамента; верящие в существование душ и духов, повинувшись категорическим табу, не едят некоторые виды тотемных животных и растений, имеющих кровную связь с тем или иным коллективом людей.

Некоторые обычаи ведут к непозволительной расточительности. Свадебный выкуп за невесту, выражающийся в далеко не символических величинах (он иногда превышает сумму 300 тысяч африканских франков), сводит на нет скудные семейные сбережения. Многие экономисты в Африке не без оснований включают в свои выкладки по подсчету реального дохода на душу населения необычную статью «подарки».

До сих пор использовалась лишь малая толика трудового и духовного потенциала общинника. Повышение производительности труда в африканских странах — социальная проблема, связанная с раскрепощением сознания крестьянина и избавлением его от всех форм прямой и косвенной эксплуатации.

Это понимают здесь. Когда камерунское радио начало вести передачи по двум каналам вместо одного, я спросил директора национального радиовещания Даниэля Амио Призо о смысле этого новшества.

— Возросло число программ на местных языках, — ответил он. — Радио — главный источник всякого рода информации в наших страдающих от сплошной неграмотности странах; воспитатель новой деревни.

Проходит время, когда крестьяне получали «образование» у вождей и колдунов. Даже на севере, близ озера

Чад, где в обособлении от развитых районов живут люди, единственной одеждой которых до сих пор остаются набедренные повязки, вернее, передники из пучков мягкой травы или медных колец, мне довелось быть участником коллективных прослушиваний радиопередач. Границы собственной деревни уже узки для крестьянина. У него явно пробуждается вкус к проблемам национального характера.

...Я припарковал машину у гомонящего яундского рынка. Тут же подскочил подросток с корзиной коросоли. Крупные тропические плоды зеленого цвета, по форме схожие с увеличенными ягодами клубники, издавали приятный, очень вкусный аромат. Слово за слово мы разговорились. Он недавно пришел к родственникам из деревни.

— Али, почему ты покинул деревню? — поинтересовался я.

— Там невыносимо. У стариков на языке одно: «Обычай велит: делай так, и только так». Опять же вождь требует того же. Вы знаете, что такое эти старые нравы? Это же все бессмыслица и неправда. Мне учитель говорил об этом в школе. Я бросил учиться в пятом классе, у родителей не было денег. Чем дальше, тем труднее в деревне. Я хочу принадлежать себе, быть самим собой. Может быть, удастся найти работу и тогда продолжу учение.

— Но здесь ты живешь впроголодь? Есть ли у тебя работа?

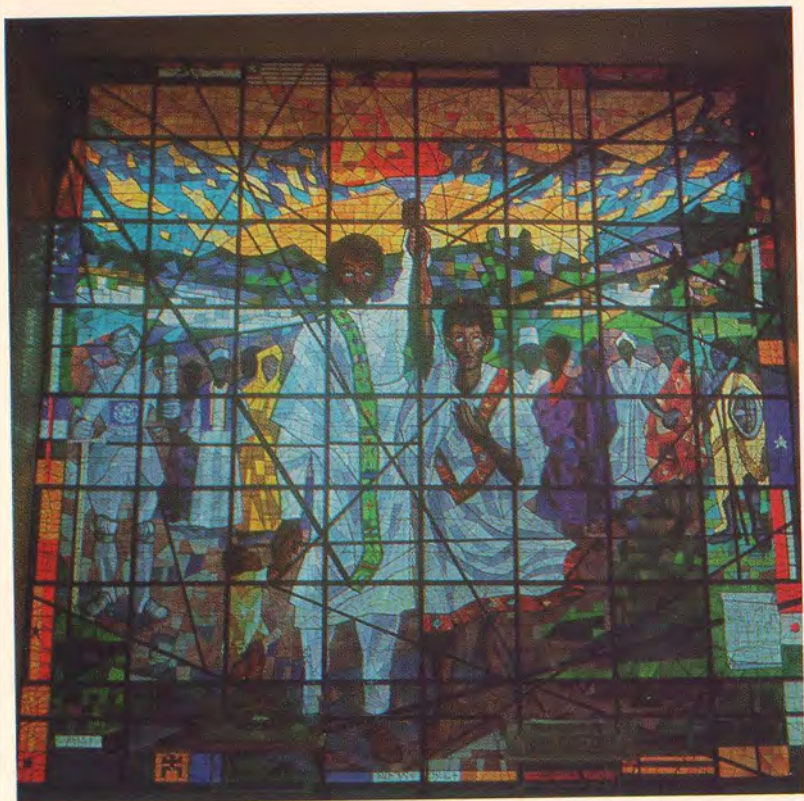
— Коросоли — вот и вся работа, — кивает он на корзину. — Сами видите.

Али оторвался от земли, он оставил деревню, как это делают многие его сверстники. Теперь он — не крестьянин, а безработный. Что лучше? Как это, однако, похоже на замкнутый, заколдованный круг. В Бенине, Габоне, Камеруне, Мали и других странах ведется борьба против отлива молодежи из деревни в город. Деревня, сказал как-то президент Камеруна Ахиджо, обращая внимание на опасность этого социального явления, лишается нужных рабочих рук, а город пока не может предоставить молодым работу.

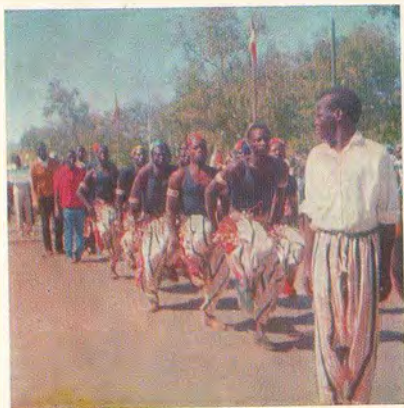
Крестьянин живет в изменяющемся мире, перемены в котором влияют на жизнь и нравы деревни. Крестьянин и сам меняется. И все же это только исходный

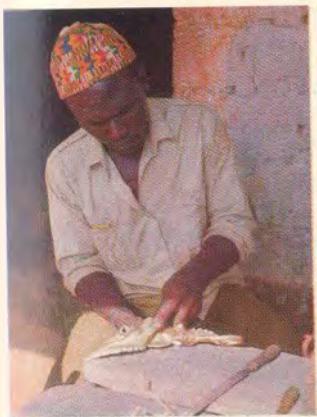
Памятник В. И. Ленину в столице государства Маврикий
Порт-Луи

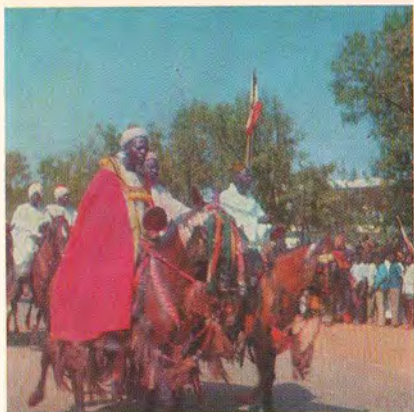
«Освобождающаяся Африка» — витраж эфиопского художника Эфеворка Текле в Доме Африки в Аддис-Абебе

Народный танцевальный ансамбль в столице Верхней Вольты Уагадугу

Ремесленник
в городе Фумбани работает
над бронзовой маской

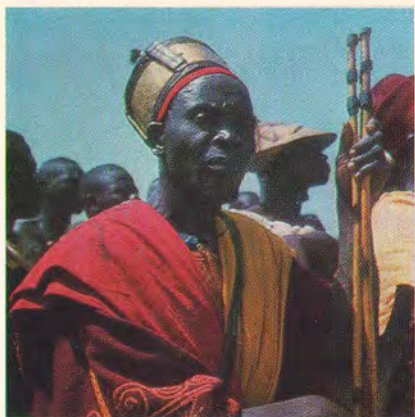
Вельможа меси и его эскорт
на улице Уагадугу

Песни и танцы женщин-эвондо на улице столицы Камеруна Яунде

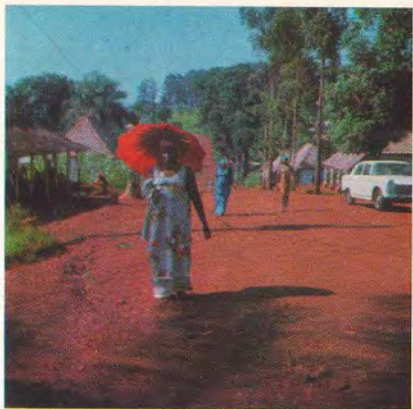

Скамья — произведение майо-
ликовой живописи на площади
Независимости в Малабо

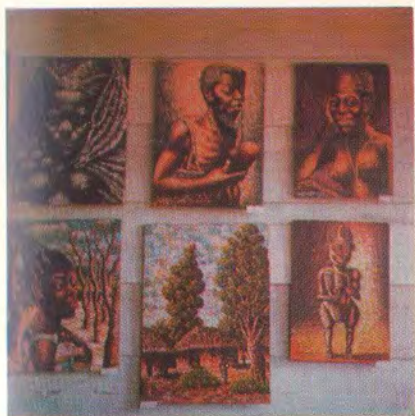
Вождь фульбе в городе Гарва
(Камерун)

Улица в Фумбане

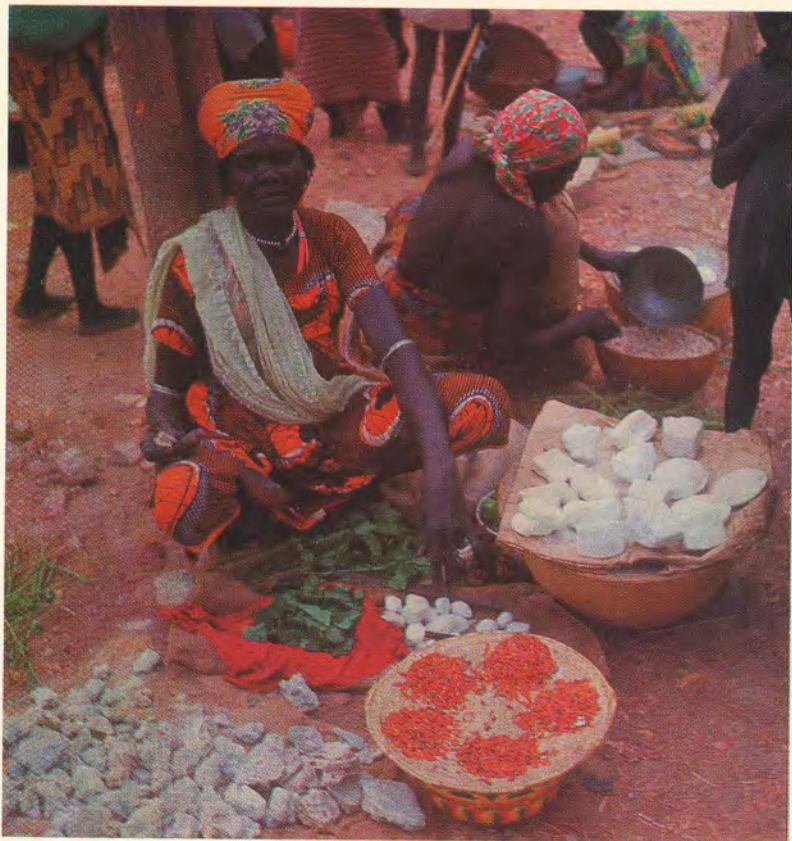

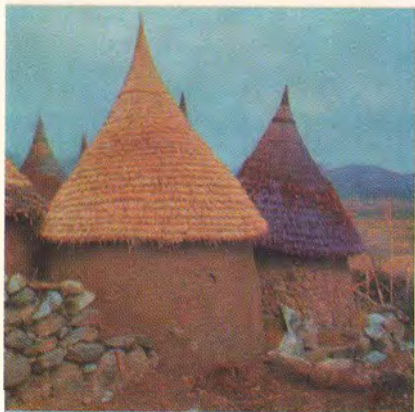
На рынке в городе Марва (Северный Камерун)

Картины камерунского художника Паскаля Кенфака

Торговка солью и красным перцем пили-пили в Нгаундере (Камерун)

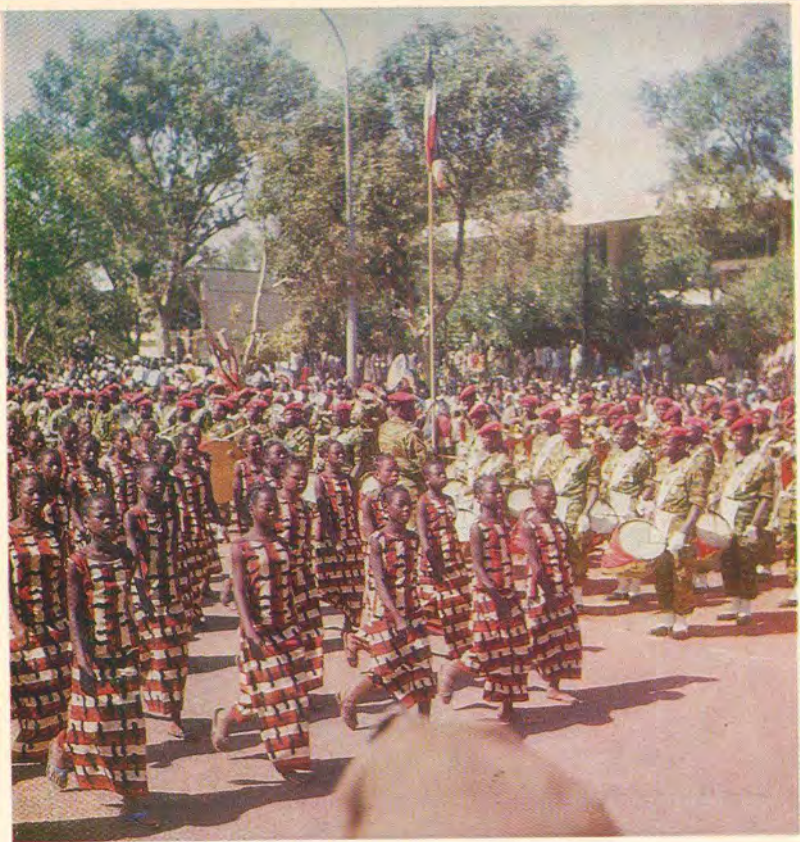
Деревня на севере Камеруна

Жанровая сцена кисти конго-
лезского живописца Фостэна
Китсибы

Девушки села Румсики милы
и трудолюбивы

Колонна молодежи на демонстрации в Уагадугу

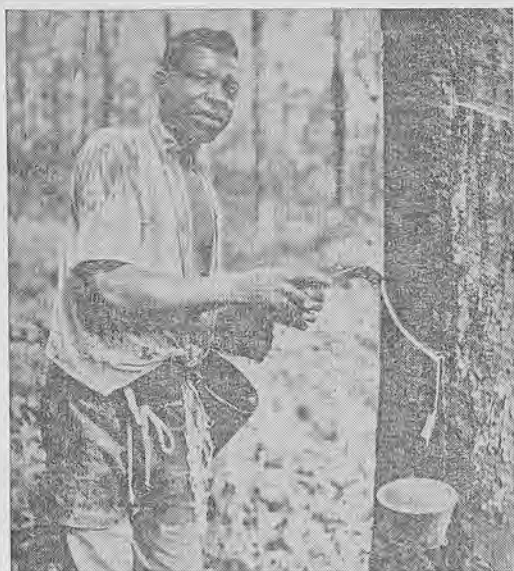
пункт подъема сельского хозяйства. Ведь до сих пор внешнее земледелие основывалось на эксплуатации мелких участков. В среднем, по официальной статистике, площадь примерно 675 тысяч земельных владений Восточного Камеруна колеблется в пределах двух гектаров, на которых кормятся в среднем пять человек.

Мелкотоварность и раздробленность земельных уделов мешают развитию сельского хозяйства. Попытки оживить кооперативное движение, привлечь внимание крестьянина к современным формам хозяйствования предпринимались и ранее. В числе трудностей острая нехватка кадров для организации и управления кооперативами, необоснованность и даже риск форсированного осовременивания общин и их механической трансформации в кооперативы.

С другой стороны, кооперативы повсюду в Африке, как правило, создавались по инициативе сверху и это не всегда правильно понималось крестьянами. Приблизить кооперацию к крестьянину, сделать ее кровным для него делом — об этом размышляют и в Камеруне. Правительство усилило помощь кооперативам, утвердило единое положение о них и устав.

Поворот крестьянина к крупному производству, вовлечение его в активное личное участие в национальном строительстве — важнейшая операция социального характера, без успешного осуществления которой африканским странам вряд ли достичь подлинной независимости. Не приуменьшая их усилий в области кооперирования, нельзя не согласиться при этом с мнением французского африканиста Жана Сюрэ-Каналья, который предупреждает, что преобразование с помощью кооперации будет значительно затруднено, «особенно если вопрос о собственности на землю не будет решен в плане подлинной коллективизации».

В окрестностях Дуалы, которую камерунцы величают экономической столицей республики, по утрам всегдалюдно. Вереницы велосипедистов и пешеходов тянутся к новым корпусам заводов и фабрик. Это — рабочие, один из главных «продуктов» экономического прогресса страны за годы независимости. Подобную картину наблюдаешь и в Виктории, и в Эдеа, и далее к северу в Гаруа и Маруа, и в саванне — вдоль Транскамерунской железной дороги, и в глуши — на лесных разработках.

Рабочий каучуковой плантации
близ камерунского города Буэа

Пейзаж страны преобразается на глазах. В некогда заброшенных уголках вырастают здания заводов и агропромышленных предприятий. В начале 1969 года на севере страны я проезжал мимо местечка Фигиль: несколько неказистых букару (хижин с круглыми саманными стенами и конусообразной, свисающей почти до земли кровлей из травы поло-поло) да редкая чахлая растительность серо-желтых обожженных солнцем просторов саванны. Два года позднее ландшафт оживляли белоснежные корпуса нового цементного завода.

А ведь еще в 1946 году вся индустрия Камеруна состояла из одной типографии. Сейчас промышленный сектор насчитывает свыше трехсот предприятий химической, пищевой, металлургической, машиностроительной и других отраслей. Увеличилось число рабочих, растет и их сознательность. Разумеется, рабочий не забыл родной деревни, он привязан к ней множеством зримых и незримых нитей. Но крестьянином его уже никак не назовешь. Он втягивается в политическую жизнь. На собраниях организаций Национального союза трудящихся

Камеруна громче звучит голос рабочего в поддержку политики укрепления национальной экономики и независимости. Я вспоминаю митинги профсоюзных активистов и представителей трудящихся в Яунде по случаю 1 мая. Среди лозунгов были и такие: «Учредить налог на вывозимые из страны капиталы», «Обеспечить реинвестиции в камерунскую экономику большей части извлекаемых из нее иностранцами прибылей», «Ограничить срок пребывания импортной рабочей силы в частном секторе».

Жизнь не стоит на месте. Молодые государства континента стремятся мобилизовать все внутренние средства и силы для подъема экономики, объединить все слои населения общей задачей национального строительства. В Камеруне на протяжении всего периода независимости усиливалась роль государства в экономической жизни. От выполнения поверхностных регулирующих функций в этой области государство постепенно переходило к активному участию в этом важном процессе, не только строго контролируя его, но и вкладывая все больше собственных средств. Еще в ноябре 1967 года на заседании временного руководящего комитета правящей партии Камерунский национальный союз президент Ахиджо высказывался за развитие государственного сектора в экономике. Тенденция к этому прослеживается довольно отчетливо. Ярким примером рентабельности и доходности служит национальная компания воздушных сообщений «Камерун эйрлайнс», основанная в ноябре 1971 года. Итоги ее деятельности опровергли прогнозы некоторых вещунов с Запада, доказывавших в момент создания компании, что африканцы не способны с успехом управлять столь крупными предприятиями, как это.

Нынешняя Африка страдает одним недугом, вирусом-возбудителем которого был колониализм со своей политикой «разделяй и властвуй». Рецидивы этого недуга то тут, то там проявляются на живом теле континента. Название болезни — трибализм. От трибализма не уйдешь при знакомстве с африканской действительностью. Это коварное и одно из наиболее действенных орудий империализма. С его помощью враги Африки руками африканцев пытаются зачеркнуть уже достигнутое в период независимости, сохранить свое господство над континентом.

На севере Камеруна, в Чаде и ЦАИ все деревни выглядят столь же сказочно, что и эта у подножия Мандара

«Единство! Единство! Единство!» — под таким девизом родился независимый Камерун. Актуальность этого лозунга объясняется хотя бы тем, что в республике с населением около шести миллионов человек насчитывается свыше двухсот различных этнических групп. Не случайно эту страну часто уважительно величают «Африкой в миниатюре». Более чем на ста языках и диалектах говорят камерунцы. «Страна географического, этнического, лингвистического, культурного, а также художественного разнообразия, страна уникальная в своем роде в сердце Африканского континента — двуязычная англо- и франкофонная республика Камерун, — характеризует свою родину камерунский писатель Жан-Батист Обама, — охватывает все прошлые и современные цивилизации евро-афро-азиатского мира». Фульбе севера эмигрировали с «солнечного Востока на травянистый Запад». Не знающие своего происхождения, они говорят: «Мы пришли оттуда, где встает солнце, вслед за скотом, который увлекали в глубь континента нескончаемые пастбища». В горах Мандара живут гидер, фали, матакам — всего 20 этнических групп «суданских негров» (кирди). Река Санага, берущая начало на востоке плато Адамауа, привлекла к своим берегам бантоидные народы. Бети осели на обрывистых берегах реки Ньонг, которую камерунцы именуют Черной. В лесах Востока обитают пигмеи, которых также находят там и

сиям на западе по побережью Гвинейского залива между Юдса и Криби. Этнические группы банту в области Юго-Запад очень похожи на фангов Габона, а дуала прибыли по морю из Конго до самой реки Вури. Наконец, всхолмленный Запад, над которым возвышается гора Камерун, заселен бамилеке и родственными им бамумами и бафия. Этот беглый обзор далеко не исчерпывает этническую разноликость Камеруна.

В упорной борьбе добившись независимости 1 января 1960 года, бывший французский Восточный Камерун воссоединился в октябре 1961 года с Западным Камеруном, находившимся под английским колониальным игом. Уровень экономического и социального развития в двух штатах федерации оказался не одинаковым. Между ними некоторое время сохранялись таможенные и другие барьеры, вызванные различием экономических, финансовых и административных структур. В последующие годы в соответствии с объявленным правительством курсом на национальное единство шло сближение двух федеральных районов, укреплялись взаимопонимание, сотрудничество и дружба между населяющими их родственными народами. Путь к созданию в мае 1972 года Объединенной Республики Камерун президент Камеруна охарактеризовал как «мирную революцию». «Экономические и человеческие связи ткались,— по его словам,— с севера на юг и с востока на запад между людьми, которые ранее не знали, а иногда не любили друг друга». Появление предприятий, железных и шоссейных дорог, рост авторитета центральной власти способствовали консолидации государства и стиранию племенных границ.

На севере Камеруна в пик сухого сезона большинство рек и ручьев пересыхает. Их чистые песчаные русла северяне зовут майо. Проезжая по мостику через майо, я наблюдал, как женщины копают ямы в песке и на глубине полутора-двух метров находят воду, будто спрятавшуюся под землей от нестерпимой жары. Примерно так же сегодня камерунцы отрывают засыпанные песком забвения памятники народной культуры прошлого, восстанавливают умное и мужественное лицо цивилизации, некогда самобытной и изощренной.

...Не часто доводится встретить в наши дни настоящего султана. Не много осталось их на белом свете, да

и сегодняшние повелители в отличие от своих могущественных предшественников скромно довольствуются крохами бывшего величия, сознавая, что их время безвозвратно ушло. Вокруг их высокомерных персон все еще суетятся придворные, по еще не изжитой привычке гнут спины подданные.

Жалки монархи XX века, несмотря на оставшийся у них апломб. И все-таки курьезно позвать руку султану, некогда снесшему бы вам голову за такую безумную дерзость.

...В Фумбан я жаждал попасть с первого дня, проведенного под небом Камеруна. Не ради того, чтобы лицезреть тамошнего владетеля, но ради знакомства с искусством маленького народа бамумов — одной из увлекательных страниц африканской культуры.

— Быть может, до осмотра города вы нанесете визит вежливости султану? — предложил префект Фумбана. — Таков наш протокол.

Вечерело. Поначалу мы приняли резиденцию султана за старинную крепость, увидев высокие белокаменные стены вокруг нее. Внушительный трехэтажный дворец с овальной полубашней и глубокими лоджиями вдоль фасада спрятался в глубине большого двора, обрамленный по бокам ровным строем пальм и тенистых эвкалиптов. Это здание возвел в 1917—1922 годах султан Ибраима Нджойя, ориентируясь на образцы немецкой архитектуры. Дворец проектировали и строили без чьей-либо помощи сами бамумы, что по тем временам было редкостным явлением в Африке. Когда-то во дворце размещались администрация — султанский двор, а также находившиеся на службе у султана тайные племенные общества, с которыми султан общался на секретном, им же изобретенном языке шумов. До сих пор в жизни бамумов обнаруживаются следы деятельности этих обществ. Но я так и не понял, живет ли сейчас кто-нибудь в этом сиротливо выглядящем здании.

Дом султана Сейду Нджойи, опоясанный высокой каменной изгородью особняк (крепость в крепости), притаился как раз напротив дворца у помпезного арочного въезда во двор. Мы остановились перед неприметной калиткой. Один из дежурных стариков-телохранителей, у которого за поясом торчали с десятков кинжалов, доложил о нас. Ждали мы довольно долго. Видимо,

Маски и головные уборы султанов прошлого в музее Фумбана

султан колебался, ломая голову над протокольными проблемами: как принимать неожиданных гостей. Наконец калитка распахнулась, и через зеленый дворик мы проследовали в приемную. Тут же появился султан — пожилой человек лет пятидесяти-шестидесяти, несколько усталый на вид.

— Мы слышаны о вашей стороне, — заговорил я. — У нас знают, что ваш предок, султан Нджойя...

— Да, да, — недовольно поморщившись, перебил султан. — Вы правы. Он действительно изобрел письменность бамумов.

По-видимому, к этому предисловию прибегали многие приезжие, и поскольку 19-й правитель сам ничего не изобрел, а может быть, из чувства внутреннего сопротивления скучной людской неоригинальности, он руководствовался формулой: «Родственник за родственника — пусть даже за столь прославленного — не отвечает».

— Ваш приход был несколько внезапным, — заметил он. — Это час моей вечерней молитвы.

Султан настоятельно посоветовал нам осмотреть дворец, побывать в дворцовом музее и удалился. После молитвы бамумского государя ждал «узкий» семейный круг — 70 государынь и многие десятки чад.

В литературе бамумов иногда именуют памунами. Их насчитывается около 80 тысяч человек. Название народа, считает камерунский исследователь Анри Мартэн, происходит от слова па-мом. Па — люди одного племени, мом — те, кто ведут скрытный образ жизни.

На стенах султанского музея развешаны 18 масок и 18 похожих на чепцы головных уборов всех когда-либо существовавших бамумских султанов. Первый, больше других истлевший чепец принадлежал основоположнику государства — Ншаре (1394—1418). В XIV—XV веках войска бамумов с севера ворвались на горное плато, заселенное бамилеке в районе рек Мбам и Нан. Изгнав бамилеке, они прижились там навсегда.

В художественном творчестве бамумы издавна тяготеют к острой драматизации, грандиозности форм и гиперболе. Чем объяснить это качество, необычное для столь немногочисленного народа? Характером как таковым? Но вне истории нет характера народа. Значит, причины коренятся где-то в прошлом бамумов, с оружием в руках вторгшихся в Западную Африку из суданских саванн и полупустынь.

В середине XVIII века на всю Центральную Африку славился бамумский полководец вождь Мбомбо. «Мбомбо был огромного роста,— повествует книга „История и обычаи бамумов“, составленная под редакцией султана Нджойи.— Он был выше всех бамумов, имел огромную голову с выпуклостями по сторонам лба. Его глаза были большими и красными. Они сверкали, как глаза льва. У него был очень длинный нос, свисавший на губу, тонкие губы и густая борода. Он был толстощеким и имел большие уши и длинную шею... Силой он мог соперничать со львом...» Рост великана, согласно легенде, равнялся 2 метрам 60 сантиметрам. Со времен Мбомбо девизом династии Нджойя стали три слова: «Сила, война и мир».

В Фумбане на стенах домов, на масках, скульптурах и прочих изделиях местных ремесленников часто изображена двуглавая змея. У входа во дворец это чудовище, олицетворяющее силу и могущество, выполнено в золоте. Двойной гонг, дуга, усыпанная жемчужными бусинками, у бамумов — символический образ войны. А представления о мирной жизни и мудрости воплощены в образе паука.

В музее мой взгляд упал на странный сосуд — емкую каллебасу, «украшенную» орнаментом из оскаленных человеческих челюстей. Чтобы не ошибиться в подсчете, воины Мбомбо вырывали у поверженных в бою врагов челюсти и прикрепляли к каллебасам, из которых полководец пил вино на веселых пиршествах в честь очередной победы. Говорят, что челюсти также использовались в качестве шумовых инструментов.

Однако мое разбушевавшееся воображение успокоил ткач сетей мира — паук — главная деталь в султанском гербе.

Все же славу цивилизации бамумов стяжал не рослый и воинственный здоровяк Мбомбо, которому на исходе жизни пришлось испытать горечь поражений, а его просвещенный потомок — султан Нджойя. Всю жизнь султан искал рецепт удачи и счастья. В канун XX века, в разгар воинских успехов фульбе в этом районе, он обратился к мусульманской вере в поисках источников скрытой энергии для укрепления своей власти. Когда в 1902 году страна подпала под господство немецких колонизаторов, Нджойя, поверив в могущество белых завоевателей, разрушил мечеть и принял христианство. Но вопрос о том, какая религия лучше помогает сплотить народ, до конца не был им разрешен. В 1915 году после изгнания немцев из Камеруна монарха вновь одолели сомнения в правильности избранного пути, и он переменял веру — по пять раз в день взывая о справедливости и помощи к однажды уже обиженному им Аллаху. В конечном счете Нджойя пришел к мысли о том, что во всем на свете есть свой сокровенный смысл, своя правда: он создал собственную религию и написал книгу «Стремись и добейся» — сборник противоречивых мыслей, молитв, принципов, почерпнутых как из Корана, так и из Библии. Однако его потомки все же молятся всемогущему Аллаху, на что недвусмысленно намекает белоснежная мечеть с шестью серебряными куполами и золотым полумесяцем, взметнувшимся рогами вверх над высокой прямоугольной башней муэдзина.

Однажды вечером, гласит легенда, сочиненная самим Нджойей, почувствовав приступ сонливости, султан отправился в опочивальню, а утром поднялся с мыслью о необходимости создания алфавита языка бамум.

«Когда-то памумы,— рассказывается в одной из рукописей,— не умели писать. Письменность, которой они ныне пользуются, была создана Нджойей. Как-то ночью ему приснился сон: к нему явился человек и сказал: „Государь, возьми дощечку и нарисуй человеческую руку, затем смой водой нарисованное, и эту воду выпей“. Король взял дощечку, нарисовал руку, как ему сказали. Затем он передал дощечку человеку, который что-то начертил на ней, и потом возвратил дощечку королю. На ней было нарисовано множество сидящих учеников с бумагой в руках. Они что-то писали на листках и затем отдавали их своим братьям. Утром монарх помыл дощечку и, как это ему предписывалось во сне, выпил воду. Вскоре он созвал множество людей и сказал им: „Если вы нарисуете много разных предметов и назовете их, я сделаю книгу, которая будет беззвучно говорить“.— „Зачем это надо? Ничего доброго из этого не выйдет“,— возразили монарху подданные. „Если вы подумаете хорошенько, то выйдет“,— настаивал султан. „Нет, не выйдет“,— спорили подданные. „Идите и хорошенько подумайте“,— подвел Нджойя итоги дискуссии, многозначительно проведя ребром распрямленной ладони по шее».

Долго мучились над алфавитом ленивые вельможи. Только с шестой попытки удалось настойчивому султану обобщить их труд и составить первый алфавит, включивший 510 знаков. Впоследствии он разработал семь более простых алфавитов. Самый последний, седьмой, состоял из 83 знаков, среди которых было 10 цифр. Эта легенда четко передает этапы создания бамумской письменности, оформившейся за одно поколение — примерно к 1900 году. Некоторые ученые считают, что в основе бамумской письменности лежит пиктографическая система, издревле употреблявшаяся народом бамумов.

Нджойя понял значение письменной культуры и культуры вообще. Он открыл школы и заставил юных соплеменников изучать изобретенный алфавит. На нем издавались все официальные документы, с его помощью была написана «История законов и обычаев бамумов». Султан свел в одну книгу все рецепты и советы бамумской народной медицины. Ему удалось сконструировать механическую мельницу, выставленную в дворцовом музее. По поручению султана его родной брат Нджи

Смеющиеся медные маски бамумов — символ жизни

Мама составил карту страны бамумов, поразившую своей точностью первых европейцев в Фумбане.

Фумбан, где проживает три четверти всех бамумов, по праву слышет столицей художественного ремесла Объединенной Республики Камерун. Интерес бамумов к скульптурным изображениям уходит корнями в дебри веков. Во время раскопок в резиденции первых королей была найдена изящная статуэтка из обожженной глины. Почетное место в коллекциях любителей африканского искусства занимают толстощекие, источающие какой-то неземной, не знающий меры, вечный смех маски бамумов с вышуклыми, круглыми глазами, нередко достигающие монументальных размеров. Бамумские маски подчас столь выразительны, что совершенно забываешь о необычной для нас африканской стилизации, о нарушении привычных пропорций и подчиняешься совершенно конкретным чувствам, которые подобно незримым лучам расходятся от масок по воле и внушению их безвестных создателей.

В Музее искусств и традиций бамумов в Фумбане встречаются любопытнейшие экспонаты: массивные гонги, которые султан дарил вельможам, отличившимся на поле брани, редкостный набор из 25 старинных терракотовых трубок, на которых изображены воины, игроки на флейте и тамбуринах, буйволы, пауки и даже...

жабы, олицетворяющие, к слову сказать, плодородие. Трубки из обожженной глины, достигавшие полутора-двух метров длины, курили вельможи на праздничных церемониях. В музее есть оригинальные статуэтки из ракушек каури, ранее служивших здесь в качестве денег...

Изящны бамумские троны, стулья, маски, кувшины, трости, украшенные цветными бисерными изображениями животных и пресмыкающихся. Эти изделия, как видно, предназначались не для простого труженика, а на потребу владык и их сановников.

Традиционными художественными ремеслами у бамумов считаются гончарная и деревянная скульптура, кузнечное и литейное дело, красильное ремесло (заметим, что растительные краски издавна известны бамумам), плетение, резьба по слоновой кости, вышивки. Живущие по соседству хауса научили бамумов кожевенному делу. Каким бы промыслом ни занимались бамумы, каждая их работа отмечена неумемной фантазией, способностью облечь мысль в полную самобытной экспрессии форму.

В Фумбане есть окраинная, заросшая травой улица, которую посередине разрезает на две части глубокий овраг. По обе ее стороны — аккуратные домики под высокими, довольно широкими двускатными крышами, подпираемыми по окружности тонкими резными жердями. В тени галерей, что между стенами и жердями, трудятся народные умельцы. Амаду Йенде — выборный глава фумбанских ремесленников. Он — литейщик. Глаза разбегаются при виде масок из меди, отлитых и обработанных им и его подмастерьями.

— Хотите узнать, как появляются на свет маски? Пожалуйста, — приглашает он нас в свою мастерскую.

Плавильная печь сложена из почерневшей от копоти огнеупорной глины в маленькой комнатушке с овально-прямоугольным отверстием, заменяющим окно. В углу под окном на низком стульчике, вытянув ноги, по пояс обнаженный, атлетически сложенный парень с лоснящимся от пота телом изо всех сил бьет обеими руками по самодельным кожаным мехам, нагнетая воздух в печь, где плавится металл. В углу комнатки разложены глиняно-восковые формы для будущих масок. Достаточно залить в них расплавленную медь, дать ей время

остыть и маски почти готовы. Почти — потому что потом маску еще подчистят, сгладят зазубрины и шероховатости, до блеска отполируют.

В соседней комнатке, где продаются «еще тепленькие» изделия, Йенде показал ажурные, узорчатые бронзовые колокольчики, выплавленные в форме бамумских хижин, бронзовых символических пауков, миниатюрные изображения бытовых сцен в меди и бронзе (свадьбы, коронации, сражения и даже роды).

Дома у Йенде я увидел то, что он делает для себя. И убедился в том, что у нынешних ремесленников Фумбана не менее искусные руки, чем у мастеров прошлого.

— Мы создаем кооператив, — сообщил он. — Это поможет нам установить твердые цены на наши изделия, получать кредиты на расширение производства от государственного банка. Мы будем продавать свою продукцию не только по всей республике, но и за границей.

Девять мастерских из двенадцати, имеющих в Фумбанае, сразу же вступили в кооператив художественного промысла. Жизнь идет. И даже султаны собственноручно утверждают указы о создании кооперативов.

Судьба любого султана ассоциируется в моем представлении с запущенным фумбанским дворцом, в котором никто уже не живет и который по-прежнему напоминает о былом. По моральным соображениям не решается там поселиться его сегодняшний владелец — потомок знаменитого Нджойи. Небольшой султанский домик находится у выхода из дворцового поместья. И лишь деревянной или медной маске, правда в десакрализованном, лишенном всякой мистики виде, суждена долгая славная жизнь, ибо она является одной из своеобразных исторических мер творческого народного гения, одной из основ дальнейшей эволюции камерунской скульптуры, живописи и театра. Ибо маска — необычайно яркая форма, способная выразить характер человека.

Редко застанешь в яундском центре культуры и лингвистики известного ученого Элдриджа Мохамату и его коллег. С неизменными спутниками — магнитофоном и блокнотом — он вечно странствует по захолустным, труднодоступным районам в поисках старинных песен и баллад. Колонизаторы сделали все, чтобы предать забвению духовные ценности африканского прошлого — фольклор, музыку, танцы; чтобы преобразовать на свой

лад образ мыслей африканцев. До сих пор камерунцам — впрочем, как и всем африканцам — подсовывают с капиталистического Запада под видом «более совершенного» образца цивилизацию так называемого «свободного мира» с ее «культом вещей», с возведенными в ранг будничных явлений насилием, порнографией и безысходной бедностью. Буржуазная пропаганда предлагает африканцам миновать «общество производителей» и сразу же вступить в «цивилизацию потребителей». Это африканцу внушают с экранов кинотеатров, которые сплошь и рядом принадлежат иностранцам, со страниц книг и журналов, поступающих со всех концов буржуазного мира.

Но разве можно заменить ребенку его родную мать? А отказ от своей культуры, истории и мыслей равносильен этому. «Даже в нашей стране, мама, где мужчины могут иметь двух-трех жен под одной крышей, — восклицает поэт Жером Мбала в стихотворении „Будь человеком, сын мой“, — у каждого ребенка есть только одна мать, своя собственная, единственная, как в любом другом уголке земного шара».

Судьба камерунской культуры прослеживается в судьбе ее представителей.

Тихо было в зале столичного кинотеатра «Аббиа». Так тихо, что звуки фортепиано со сцены казались звездочками, загорающимися в темно-синем ночном небе. Отчетливое форте рисовалось, как звезды первой величины, а виртуозная серия отрывистых стаккато — как прозрачная серебристая дымка Млечного Пути. На сцене чудодействовал Антонио Мебенга — самый первый камерунский профессиональный пианист, худенький мальчик.

— Мальчик, бесспорно, талантлив, но, чтобы совершенствоваться, ему придется уехать из Камеруна в Европу, как это делают многие, — наклонившись ко мне, пытался перекричать бушевавшие аплодисменты журналист Франсуа Мебенга.

— Посмотрите, как его принимают, а ведь фортепиано не очень-то знакомо нам.

Потом мы были дома у тринадцатилетнего музыканта.

— От Яунде до консерватории далеко, — говорит он.

— Париж? Рим? Москва? Честно говоря, моя самая

большая и, боюсь, несбыточная мечта — Московская консерватория.

— Антонио, ты вырастешь и уедешь учиться. А как же Камерун?

Мальчик не спешил с ответом. Сообразно возрасту он больше живет чувствами.

— Камерун для меня все,— нарушает он молчание.— Если мне повезет и я стану музыкантом, то когда-нибудь переложу для фортепиано наши великолепные народные мелодии...

Красное дерево прочно. Оно выдерживает сокрушающие тропические ураганы, выдергивающие из земли даже могучие баобабы. «Пень красного дерева» — прозвище дюжих людей в Камеруне. Ромуальда Нкуе (просто Роми — для друзей) иначе не назовешь. Его фигуре завидует спортсмен. Роми — инженер, но в Камеруне он более известен как композитор и певец. Когда Роми, перебирая струны гитары, мягким баритоном поет собственные песни, лица слушателей озаряет счастливая улыбка.

Перед поездкой в Алжир на Всеафриканский фестиваль культуры молодой певец выступал по камерунскому радио. По моей просьбе звукооператоры записывали концерт Роми на пленку. Мы смотрели на Роми сквозь окно, отделявшее операторскую от кабины для записи. Кто-то тронул меня за рукав. Я повернулся и увидел полицейского, который обычно дежурит у входа в здание радиостудии.

— Из города постоянно звонят и спрашивают, где можно достать новые пластинки с песнями Нкуе,— шепнул он.

К сожалению, грамзаписей Роми пока еще нет. Роми — один из создателей современных камерунских песен. Сочиняя и исполняя их, он остается камерунцем, так сказать, до мозга костей, а это как раз более всего и радует его поклонников.

— Деревню Баре, где я родился, до сих пор называют «деревней мастеров игры на тамтамах», — вспоминает Роми.— В Баре играют и танцуют по любому поводу. Свадьба, крестины, инициации... У нас очень много поводов повеселиться. Вон на сцене тамбури́н, напоминающий обструганный пень. Это нгомелон (толстый полый ствол длиной около полутора метров с двумя продоль-

ными отверстиями для звучности). Говорят, он происходит из моей родной деревни.

Я люблю песню Роми «Дорогой Камерун». Он поет ее на всех концертах.

— Мне пришлось долго жить в Европе, — рассказывает Роми. — Однажды под Новый год мне вдруг взгрустнулось. Начался приступ ностальгии. Из тоски по родине родилась эта песня.

Роми и Антонио — разные по характеру, возрасту и темпераменту люди, но есть у них одно общее чувство — любовь к земле, породившей их, и этой земле они посвятили себя.

Чувство родины в Африке очень сложно. В колониальные времена его пытались если не вытравить из африканской души, то по крайней мере заглушить. Колонизаторы, переодетые в черные мантии профессоров и ученых, насаждали импортированные из Европы языки и нравы. «С первых дней юности, — рассказывает камерунский журналист Жюль Атангана в журнале „Аб-бия“, — я инстинктивно противился колониальному господству. В то время для меня не так важно было то, что европейцы уничтожали богатства наших недр или способствовали сокращению нашего населения. Не важно было тогда, и, пожалуй, в какой-то степени сейчас, что все административные посты и коммерческие тресты существовали лишь для выгоды белых. Единственное, что заботило меня, — то, что, хотел ли я этого или нет, моими предками стали галлы, а не бети, деятелями моей культуры — Мольер и Далида, а не деревенский сказочник или странствующий гитарист... Эта насильственная имитация, — заключает Атангана, — и была вкладом Европы, одним из элементов убийства меня Европой».

Что же такое родина для камерунца наших дней? Для доживающего жизнь старика она, возможно, и ограничивается родным порогом, соломенными хижинами деревни, несколькими десятками с детства знакомых лиц. Вырос он во времена, когда пугало все, что выходило за пределы деревни: беспощадные и непонятно почему сердитые белые люди, заставлявшие его безвозмездно трудиться ради их благосостояния, даже соседи, с которыми старик и его предки говорили на близких языках, но никак не могли поладить. До сих

пор в Камеруне встречаются люди, сознание которых еще не перешагнуло узость племенных представлений.

В деревушке Румсики, прижавшейся к массивной гранитной скале Зиуа, вот уже три столетия мирно живет этническая группа капсики.

С высокой платформы, на которой стоял наш кемпинг, мы любовались тем, как из глубокой причудливо изрезанной базальтовой пропасти вырастает розовая, с белыми изломанными прожилками трахитовая скала, а еще дальше за ней, за невидимой, никем и ничем не обозначенной границей лежит Нигерия.

В Румсики моим экскурсоводом был подросток капсики — Филипп. Он водил меня по саре — семейным хуторам, обнесенным по кругу изгородями из живого колкого кактуса, эвфорбии или из прутьев и соломы либо оградами из гранитных валунов разных размеров.

— Филипп, — попросил я мальчика, — познакомь меня с матерью.

— Мама развелась с отцом и переехала в Нигерию, в деревню, которая находится в десяти километрах отсюда. Я часто хожу к ней. На днях она дала мне мешок арахиса. Я продал его здесь, в Румсики, и купил себе одежду для школы.

Для Филиппа пока еще все просто. Границы государств его мало беспокоят. Подлинные границы в его представлении очерчивают район, внутри которого живут его соплеменники — капсики.

— Филипп, ты учишься? — мимоходом спрашиваю я.

— Конечно, но сегодня выходной день, четверг, — отвечает мальчик и потом, словно удивившись столь неожиданному вопросу, добавляет:

— Чтобы стать мужчиной, теперь надо учиться.

В городке Гаруа-Булае, что близ границы Камеруна с Центральноафриканской империей, мы остановили «Ситроен» у заправочной колонки «Мобил». Вокруг собралась толпа любопытных мальчишек и девчонок. Они трогали машину, заглядывали внутрь. Подумалось, что многие из них проживут жизнь и, может быть, так и не увидят большого города. Я спросил у одного, как он представляет себе Яунде.

— Это самый большой город в мире.

В школах Камеруна — главным образом начальных — учатся свыше 700 тысяч ребят. Для них роди-

на — уже нечто большее, чем деревня Эбонг или Муюка. Для них столица — не Румсики с неказистой хижинной вождя, а далекий Яунде.

В конце июня 1971 года у министерства молодежи и спорта собрались сотни молодых людей с рюкзаками за спиной.

— Мы — учащиеся средних школ и студенты университета, — объяснил один из юношей в расшитой синей национальной рубашке навыпуск с широким круглым вырезом на шее. — Едем в каникулы на молодежные стройки.

С тех пор ежегодно в десятках строительных лагерей камерунская молодежь сооружает мосты и дороги, помогает крестьянам в уходе за коллективными полями. В одной бригаде трудятся фульбе, этоны, бамилеке, бафия — юноши и девушки разных народов страны. Понятие родины для них наполнено новым содержанием.

Это всеобъемлющее чувство, которое веками как бы тлело в душе африканцев, ныне мало-помалу конкретизируется в материальной и духовной жизни. В одном из ресторанов на севере дешевый японский проигрыватель хрипел старую мелодию «Когда мама еще танцевала с папой», а мы, журналисты, спорили, что такое родина для африканцев.

— Родина для них, если они способны усвоить такое понятие, — это род, племя, самое большое — деревня, в которых родились и проживут всю жизнь, — снисходительно изрек один из западных коллег.

А через несколько дней он же при мне задал вопрос молодому шоферу о том, к какому народу он принадлежит.

— Я — камерунец! — с достоинством отрезал молодой человек и отвернулся от явно неприятного собеседника.

О любви к родине пишут камерунские поэты и писатели, ей посвящают лучшие картины молодые художники. Это чувство проникает глубоко в сердца граждан республики.

«Даже если в чужой стране идет золотой дождь, а в своей падают с неба камни, вернись на родину», — требует пословица дуала. С ней перекликаются стихи поэта Поля Коуда: «Изгнаны немецкие хозяева. Прочь.

Навсегда. В забвение. Ушли прочь империалисты и колониалисты. Теперь страна принадлежит камерунцам и строится руками камерунцев».

Камерун познал на себе хозяйничанье немецких колонизаторов, а затем сменивших их французских и английских «опекунов». Его народ давно мечтал о независимости. Еще в 1920 году вождь из Яунде Шарль Атангана, будучи в изгнании в Испании, выступал как представитель Камеруна. Процесс пробуждения национального сознания и воспитания патриотизма прямо пропорционален достижениям развивающихся стран Африки во всех областях жизни. «Что же должен делать ты, чтобы стать камерунцем? — задает вопрос поэт Камиап Дикапа в стихотворении „Камерунец“. — Работать от всего сердца, чтобы богатела наша прекрасная страна, трудиться от всей души, чтобы цвела любимая родина».

Из «скопища племен без души и сердца», как называл Камерун времен колонизации поэт Луи-Мари Пука, он превратился в государство, где разноязыкие и разноплеменные народы идут навстречу друг другу, отбрасывая в сторону старые обиды и противоречия.

— Поймите, — доказывал мне журналист Жозеф Ито Ток, — у нас значительно больше общего, чем того, что нас разъединяет. Только в прошлом не по нашей вине упор делался на различия и расхождения между нами, а то, что все мы — камерунцы, что живем мы здесь с незапамятных времен, умышленно оставлялось в стороне.

...В эфире песня Ромуальда Нкуе «Дорогой Камерун». Прильнув к радиоприемникам, слушают и в Форт-Фуро у озера Чад, среди сухой, изнывающей от жары саванны, и на живописных холмах Баменды, и в глухих лесах юга, и на окаймленном стройными кокосовыми пальмами белопесчаном берегу Атлантики — в Криби... Ее одинаково понимают бети и маса, фульбе и дуала, эвондо и байя, дуру и эсимби, нгомба и бамилеке...

Современная культура Камеруна — одна из основ единства формирующейся камерунской нации — рождается на базе лучших традиций прошлого, вдохновляясь героикой долголетней борьбы против колониализма. Бережно реставрируется многовековое наследство на-

родов страны. Свидетельство тому — такие произведения, как «Сказки и колыбельные бети» Леона-Мари Айисси, «Юмор и мудрость фульбе» Доминика Нойе, четырехтомное издание Леона Месси «Пословицы бети», сборник сказаний «В окрестностях озера Чад» Чумбы Нгуанкеу, книга «Танцы Камеруна», исследование Эно-Белинги «Народная литература и музыка в Черной Африке» и другие труды, посвященные восстановлению и переосмыслению культурного наследия. Во всеобщей переписи народной мудрости участвуют и стар и млад. Учащиеся лица Гаруа, например, издали интересный сборник легенд кирди «Сказания Северного Камеруна».

Не ограничиваясь изучением и популяризацией многовекового культурного наследия народа, литераторы, художники и музыканты воскрешают на страницах своих произведений героическое прошлое, волнующие эпизоды борьбы за свободу, остро ставят злободневные проблемы. У народа есть свои любимые герои-патриоты. Мартэн-Поль Самба — один из них. Он получил высшее образование в Германии. Но вернувшись домой, этот офицер немецкого гарнизона округа Эболова решил поднять восстание против своих «учителей» — колонизаторов. Самба, единственный грамотный в округе, пользовался у земляков репутацией подлинного народного вождя. 7 августа 1914 года его расстреляли хозяева.

Последние дни его жизни восстанавливает героическая драма Абея Зомо Бема «Мартэн-Поль Самба. Смерть за Камерун». Едва закончив ее, Абель показал мне черновую рукопись, и мы долго судили-рядили о достоинствах драмы. Сегодня это, пожалуй, образец новой камерунской драматургии.

Самба — ярко выраженная индивидуальность. Он в моральном отношении несравненно выше своих судей — германского губернатора Ганса Отто и его помощника Генриха. Он не расист, как они. Его цель — освобождение своего народа, и Самба открыто презирает тех африканцев, которые из корыстных побуждений прислуживают иностранцам, помогают им поработать собственный народ.

«Ты обвиняешься в заговоре против Германии, в подстрекательстве к бунту мирного народа булу, в пре-

дательстве западной цивилизации, в духе которой ты воспитан», — заявляет ему Генрих.

«А что такое западная цивилизация?» — ставит судей в тупик Самба этим простым вопросом.

Ни губернатор, ни его подручный не в силах вразумительно объяснить, что же это за цивилизация, во имя которой нужно убивать, пытать и унижать другие народы.

«Для всех народов великого Камеруна, для всех поработанных народов — черных, желтых или белых — проблема одинакова, — бросает в лицо палачам Самба, — и ее решение одно — освобождение».

— У человека нет более сильного оружия, чем правда. Моя драма — документальное произведение. Работая над ней, я долго рылся в архивах, толковал со стариками — очевидцами тех лет, — так сам Абель оценивает причину теплого приема пьесы зрителями.

Одной из главных в камерунском искусстве на нынешнем этапе стала идея сплочения всех населяющих страну народов для участия в национальном строительстве. Она отражена и в поэме «Что это за страна?» Жюля Атанганы, и в сборнике стихов «Хижина единства» Мартэна соп Нкамганга, и в романах Фердинанда Ойоно и Рене Филомба.

— Общество, не способное критически относиться к себе, изживать свои старые и новые пороки, напоминает мне тяжело больного, отказывающегося от услуг врача. И как бы такой пациент ни храбрился, его конец предрешен — всякому больному нужен исцелитель, — ориентируя меня в тенденциях камерунской литературы, разъяснил руководитель национальной писательской организации Рене Филомб.

Творчеству многих камерунских авторов присуща социальная острота. Пьесе Бенджамена Матипа «Последний приговор» на Национальном фестивале драматического искусства в декабре 1970 года был присужден второй приз. Трагична судьба ее главного персонажа — молодого врача Айисси, возвратившегося после учебы во Франции на родину. Его идеал — использовать полученные знания, чтобы помочь землякам вырваться из замкнутого круга косности и предрассудков. Добровольно отправляясь в деревню (не частый случай во многих африканских странах), Айисси впопыхах за-

бывает заручиться в столице патентом — официальным разрешением на практику. Три силы противостоят начинающему врачу: невежество крестьян, догма церкви в лице кюре и непонимание со стороны местных властей. Две случайные смерти, которых не могло предотвратить искусство врача, возбуждают против него крестьян. Айисси обвиняют в том, что в него вселился конн, злой дух, недоброжелатель деревни Балла.

«Когда я твержу им о науке, — сокрушается врач, — они толкуют о другом. О конне. О джинне и злых духах. О пантере, становящейся человеком. О человеке, перевоплощающемся в сову, слона, льва, змею, чтобы сгладить других жителей».

«Для этих людей, — сетует Айисси, — смерть от эмболии, сердечного приступа, иными словами, от естественных неполадок в механизме человеческого здоровья фактически не существует. Ее причины они упрямо ищут в потемках сверхъестественного. В нынешней Африке человек все еще держится за старые, изъеденные червоточиной стены. Понадобится время, чтобы оторвать его от них. Время, сердце и сила воли, чтобы сделать черного человека сильным, здоровым и цельным существом».

Врач полемизирует с кюре, утверждающим, что все в руках всевышнего и не зависит от человеческой воли.

«Человек, — горячо доказывает Айисси, — уже одержал поразительные победы над нищетой, невежеством, природой. Против зла, несправедливости и смерти у нас есть мощное оружие — наука».

Айисси проигрывает неравный бой. Его пора еще не пришла. От расправы толпы его спасают блюстители порядка, которые уводят врача в суд, обвиняя в «незаконном лечении без патента». Искренность Айисси пока никому не нужна. Врач расстается с деревней, оставляя ее кюре, колдунам и тьме суеверий и предрассудков.

— Сюжет этой пьесы заимствован мной из жизни, — коротко ответил писатель на мои расспросы.

Другой драматург, Жак Мюриль Нзуанкэу, в пьесе «Специальный агент» поднимает вопрос о моральном облике государственного служащего. В провинциальный город приезжает специальный агент (районный казначей) Нганча, полный благих порывов. Однако жизнь с первых шагов подвергает серьезному испыта-

нию честность молодого специалиста, только что закончившего вуз в столице. Непонимание служебного долга и довольно широко распространенная в Африке так называемая «племенная солидарность», которую сами африканцы нередко зовут «племенным паразитизмом», сталкивает Нганчу в трясину коррупции и хищения казенных средств. Ватаги родичей в десятом-двадцатом колене: кузены и кузины, дяди и тети по линии пращуров съезжаются к «сделавшему карьеру» чиновнику. Незванные гости живут в праздности за его счет, точнее, за счет казны до тех пор, пока Нганчу не арестовывают. Опрокинуть стакан-другой виски заходят в дом казначея отцы города — столпы местной власти. На личном горьком примере Нганча убеждается, что служащий должен быть честным, неподкупным и свободным от предрассудков человеком, строго соблюдающим интересы государства.

Не оставлены без внимания в литературе Камеруна проявления социального неравенства, эксплуатации человека человеком. В комедии Абея Зомо Беа «Черный патрон» едко высмеивается местный алчный богатей-нувориш, систематически задерживающий зарплату служащим. Лишь их единодушное выступление против хозяйского произвола принуждает этого мелкого, но типичного по своей сути капиталиста временно отступить.

Деятели культуры волнуют коренные проблемы развития нового Камеруна. Преподаватель Яундского университета философ Марсиен Това размышляет о том, какая философия нужна Африке, с чего Африка должна начать свое самоутверждение в мире.

— Для построения новой жизни, — считает он, — Африке нужна только революционная философия.

Това разоблачает разного рода этнофилософские течения, которые гуляют по континенту с «легкой руки» вольных или невольных защитников неокOLONиализма.

— Этнофилософы, — говорит Това, — настаивают на реставрации старинных африканских порядков, сохранении африканской специфичности, поклоняются культуре оригинальности и отличий.

Во имя будущего Африки Това и другие интеллигенты предлагают отбросить в сторону все узколобые, националистические и трибалистские теории, придум-

манные за морем и подобранные африканцам их бывшими господами.

— Африке нужна истинно народная культура, способная стать средством сплочения масс на преодоление отсталости,— таков взгляд писателя Рене Филомба на задачи современной африканской культуры.

— В общем плане,— делает вывод Това,— судьба нашей культуры, как и наша будущность в экономике и политике, зависит от африканских народных масс. Вмешательство масс в процесс радикальной трансформации, закономерно вытекающее из нынешней обстановки, зажжет пожар, который поглотит все мертвые элементы наших культур и очистит их живые элементы, дающие импульс нашему поступательному движению вперед, ускоряющие это движение, а не уводящие его в сторону.

И многие страны континента уже нашли эту революционную философию — диалектический и исторический материализм.

«Мы чувствовали себя баобабами, чистая зеленая листва которых была заполнена солнцем, а побеги которых налились свежим животворным соком». Так передает в стихотворении «Полное согласие» поэт Франсуа Сенга Куо эмоциональное состояние своего соотечественника в день провозглашения независимости. Конец униженного, подчиненного положения своей страны каждый камерунец ощутил как начало нового века, как, по образному выражению того же Сенга Куо, «долгожданную весну» истории Камеруна. Вряд ли есть смысл измерять пройденное с того дня расстояние количеством встреченных трудностей.

— Главное в нашей жизни — это то, что она стала целенаправленной, что все мы действительно почувствовали в себе неиссякаемые силы баобаба,— говорил мне на прощание Франсуа Сенга Куо.

Часть II

ОБЫЧАЙ ЕЩЕ ЖИВ

В ПОИСКАХ ДИПЛОДОКА

«Ничему не надо удивляться» — таков девиз путешественника в Африке.

Заблудившегося в пустыне даже мираж наведет на дорогу к оазису, если только путник сохранит самообладание. В заповедниках Кении или Уганды царь зверей — лев разрешит вам себя погладить, если поверит в ваши добрые намерения. В период полевых работ в Мали и Сенегале ядовитые змеи заползают в корзинку к младенцу, мирно почивают там, разрешая ему играть с собой. Даже холодные и скользкие рептилии на этом необыкновенном континенте порой реагируют на чистосердечность и доброту. Чудеса здесь на каждом шагу, если быть пытливым и благорасположенным к этому необычному миру.

Переплывая на узких и неустойчивых пирогах реку Бетсибуку на Мадагаскаре или Рио-Муни в Экваториальной Гвинее, в иные моменты ощущаешь мурашки на теле при виде того, как лодочник бесстрастно отгоняет длинным багром тянущихся к долбленке крокодилов. Я также наблюдал, как умный бродячий пес, собрав заливистым лаем к берегу проголодавшихся рептилий со всей реки, вдруг стремглав неся метров двести вверх против течения и хладнокровно переплывал водный поток.

«Из Африки всегда что-нибудь новое» («Экс Африка семпер аликвид нови»), — метко подмечает латинская пословица. Бывает, правда, и так, что новое соответствует французской мудрости: «Чем дальше страна,

тем легче о ней врать». Однако ведь даже в сказке всегда есть доля истины.

Прочитав до поездки на Мадагаскар увлекательную легенду о дереве-людоеде, которую 50 лет назад преподнес как сенсацию журнал «Америкэн уикли», я долго пытался узнать, действительно ли что-либо подобное есть на «Большом острове». Да, на острове существуют плотоядные растения вроде непентеса или росянки, способные «съесть» муху или другое насекомое. Путешествуя по следам американского журналиста, который сделал из мухи... человека, я коллекционировал непентес, росянку и другие плотоядные растения. В жизни это весьма скромные кусты, и только пристальное наблюдение за ними открывает их удивительные свойства.

Близ городка Мурундава на западе Мадагаскара довелось увидеть редкое деревце, которое сакалава зовут «куманга». Мало-помалу куманга исчезает с флористической карты острова. Говорят, что растение незлобиво лишь внешне. Птицы, неосторожно облюбовавшие для минутного отдыха ветви этого дерева, сваливаются с него замертво, кабан, попытавшийся подрывать его, погибает, одурманенный зловещим ароматом его цветов. Люди в эту пору обходят куманга стороной.

— Это чистая правда, — угрюмо подтверждает мне умбиаши — деревенский колдун Сампа, изготавливающий из листьев и корней куманги снадобья.

...В глубине тропических лесов Камеруна в местечке Эсека, что где-то между Яунде и Дуалой, судьба свела меня со старым крестьянином — баса по этнической принадлежности. Чтобы передохнуть от тяжелой езды по дороге, размытой проливными дождями и разбитой грузовиками, я остановил машину у покосившейся хижины, перед которой торговал сочными манго оборванный старик.

— В наших краях есть все что угодно. Слонов столько, что из-за них происходят даже железнодорожные крушения. На днях слон замешкался на рельсах, а машинист не успел затормозить... В прошлом году слоны совершали набеги на наши сады и деревни. Если не успеешь убежать с их пути, прощайся с жизнью, — увлекательно рассказывал мне Мвондо — бывалый человек, до независимости сражавшийся против колониза-

торов.— Ну, а если хотите увидеть самое необыкновенное, то вам стоило бы побывать в моей деревне. Я ведь сюда перебрался, чтобы быть поближе к дороге — легче прожить на старости лет.

— Вот там за лесом,— махнул он рукой.— Правда, не каждый доведет вас туда. Надо переправиться через две речки — через одну на пироге, другая порожистая — вы молоды, попрыгаете с камешка на камешек — и на том берегу. В моем возрасте это уже риск. Так вот, там, рядом с деревней моих предков, есть священное озеро, в котором видели страшное чудовище...

Мвондо почти точно описал мне древнего диплодока — динозавра юрского периода, о котором сейчас известно разве что по музейным рисункам.

Впрочем, истина вовсе не нужна была мне в этом случае. Сохранился или нет диплодок где-нибудь на белом свете, или же увлекшийся Мвондо поведал мне давнюю легенду предков, с тех пор диплодок навязчиво преследует меня в моих странствиях по Африке и прилегающим к ней островам. Диплодок сделался для меня лично символом всего необычайного. В каждом новом танце, в каждой новой легенде, в малагасийском лемуре, маврикийском плотоядном крылане, вольтийском баобабе или в рю-мунийском розовом окуне — я ощущал что-то от искомого динозавра. Окаменевшие аммониты или тщательно отполированные малагасийскими гранильщиками шарики из костей динозавра в какой-то мере служили мне ориентирами в поисках диплодока на других землях, под иными небесами. Но более всего об оригинальной Африке, ее неистощимом воображении и умении мыслить и творить по-своему позволяли судить встречи с ее людьми — представителями десятков этнических групп. Теперь-то я знаю, что мой «диплодок» вовсе не похож на того, которого заочно представил мне старый баса из Эсека. Но каждый раз, столкнувшись с неожиданным, я думаю о нем, и это помогает мне верить в невероятное и не изумляться удивительному.

С вобе я встретился совершенно случайно. Во время туристской поездки в середине 60-х годов наша группа, заблудившись в лесной глуши в лабиринте похожих друг на друга как близнецы тропинок, очутилась в западном районе Берега Слоновой Кости в супрефектуре Факабли.

— Вот так штука,— забеспокоился сопровождавший нас Абдуллае Диалло, разобравшись во всей серьезности положения.— Надо быстрее выбираться. Мы же нарушили государственную границу. Нечаянность проступка даже по законам обычая отнюдь не смягчает вины.

Близился вечер. Обступивший нас лес выглядел мрачным и недружелюбным, то есть был окрашен нашим собственным настроением. Куда податься? И куда мы доберемся ночью? Абдуллае настаивал на том, чтобы ехать.

— Равняйтесь на меня,— с натянутой улыбкой подбадривал он.— Я африканец. Предки завещали нам остерегаться ночного леса, а я зову вас в путь. Никаких остановок.

Лендровер развернулся на 180 градусов и помчался по заросшим холмам. Вдруг из густого, как частый гребешок, подлеска мелькнуло лицо.

— Человек! — благим матом закричал кто-то из спутников, и мне почудилось, что мы находимся на затерянном острове в роли робинзонов, невесть откуда ожидающих корабля-спасителя. Машина замерла на месте, взвизгнув тормозами. Но лицо в кустах моментально исчезло. Выскочивший из машины Абдуллае жалобным голосом на языке волоф стал звать людей. Дальше, не зная дороги, ехать не было смысла. Солнце посылало на землю свои последние лучи. Минут через десять-пятнадцать после умоляющих криков нашего гида из леса с осторожностью пантеры, готовой при малейшей опасности одним прыжком скрыться в кустах, вышел крестьянин среднего роста, одетый в разноцветные лохмотья. Абдуллае приблизился к нему, и кое-как на смеси волоф, бамбара и языка жестов они объяснились.

— Бесполезно сейчас продолжать путь. Переночуй-

На дорогах Камеруна. По пути с пастбища

те в нашей деревне, а на заре отправляйтесь в дорогу,— предложил крестьянин.

Пока руководитель группы вел переговоры, мы тщетно пытались определить, откуда же все-таки вынырнул наш спаситель, и никак не могли найти тропинку в сплошной спутанной стене подлеска, хотя он вышел оттуда на наших глазах.

— Следуйте за мной,— подал он знак рукой и шагнул в кусты.

Проход был прорублен, по-видимому, давно и так, чтобы никто из посторонних не мог его обнаружить. Мы балансировали, как акробаты, приспособливаясь к изгибам и движениям растительности. Временами кому-то вероломно ставили подножку лианы, и он смаху валился грудью на невидимую тропинку. Набок не давали упасть кустарники, перекрывавшие своими бесчисленными ветвями короткий путь к земле.

— Без помощи местных жителей нам к машине не вернуться,— резонно заметил один из нас. Преодолев подлесок, мы вступили в настоящий влажный лес. Его мощь и красоту передать словами невозможно. Несколь-

ко пологих закрывали небо; лишь по стволам, форме и окраске коры можно было различить гигантские сейбы, триплохитоны, пиштадени и кайи, кроны которых где-то там наверху образуют верхний, неплотный ярус лесной шапки. В этих местах нередко сокрушительные ураганы, способные начисто срезать не только хлипкую африканскую хижину на равнине, но и выкорчевать и протащить с километр большое дерево. Однако долговязым, могучим на вид сейбам с неглубокой корневой системой в таком лесу не страшны никакие торнадо, ибо здешние массивы имеют как бы единую крону, дружно сплетенную из крон всех деревьев, и буря наталкивается на сопротивление всего леса.

Каждый уровень леса живет своей особой жизнью. Все просветы верхнего яруса плотно запечатаны листовою средних ярусов из мусанг, уапаки гвинейской и других деревьев. В тихом полумраке брели мы за проводником, обходя голые стволы уходящих вверх деревьев.

Дышать стало труднее: никакого доступа воздуха сверху и сильно развитый подлесок не пропускает ни малейшего ветерка. Даже в бурю здесь безветрие. Теплый и сырой воздух в таких лесах не обновляется. Особенно сыро на поверхности почвы. В застойной оранжевой атмосфере умершие организмы разлагаются быстро.

Ухо уловило отдаленную дробь тамтамов.

— Сегодня вечером мой народ отмечает праздник шимпанзе, — сообщил крестьянин.

По отблескам костров между деревьями мы определили, что до деревни уже недалеко. Наконец лес расступился, и мы остановились перед обширной вырубкой, на которой приютилась деревня.

— Подождите меня, я сообщу вождю о вашем приходе, — предупредил проводник.

Сбившись гурьбой, мы оживленно обсуждали наши неожиданные приключения.

Около нас появились первые зеваки — сначала мальчишки, потом женщины с детьми за плечами. Из деревни вышла группа крестьян с копьями.

— Вождь желает видеть вас. Следуйте за нами, — приказал один из них, вероятно какой-то сановник.

Вождь сидел у большого костра на резном деревян-

ном троне, украшенном скульптурными изображениями священных животных — зайцев, шимпанзе, гадюк, черепах, белок и пантер.

— Добро пожаловать, — строго молвил он, указывая на разостланные рядом циновки. — Вы будете гостями племени.

Кома (ясновидящий) — так величали вождя — пригласил нас отметить праздник с его народом.

— Завтра утром я дам вам человека, который укажет дорогу, — пообещал он.

Поскольку Кома немножко говорил по-французски, мы не только с увлечением следили за торжеством, но и с его помощью мало-помалу вникали в смысл происходившего.

— Вы гости народа вобе, — повторил Кома.

Впоследствии я узнал легенду о происхождении нынешнего названия народа, говорящего на одном из языков манде.

Некогда один европеец повстречал уэньона, так прежде звались вобе. Уэньон мыл в ручье калебасу из под пальмового вина.

— Как тебя зовут? — обратился пришелец к крестьянину.

Полагая, что его спрашивают о том, что он делает, туземец ответил:

— Уэке (Мбю калебасу).

Тугоухий бледнолицый гость повторил ответ на свой лад:

— Уэбе...

Вернувшись домой, он рассказал уже о народе вобе. С тех пор и превратились уэньоны в вобе.

...Пляски и хоры у костра внезапно были прерваны. Вождь пригласил нас в хижину собраний на главный обряд праздника.

С шимпанзе у вобе связано многое. Обезьяна считается их кровным родичем и союзником. Шимпанзе открыли вобе некоторые тайны жизни.

— Были времена, когда люди не знали тамтама, — гласит легенда. — Однажды голодная шимпанзе во время прогулки набрела на кукурузное поле.

— Я нашла уголок, где много пищи, — радостно поведала она домочадцам по возвращении. Наутро звери, прихватив тамтам, корзины и прочую утварь, примча-

лись на поле. Около плантации тамтамист стал бить в барабан, а обезьяны в учащенном ритме резво собирать урожай. Человеческий детеныш, который сторожил поле, так увлекся ритмом, что громко вскрикнул, выражая удовольствие, доставленное ему музыкой. Шимпанзе тотчас пустились наутек, не преминув захватить с собой собранную кукурузу. Мальчик же побежал в деревню и сказал отцу:

— Папа, на поле явились великие музыканты, каких никогда не видывал свет.

— Глупый, животные разоряют наше поле, а ты толкуешь о музыке,— не на шутку рассердился отец.— Завтра я сам пойду сторожить.

Ранним утром при первых ударах тамтама отец, не удержавшись, стал приплясывать в такт. В благодарность он нарвал и отдал обезьянам много кукурузы. На следующее утро вместе с шимпанзе уже танцевала вся семья, кроме одного больного мальчика, оставшегося в деревне.

Вечером крестьянина осенила мысль, что звуки тамтама могут излечить больного сына.

— Пойдем с нами. Там в лесу у шимпанзе замечательная музыка. Она исцелит тебя, сын мой,— уговаривал он.

Но мальчик заспорил.

— Я пойду с вами, но я не намерен прощать животным, расхищающим наше поле,— заявил он.

Он взял с собой лук и стрелы. Во время танца хладнокровный и не по годам рассудительный подросток пустил стрелу в самую большую обезьяну. Шимпанзе в страхе бежали, навсегда оставив тамтам людям в качестве трофея. С тех пор этот инструмент служит человеку не только для веселья, но и для лечения, звуковой связи и в прочих полезных целях.

Однако после этой случайной размолвки дружба людей и шимпанзе длилась еще долго. Она оборвалась, когда одна неосторожная женщина убила обезьяну, спасая свой урожай. И все же до сих пор шимпанзе остается священным животным.

...Мужчины деревни и мы, гости, расселись по кругу в хижине собраний. Посредине помещения на низком табурете покоилась высушенная голова шимпанзе. К ней приблизился племянник вождя. В руках он дер-

жал калебасу, наполненную водой, на поверхности которой плавали кусочки ореха кола.

— Уважаемая шимпанзе,
Сегодня мы чувствуем тебя.
Мы приносим тебе орехи кола и белую курицу.
Сделай так, чтобы мы долго и счастливо жили
со своими старыми родителями и детьми,—

глядя в лицо шимпанзе, провозгласил он традиционное обращение.

После столь трогательного заклинания в жертву шимпанзе была принесена неошипанная вареная курица, очищенная изнутри и разрезанная на кусочки.

— В трудные времена в полосу несчастий,— пояснил вождь,— мы приносили в жертву сразу десять белых кур.

Потом в хижину позвали женщин и детей — каждый из них также получил по крохотному кусочку курицы.

— Пусть все мы вместе будем жить счастливо до самой смерти.

— Пусть год будет хорошим,— заключил деремонию молодой жрец.

Курица — одно из наиболее распространенных жертвоприношений у африканских народов. Стоит она недорого, и даже бедняк относительно легко может приобрести ее. При выборе кур для обряда их различают по цвету, кудахтанью, по числу снесенных яиц и даже по нраву. Предпочтение отдается белым спокойным курам, которые меньше несут яиц. Что касается петуха, это — жертва самим богам, ибо петух первый в доме возвещает о наступлении дня. Это очень важно потому, что восход и заход солнца в тропиках короток, и по неписанным законам житейской мудрости не рекомендуется пропускать эти мгновения. В первом случае укорачивается трудовой день, во втором запоздалый путник попадет во власть духов — хозяев темного, ночного леса. Петух хранит тайну времени, по его пению отсчитывают часы, дни, ночи и порой жизнь. Таким образом, петух и курица в психологии многих африканцев до сих пор представляют особую ценность, поскольку эти животные как бы облечены доверием судьбы, которой подвластен человек.

Всю ночь напролет плясали вобе, а их вождь, оказавшийся добродушным и умным человеком, между глотками пальмового вина и водки, которую я ему предложил попробовать, рассказывал об обычаях и быте своего народа.

Жизнь вобе неотделима от окружающей природы. Они живут ее дарами, стараются лучше понять ее и приспособиться к ней. По разным причинам вобе либо отождествляют животных и растения с божествами, либо рассматривают их как своих близких родственников.

В этих краях нельзя трогать черепах. Однажды воины деревни Зе возвращались из набега. Они захватили прекрасных пленниц и много разных трофеев, но за спиной у них была погоня. На их пути протекала широкая река. Воинов вобе выручила неожиданно выплывшая черепаха. Она указала им брод. С тех пор ее здесь чтут все от мала до велика.

Заяц помог заблудившимся людям выбраться из леса. Быть хитрым и неуловимым, как заяц, — мечта всякого воина. Орел провел вобе через горы. Его зоркость, стремительность и мудрость — эталон для африканских охотников.

Некогда один вобе по имени Диаките сбился с пути в жаркой саванне. Страшная жажда томила его, когда повстречал удава. Первым побуждением человека было убить змею и испить ее холодной крови. Но он сдержал себя и даже накормил животное. Признательный удав пробил толщу земли, и порожденная им река Манионзо (Манионзо на языке вобе означает удав) напоила человека. На ее берегах возникла деревня — памятник дружбы человека и удава.

Вобе из деревни Зуатта отмечают праздник гадюки. В конце каждого года — а, повинуюсь сельскохозяйственному циклу, год здесь начинается с октября — мужчины строятся в колонну и отправляются задабривать гадюку. Впереди идут дети, затем молодежь, люди средних лет, замыкают шествие старики. Каждый в руках или на голове несет подарки для гадюки — калebasы с пальмовым маслом, вареным рисом, белой курицей. Когда колонна в пути, никому не разрешается оглядываться назад. Этот наказ остается в силе и при других обрядовых церемониях. И не только у вобе.

— Так надо, — пояснил Кома, — никто не должен

думать о постороннем, когда идет к священному месту или возвращается оттуда.

Медленно продвигается толпа по тропе, без умолку распевая гимны во славу змеи. У места, где была ранее замечена гадюка, люди складывают жертвоприношения и почтительно сгибаются в глубоком поклоне. Разводя руками, они поют:

Боги этого места, высокочтимые духи,
Мы пришли к вам просить благословения
Для себя и наших детей.
Мы пришли молить, чтобы
Вы кусали лишь наших врагов.

Если при этих словах гадюка не появится, предстоящий год не будет счастливым. Но если она выползет и тем более свистом созовет других соплеменниц на пиршество, то хор возблагодарит гадюк за внимание и споет о том, что радости и миру суждено царить в деревне. После праздника, по поверьям, обязательно должен умереть какой-то старик, и никакое жертвоприношение не изменит его участи. Но что значит смерть одного старого человека, если вся деревня будет счастлива? Считают также, что юноша, прошедший специальный обряд посвящения во взрослые, может, не опасаясь укуса, брать гадюку в руки во время церемонии.

Жизнь вобе от рождения до смерти — непрерывная цепь ритуалов, до тонкостей обдуманых поколениями и строго контролируемых вождями и жрецами. Совокупность ритуалов в жизни многих африканцев особенно в сельской местности — это далеко не изжитая реальность. В любом событии, по мнению вобе, есть свои светлые и темные стороны. Например, рождение близнецов — источник радости или беспокойства для родителей. Радости, если на свет появляются мальчик и девочка. Если же родятся два мальчика, это плохое предзнаменование для матери, две девочки сулят неприятности отцу. Но в принципе близнецы приносят семье почет и богатство. Близнецов охраняют змеи. В день рождения двойни семья приносит в жертву двух белых кур, и близнецы таким образом приобщаются к сонму богов. Лишь немногие африканские народы, в частности малагасийцы, принципиально считают рождение близнецов несчастьем. По их мнению, человеческих сил хватает на производство только одного ребенка, проис-

хождение же второго приписывается неизвестным силам.

Общественная жизнь вобе интенсивна. Каждый человек имеет множество обязанностей и никогда от них не уклоняется. Чтобы оградить себя от несчастий и отпугнуть злонамеренных духов и существ, односельчане объединяются в разного рода трудовые группы. Мужчины организуются в ассоциации по выжиганию земли перед посевом, по заготовке леса, по расчистке участков от кустарников и деревьев, по обработке рисовых полей, по прополке риса и других культур. Существуют мужские объединения праздников, танцев, по борьбе с предателями, по искоренению лжецов.

Женщины сплачиваются в общества лунного цикла (плодородия), отпора плохим мужчинам, родов, танца и поддержания в чистоте источника, из которого пьет вся деревня.

В случае если на кого-то падает подозрение в совершении преступления или проступка, обвиняемого подвергают ордалиям — испытаниям на честность. Для этого чаще всего готовят настой из «красного дерева» (семейство цезальпиниевых), обладающего токсическими свойствами.

Подозреваемого в преступлении или колдовстве заставляют выпить это зелье. Довольно часто при этом мужа добровольно заменяет одна из любящих супругов. Если страдания испытываемого ограничиваются приступом рвоты, то он не виновен. Смерть или длительная болезнь — доказательство вины.

В некоторых деревнях практикуется испытание перцовой настойкой. Ее заливают в глаза обвиняемому. Если он ослепнет, вина подтверждается. Но, кстати, во все не всегда судят действительно подозреваемого. Нередко вожди прибегают к этому обычаю для расправы над неудобными им членами общины. Иными словами, это бывает и одним из вариантов своеобразной «охоты на ведьм», поскольку методы снятия подозрения равносильны смертному приговору. Иногда испытанию подвергается сразу несколько человек.

Вобе — маленький народ, волей предков укрывшийся от шумного натиска современного прогресса в хмурых лесных дебрях. Их хижины столь же безыскусны и скромны, как и столетия назад. Газеты не доходят до

них, международные проблемы пока не очень волнуют. Между вобе и нынешним веком стоят в числе прочего старинные культы гадюки и шимпанзе. Именно в подобных уголках Африки можно еще познакомиться с оригинальными обычаями, с относящимся к прошлому образом мыслей и, наконец, увидеть подлинные маски. На празднике шимпанзе я смеялся, глядя на дехесри, комедийную маску, забавляющую вобе сказками, песнями и нехитрыми, но доходчивыми прибаутками.

— Кто из вас похитил мою жену,
Мою красивую супругу, которую я так любил? —

полусерьезно-полушутливо вопрошала маска. И деревня вторила словам маски взрывом гомерического хохота, анекдотов и каламбуров.

Деревянное лицо другой маски — маски танца было искусно оживлено улыбкой. Танцевать без улыбки невозможно. Увлечшись бесшабашным весельем друзей-вобе, я вспомнил слова английского африканиста Джорджа Харди о том, что самое суровое наказание для африканцев — лишение тамтама. Вызывая людей на танец, задавая бешеный или плавный ритм, маска танца с юмором собирала всех в круг, изрекала вечные мудрости: «то, что причиняет боль ящерице, ничуть не беспокоит тукана»; «орел-рыболов никогда не убивал людей, однако же на его клюве есть алые пятна»; «нелепо болтать, будучи в лесу, и молчать подобно немому, возвратившись в деревню».

Я попросил Кому рассказать о масках своего народа.

— Их очень много: маски ясновидения, мира, войны, судопроизводства, опасности, удачи, охоты, урожая, состязаний, пожара, нового года и нового урожая ямса, маски певцов и другие, — неторопливо перечислил вождь.

Маски вырезают там, где поблизости нет женщин. Если взгляд женщины упадет на незаконченную маску, то ее волшебная сила улетучится. Мало найти нужное дерево для маски, надо еще его освятить.

— Скажите, Кома, а африканские маски могут нанести порчу на европейцев? — поинтересовался я.

В ответ услышал категорическое «Нет!».

— Маска, сотворенная руками вобе, способна воздействовать на вобе и на их соседей, — добавляет вождь.

По-видимому, все дело в силе внушения, которым обладает маска для суеверных африканцев.

Цвета масок вообе: черный, красный, синий, зеленый, испещренные белыми линиями. Черный цвет олицетворяет мощь, физическую силу, красный — власть и силу, но есть и другие толкования цветов, зависящие от обстоятельств. Лоб маски часто выступает бугром над остальной частью лица. Эта подробность выражает гордость народа и презрение к людской мелочности и зависти. Глаза маски зоркие — в виде выступающих полых башенок или крупных округленных отверстий. Если они зажмурены или обозначены еле заметным надрезом, то они чем-то и кому-то угрожают. Губы сомкнуты лишь у траурной маски.

— Маска молчит, когда осуждает на смерть, — заметил Кома.

Разные бывают маски, разным бывает и их предназначение. Не каждому в деревне разрешается видеть многие из них. Цель главной маски — ясновидения или проницательности — обнаружить правду. Ее носят знахари и мудрецы. Маска куан используется для борьбы с колдунами. Ее разрешается видеть только старикам... Маска войны и костюм к ней красного цвета. Она — образ пролитой крови и свидетельство готовности пролить кровь врагов.

Маска охоты малинового цвета, то есть окрашена кровью животных. Зубов у нее нет, чтобы она не съела забитую дичь. Глаза крохотные с прищуром, подчеркивающим остроту взгляда.

В каждой деревне вообе есть маска, которую дозволяется видеть всем. Это маска чистоты деревни. Ее глаза имеют форму больших отверстий, что позволяет ей наблюдать за всем происходящим вокруг. Ее рот открыт: она «говорит» со всеми, дает указания, которые следует беспрекословно выполнять. Она безобидна для людей. Каждый вечер маска прогуливается по деревне с пучком листьев и веток рафии в руке. Обнаружив грязь и нечистоты близ хижины или — хуже того — внутри нее, маска хлещет беззаботных хозяев рафией и поет: «Надо быть опрятным, если хотите быть здоровыми и жить долго».

...За разговорами и плясками быстро текло время. Некоторые из туристов, утомленные треволнениями

дня, крепко уснули прямо на циновках, убаюканные теплом незатухающих костров. Начало бледнеть ночное небо над вырубкой. Прокричали первые петухи.

— Скоро рассвет. Вам пора в дорогу, а нам на отдых,— прервал нашу беседу на полуслове пунктуальный вождь Кома.— Мулайе,— представил он вчерашнего проводника-спасителя,— проводит вас до перекрестка.

Мулайе действительно вывел нас на нужную тропу и указал направление. И на этот раз мы незаметно для себя пересекли границу между государствами, так и не узнав, где она проходит.

Лендровер трещал и гремел по ухабам твердого лагерита, а в ушах неотвязно слышался бой тамтамов в гостеприимной, навсегда оставшейся позади деревушке вобе.

ИСТОРИЯ ТАНЦА ПА-НЖУ

Ошеломляюще выразительны бамумские маски. Даже непривычный глаз не перестает восхищаться выдумкой их творцов. Выпуклые, огромные, вне всяких нормальных пропорций глаза, воплощение абсолютного знания, всеведения, настолько проникают в сознание, что могут присниться даже самому невпечатлительному человеку, впервые их увидевшему.

Рослые воины и земледельцы с длинными носами, светло-коричневой блестящей кожей, горделивыми жемчугами, которые придают мужчинам благородство, а женщинам элегантность, бамумы даже внешностью гармонируют со своим размашистым искусством. В их жилах перемешалась кровь древних тикаров и мбумов, народов восточнобантоидной группы.

Летописи рассказывают, что в веренице войн немногочисленные бамумы однажды умудрились подчинить себе даже самый крупный народ камерунских краев — родственных им бамилеке. Говорят, что индивидуальность бамумов, их цивилизация родились и сохранились благодаря жесткой централизованной власти и всей политической структуре, сложившейся вокруг властолюбивого султана и его двора в Фумбане. Скульптура и художественная вышивка бамумов развивались как

придворные, дворцовые искусства. Они были призваны запечатлеть сакрализованные обряды султанов, военные походы, подвиги и даже поражения.

Бамумские резные деревянные панно, изображающие сцены из народной жизни, подневольный труд крестьян на султана, не только филигранны по исполнению, но и вполне реалистичны. Эти произведения — показатель великой способности искусства преодолевать жесткие рамки панегирика, славословия в адрес отдельной личности, быть правдивым и беспристрастным отображением будничной жизни простых людей. Даже парадный выход султана на панно бледнеет перед обилием ярких народных сцен. Сегодня фумбанские умельцы постепенно отходят от канонов прошлого: их работы затрагивают более скромные по масштабам и более жизненные по содержанию темы.

Деспотичные и консервативные в политике султаны бамумов довольно активно покровительствовали развитию искусства. Отец нынешнего султана Сейду Нджойи положил начало принесшему бамумам славу художественному бронзовому литью, деревянной скульптуре, художественной вышивке.

Много самобытного в стране бамумов, но самобытнее всего показалась мне их музыка. Я познакомился с ней, гуляя вечерами по Фумбану, а позднее глубже — по магнитофонным записям яундского радио. В ней есть глубокая национальная специфика, неповторимая экзотика и строгая, почти классическая структура. Ее история тесно связана с историей танца, а главная ее черта — благожелательная восприимчивость к музыке других народов, стремление обогатиться опытом других музыкальных культур.

Согласно легенде, началась эта музыка с... войны. Летописцы воскрешают завершившуюся войной ссору первого вождя бамумов Ншаре с Нфо Ндуэтмбу, вождем соседнего племени во время танца ябуруже. Ншаре не пощадил старого друга, научившего его и всех соплеменников искусству танца. Трудно судить, насколько правдив этот летописный рассказ, но его смысл ясен — о вкусах можно не только спорить, но и доказывать их правомерность огнем и мечом.

На некоторых этапах истории музыка спасала бамумов от окончательного поражения. В первой половине

XIX века бамумами правил свирепый великан Мбомбо, питавший слабость к музыке. Иногда Мбомбо запирался в покоях, и два-три придворных куртизана с заискивающими улыбками ублажали его секретным танцем мбансие, который простые смертные не имели права лицезреть. Не всегда, даже при его солидном росте и огромной силе, везло бесшабашному воителю. В битве с лихими кавалеристами фульбе, надвигавшимися с севера, войска Мбомбо были наголову разгромлены. Прискакав с остатками дружины в Фумбан, удрученный полководец решил «спуститься» в народ. Он вывел музыкантов во двор и перед ошеломленными подданными лихо пустился в пляс, сделав таким образом тайный мбансие явью для непосвященных.

— Где это видано, чтобы султан танцевал с черню, — роптали консервативные вельможи.

Переведа дух, Мбомбо обратился к воинам:

— Каждый, кто принесет мне голову фульбе, сможет присоединиться к этому танцу и плясать со мной всегда.

В бамумах выиграло честолюбие. Они выиграли войну, и танец тайного, традиционного общества Па-нжу, до тех пор бывший привилегией придворных, а также почитаемых всеми близнецов, стал доступным касте воинов. Сам султан теперь довольно редко танцует мбансие, но очень любит наблюдать за танцем.

Ныне число участников танца возросло до 30 человек. Оркестр состоит из десятка железных колокольчиков, четырех специальных барабанов и шести особых инструментов — мешков из буйволиной кожи, наполненных железками, которые издают ритмичный лязг от ударов. На одном из барабанов отбивает ритм родной брат султана.

Мвитонго — мелодия, которая исполняется редко — лишь по случаю церемонии казни министра. Когда бамумский вельможа совершает серьезный проступок или преступление, оркестр и члены тайного традиционного общества отправляются к нему ночью... Представьте себе — внезапно в кромешной тьме раздается скорбный ритм барабанов, которому угрюмо вторят остальные инструменты оркестра с преобладанием двойных гонгов. Периодически слышатся выкрики хора. Мрачная музыка холодит кровь, заставляет возбужденно биться

сердца. О церемонии заранее не предупреждают. Не у одного вельможи взлет на языке беспокоящий вопрос: «Ради кого быют эти ритмы? К какому дому подвигается страшная процессия? Не ко мне ли?».

Музыка бамумов включает напевы других народов. Султан Нджойя любил выслушивать жалобы тикаров, которые они излагали в виде полных драматизма и лирики танцев и песен. Султан Сейду Нджойя выходит из дворца в сопровождении двух гриотов-фульбе, играющих на струнных инструментах своего народа. В бамумских оркестрах прижились мвет (нечто вроде гитары с калексами-резонаторами) фангов бети из Южного Камеруна, железные колокольчики бамилеке, санри (флейты) тикаров, гитары жителей севера.

Музыка звучит на всех праздниках бамумов. Масовые вечерние пляски то похожи на нашу «Березку» лебедиными нежными ритмами, то изумляют беспешабной удалью. Богатство бамумской музыки объясняется не только вдохновляющей красотой природы изумрудного всхолмленного Запада, но и влиянием, которое оказали на ее формирование мелодичность напевов тикаров, лиричность танцев фульбе, эпичность баллад гриотов-мветистов.

— Музыка бамумов, — говорит камерунский писатель и музыкант Франсис Бебей, — одна из наиболее разносторонних в Африке.

Антенны камерунского радио разносят напевы и ритмы бамумов.

— Что это? Воспоминания о канувшем в забвение прошлом? Или напоминание об уходящем из жизни виде искусства? Об изживших себя ритмах и мелодиях, которые больше не нужны народу, не соответствуют времени? — забросал я вопросами сотрудника отдела программ камерунского радио.

— Нет, — возразил он. — Ни то и ни другое. Музыка народов республики послужит нам не только в настоящем, но и в будущем.

КУДА ПУТЬ ДЕРЖИТЕ, БОРОРО?

Впереди шагает человек в высокой остроконечной шляпе, на плечах у него похожая на наше коромысло

Нигер. Дети пасут стада, едва встав на ноги

длинная палка, на которую для удобства он закинул руки. Издалека мерещится, будто это орел, расправивший крылья. Босые, задубевшие ступни словно не замечают раскалившегося грунта. Бедность и неказистость одежды, состоящей из нескольких кусков крепкой домотканой материи, не скрадывают его надменной осанки. Метрах в ста позади него движется большое стадо зебу, горбатых африканских коров с острыми длинными изогнутыми дугами рогов. Его возглавляет матерый, мускулистый бык, вожак, по праву сильного подмявший под себя все стадо. За стадом клубится, оседающая на сухие кустарники и крючковатые деревья саванны, охряная латеритная пыль.

Еще метрах в ста позади следуют зебу-носильщики, навьюченные пожитками, женщины в сплошных черных покрывалах, свисающих почти до самой земли. У многих в специальной складке за спиной доверчиво прижимается к телу матери слабенькой, неустойчивой головкой ребенок. За женщинами размеренной, тренированной походкой идут юноши. У некоторых на голове только что народившиеся телята, которых они придерживают руками за ноги. Типичная картина перекочевки бороро!

Неуловимым племенем зовут бороро в Африке. Их обычаи, их нравы, их характер еще недостаточно изучены. Даже встретить бороро мудрено: ведь они крайне

редко задерживаются более трех дней на одном месте. Это замкнутое пастушеское племя, странствующее за своими стадами между Мали и Камеруном, некоторые этнографы упорно считают потомком древних египтян, хотя уже установлено, что это часть фульбе, отделившаяся от остальной массы народа. У бороро тонкие, красивые черты лица, цвет кожи светлый, бронзового оттенка. Они называют себя белыми и отдают предпочтение белому цвету.

Некогда, гласят легенды бороро, их предки жили на берегах какой-то великой реки (многие ученые полагают, что это в самом деле мог быть Нил). Одна из них считает предками бороро двух сирот — пастушка Фу и его сестру, которые всякий раз перед сном разводили костер на берегу реки. Однажды ночью из воды вышла корова, приблизилась к ним, а затем вернулась в воду. Дети перенесли свой лагерь чуть подальше от берега, но следующей ночью погреться на огонек пришлось уже целое стадо. После того как телята тут же насытились молоком из материнского вымени, их примеру последовали дети. Молоко понравилось сиротам, и они пошли на хитрость. Каждый день они отодвигали стоянку все дальше и дальше от берега, выманивая коров в саванну. Добрые животные привязались к заботливым детям и навсегда остались с Фу и его сестрой. Потом брат с сестрой поженились. От их брака было двое детей. Старший брат стал отцом народа фульбе. Он отобрал в свое стадо коров с короткими ногами. Младший брат дал начало бороро. Ему достались бороджи — длиннорогие зебу.

По другой легенде, жена проповедника ислама в Судане Укубу, возвращаясь с реки, встретила духа Каанабу. После этого случайного свидания у нее родился сын, положивший начало племени бороро. Как-то вечером у той же реки перед мальчиком явился его отец. Каанаба велел сыну разжечь костер на берегу и уходить, не оборачиваясь. Из пучины вышло стадо коров. Оно последовало за юным пастухом и с тех пор сопровождает его потомков. В обеих легендах упоминается река, по мнению некоторых исследователей — Нил.

Круглый год кочуют бороро в поисках воды и травы для своих стад. В сухой сезон зебу пытаются настичь исчезающие травы быстро лысеющей саванны, в пе-

риод дождей они чуть ли не в панике отступают под напором разливающихся озер и болот.

Бывают и другие причины, по которым бороро меняют свои стоянки. В Северном Камеруне нет-нет да встретится деревенька, где уставшие от извечных скитаний люди перешли на полуседлый образ жизни. Однажды между Нгаундере и Гаруа я увидел покинутое ими селение. Вымерший пейзаж с разваливающимися хижинами выглядел уныло. Мне объяснили, что у одной из молодых женщин при родах умер первенец, поэтому племя, повинаясь воле обычая, покинуло обжитое место во избежание дальнейших бед.

Бороро скитаются по исстари установленным маршрутам, презрев государственные границы. Сегодня они — в Нигере, а завтра — в Чаде или Камеруне. Этот парод исключительно миролюбив. Бороро стараются ладить с многочисленными народами обширного района, по которому пролегают пути их перекочевков. Нередко их притесняют тубу, живущие на востоке Нигера. Тубу жгут траву и тем самым вынуждают бороро сниматься со стоянок, спасаясь от надвигающегося пламени. Сами же тубу не так тяжело страдают от пожаров, ибо огонь щадит колючие акации и некоторые другие кустарники, которыми обычно питаются одногорбые верблюды — дромадеры.

В засуху иногда возникают конфликты с владельцами колодцев — туарегами, с бывшими рабами туарегов — бузу, такими же скотоводами, как и бороро. Бывает, что из-за драгоценных капель колодезной воды приходится поступаться вошедшим в легенду миролюбием и воевать. Чаще же они получают разрешение пользоваться колодцем в обмен на несколько зебу. Иногда бороро даже приобретают колодец, но их кочевая душа не терпит оседлости, и через некоторое время они покидают район, добровольно возвращая колодец его бывшим владельцам.

Торгуют они в обмен, не зная, что такое деньги, или, по крайней мере отказываясь признавать их. Иногда модница бороро не прочь монистом из монет привлечь к себе восторженные взгляды ухажеров, но дальше этого знакомство с валютно-финансовыми проблемами почти не идет. Их пока не волнуют валютные кризисы, потрясающие мир. Обменная единица, привычная для

них, всегда будет нужна и никогда не девальвируется. Эта единица — зебу.

Впрочем, в нынешние времена за бороро гоняются государственные сборщики налогов, и, когда они «пойманы с поличным», скотоводы бывают вынуждены — конечно, если чиновники оказываются неподкупными — на ближайшем рынке реализовать несколько животных и передать выручку стражам государственных законов. При этом они удивляются непостижимой силе бумажек и металлических кружков.

Бороро любят петь, плясать по вечерам при свете костров. Они полны достоинства и очень осторожны. Об их реакции можно лишь догадываться, ибо скотоводы, как никто, умеют скрывать свои чувства за непроницаемыми лицами. Видимо, их призвание — кочевых скотоводов, располагающее к одиночеству, и жизнь, полная лишений, воспитывают самообладание. Они неразговорчивы и никогда ни на что не жалуются. Пожалуй, им неизвестно понятие трудности, так как вся их жизнь — сплошная трудность, а жаловаться на жизнь, с их точки зрения, — самое последнее дело. В случае опасности они не зывают о помощи, считая это ниже своего достоинства. Грустной улыбкой изредка выкажут они разочарование человеческой жестокостью, вероломством и обманом.

Гостеприимство бороро достойно восхищения. Оно соответствует их возможностям. Гостю бороро предложит все, и в первую очередь вместительную калебасу с молоком, любимым своим напитком. Гордые люди никогда ничего не требуют взамен. Подарки они принимают редко, и только от тех, кого знают и уважают.

Трогателен союз кочевников с их драгоценными друзьями — зебу. Бороро не знает, что такое богатство. Когда у него в стаде больше голов, чем у соплеменников, он все равно не считает себя богачом, а просто гордится собой. Молоко — эликсир жизни для бороро. Ежегодно по старинному обычаю этих мест мужчины с согласия своих супруг уединяются в отдельный лагерь и отпаивают себя молоком, чтобы восстановить свою силу.

Общество бороро — одно из наиболее «закрытых», именно поэтому в литературе нередко говорят о «тайственности» бороро. Знания ученых об их жизни весьма скудны и гипотетичны, поскольку замкнутость образа

жизни и характера бороро заставляют прибегать подчас к умозрительным заключениям. Спартанская жизнь этого народа не располагает его к занятиям художественным ремеслом, стихия бороро — песок пустынь, пыльная зелень саванны, убогая тень колючей акации...

В Республике Нигер живет свыше 400 тысяч бороро. У нигерских бороро есть традиция — не жалеть времени, чтобы выглядеть красивыми. «Быть красивыми, прекрасными, — пишет французский исследователь Анри Брандт, — одно из любопытных таинств и самых постоянных, повседневных забот. Ежегодно в течение нескольких недель они посвящают почти все время искусству быть красивыми». Речь при этом идет и о женщинах, и о мужчинах.

На протяжении нескольких недель, падающих на разгар сезона дождей, отмечается герревол — праздник красоты. В этих состязаниях практически не бывает проигравших: все оказываются красивыми. Это не искусственные выборы «мисс Лондон» или «мисс Америка». Бороро считают, что поиски универсального эталона красоты — пустая затея. Их эстетический идеал шире и реальнее. Они верят в красоту каждого человека. Для них это понятие конкретно. На герревол юноши облачаются по всем канонам народной моды — в вышитые одежды, увешивают себя амулетами и украшениями, тщательно гримируются. Девушки тоже выбирают из заветных сундучков лучшие наряды.

...Молодые мужчины отдельными группами примерно по 30 человек танцуют медленный-медленный, практически неподвижный танец. Они совершают легкие, изящные телодвижения, почти не трогаясь с места. Поют. Подчеркнуто улыбаются широкой улыбкой, показывая ослепительную белизну зубов. Зубы, их белизна и правильность — один из критериев красоты для бороро, далеко не последнее соображение при выборе спутника жизни. Большинство зрителей — девушки. Чуть смущаясь, чтобы соблюсти разумно необходимую порму девичьей стыдливости, они внимательно смотрят на танцующих юношей, подыскивая в этих слитных плавно-ритмичных группах будущих мужей. У каждой свои понятия о мужской красоте. Впрочем, на празднике герревол да и вообще у бороро не бывает самых красивых: здесь все прекрасны.

Мали. Женщина-сонгаи в районе Мопти

«Девушки, — затягивает запевала, — проведем приятную ночь. Потанцуйте от души, спойте. Подмигните, да повеселее, чтобы явить красоту ваших очей. Улыбнитесь, да помилее, чтобы обнажились ваши белые жемчужные зубы. Пообещайте же вашим будущим избранникам справедливость выбора. Покажите же свою красоту всем бороро. Друзья, помогите мне сделать этот вечер веселым и приятным. Соем для нашего народа, красота которого известна всеми миру...»

Герревол — оригинальная страничка жизни и культуры одного из африканских народов, повествующая о том, сколько интересных открытий таит в себе Африка для тех, кто ею увлечен.

Уважение к женщине у бороро развито в высочайшей степени. В их замкнутом обществе на женщину смотрят как на хранительницу устоев кочевой жизни. Это она нашептывает засидевшемуся на месте супругу, что «жилище кочевника — горизонт». По женской линии наследуются титулы и некоторые права собственности. Женщинам посвящаются лучшие стихи и песни.

Лунной ночью под тоскливое завывание песков сахеля я слушал, как молодой бороро пел довольно грустную песню любви «Текалет». Ему аккомпанировал небольшой оркестр. Статная жена предводителя кочевья

била в тинде (барабан), а один из пастухов подыгрывал ей на сареуа — флейте из стебля сорго, обклеенного полосками мягкой верблюжьей кожи. В одиноком голосе флейты слышались традиционные для бороро воспоминания о прошлом, о том, как жили, пасли скот, кочевали и любили предки, о многих тысячах километров, которые пройдены караваном и которые еще предстоит прошагать... На прощание стеснившиеся вокруг нас женщины по повелению вождя исполнили старинную лечебную песню-заклинание «Тикичкичене». Певицы, вполголоса переводил мне сам вождь, желают всем присутствующим и вам, неожиданному русскому гостю, не изведать ни горя, ни болезней.

...Караван скрывается за горизонтом. Желтая дымка пыли еле заметна на белесо-голубом небе. «Оаз!» — замирает протяжный клич пастуха, поторапливающего стадо. Куда вы нынче путь держите, бороро?

ОСТОРОЖНО, ОБНАЖЕННЫЕ МАВУТЯНКИ!

«Внимание! Всем мужчинам! Всем мужчинам! 14 апреля 1971 года, с 23.00 вам запрещается до утра выходить на улицы! Исполняется танец маву»...

В районе Мамфе на западе Камеруна с начала 1971 года свирепствовала засуха. От жажды трескалась и становилась бесплодной земля, высыхали растения. «Дождя, дождя», — при малейшем ветерке шептали сухой, ломкой листвой деревья. Люди с тщетной надеждой провожали проплывавшие по синей зыби неба облака.

Стихийные бедствия ослабляют веру человека в себя, воскрешают суеверия, вселяют чувство беспомощности перед силами природы. В поисках средств борьбы с засухой женщины сел Баньянг и Эжагам вспомнили о старинном обряде — танце маву. «Раз католический бог не внемлет нашим молитвам, быть может, боги наших предков сжалятся над нами», — рассудили они.

В деревнях или округах, где живут бамилеке, маву обычно танцуют в полночь все женщины и девушки, сбросив с себя одежды. Таким методом веками в здешних краях вызывали дожди. В тот день, о котором идет речь, женщины окрестных деревень и города Мамфе

заручились разрешением префекта на этот не вполне обычный ритуал. Поскольку по законам предков лицам мужского пола во время танца запрещается находиться на улицах (для нарушителей это может кончиться весьма плачевно), то по всему округу Мамфе накануне было широко объявлено о том, что 14 апреля 1971 года с 23.00 для мужчин всех возрастов вводится комендантский час, который «распространяется как на одетых, так и на обнаженных мужчин», то есть без всяких скидок.

В 23.00 в домах и хижинах потухли, как того требовал обряд, огни. Задержавшиеся мужчины в панике бежали домой. Закрылись бары и кафе. Даже полицейские и жандармы подчинились обычаю. А случайные проезжие вроде меня забились в темные номера единственной на весь город гостиницы. Век и закон склонили голову перед обычаем. В полночь, разбившись на группы, женщины вышли на улицы. Они пели старинные песни, разученные специально для этого дня, скандировали пословицы, якобы способные вызвать дождь, неистово плясали...

Мой коллега Этиканг Табе-Эбоб рассказал мне на следующий день, что маву не обошелся без инцидентов. Водитель легкового автомобиля, возвращавшийся издалека и не оповещенный о танце, к своему несказанному изумлению осветил лучами фар толпу обнаженных женщин. Эта неожиданная картина ошеломила его, но не настолько, чтобы он не почувствовал грозящей опасности. Еле-еле успел он развернуть машину и спастись от разъяренной толпы. Однако одного вождя, нечаянно очутившегося на улице, представительницы «слабого пола» безжалостно избили, невзирая на его сан. В селе Бесонг-Абанг, близ Мамфе, женщина, нянчившая ребенка, открыла дверь комнаты своего мужа, где забыли погасить свет. Шествовавшая мимо толпа мавутянок рассвирепела при виде света. Находившиеся в религиозном экстазе женщины ворвались в хижину, круша все, что им попадалось под руки. Нанесенный ими ущерб потом был оценен в 20 тысяч африканских франков. В указанную сумму не вошла стоимость телесных повреждений, причиненных мужу несчастной женщины.

Весть о ночной женской демонстрации в Мамфе разнеслась по департаменту. В соседних деревнях по обеим

сторонам камеруно-нигерийской границы неделя за неделей бушевали пляски мавутянок. Чего только не увидели за это время боги! Сжалились же они только над деревней Афаб. 2 мая ночью женщины исполнили маву, а наутро хлынул ливень. Однако это было лишь счастливое исключение из общего правила. «Несмотря на ночные манифестации — заклинания в округе Мамфе, „боги“ пока не ответили на мольбы женщин, — комментировала газета „Нью Камерун“. — Если так пойдет дальше, то маву и другие подобные обычаи станут этнографической редкостью в наших краях».

ЧТО ЧУВСТВУЕТ ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК, КОГДА ДЛЯ НЕГО ПЛЯШУТ КОРОЛЕВЫ?

Этот вопрос на первый взгляд может показаться странным. В наш век, казалось бы, не так уж и много королев, и если бы кому-нибудь захотелось полюбоваться их коллективным танцем, его сочли бы сумасшедшим. Но в жизни может случиться всякое.

В некоторых странах Африки «короли» царствуют чуть ли не в каждой деревне. «Руа» — так их величают в Камеруне, Габоне, Береге Слоновой Кости и других странах. Королева остается королевой, даже если она правит не огромным государством, а деревней Эбуэ или Зе, Эбонг или Румзо.

В марте 1971 года по частному приглашению одного из государственных деятелей Камеруна мне привелось побывать в селе Румзо — на севере страны, в горном массиве Мандара.

Дорога от Маруа в горы — проверка сопротивляемости организма к продольной, поперечной и прочим видам тряски — изматывает даже бывалых туристов. Да и понятие дороги весьма сомнительно в тамошних условиях, так как местами шофер превращается в проводника-следопыта, неведь как ориентирующегося по гранитным глыбам и завалам, оврагам, деревьям, термитникам и даже по колдобинам.

Сложнее всего было карабкаться по склонам Мандары, приближаясь к скалам Мери. Мы часто покидали лэндровер и ценой огромных усилий вталкивали газующую машину на очередной крутой подъем. Вытирая с

лица градом катившийся пот и давая минутный отдых телу, гудевшему от качки и жары, с круч и перевалов мы любовались раздольными равнинами, окаймляющими озеро Чад, плоскими серовато-желтыми долинами рек Шари и Логоне. В ущельях, на овальных, похожих на человеческие головы скалах Мандары уцелели остатки мирных племен, укрывающихся там со времен нашествий фульбе и массовых переселений народов в этой части Африки.

— Будьте внимательными, — повторял пригласивший нас депутат парламента. — Все здесь создано людьми, единственные инструменты которых — каменные орудия и их собственные руки.

Повсюду нас поражала картина великого терпения, трудолюбия и изобретательности. Склоны гор были изрезаны полосками плодородных террас. Казалось, даже камень давал всходы проса, повинаясь воле труженников. Годами все здесь повторяется в одном и том же ритме: сначала укрепляются подпорные заборы, подносятся снизу в корзинах и подсыпается земля, засыпаются и закрепляются порожденные месяцами дождливого сезона промоины, оползни и канавки, быстро расширяющиеся в настоящие овраги.

На скальной платформе примостилось долгожданное село Румзо. Гостеприимный вождь уже ждет нас у подъезда к деревне. Первым делом он приглашает осмотреть свои покои.

Мы бредем анфиладой помещений, размышляя о том, в каком веке живут их обитатели. Каменные ступы, мотыги, топоры, ножи, молотки, копья и стрелы с железными и даже каменными наконечниками, глиняные сосуды, отполированные лежанки и подушки из цельного куска дерева — вот «мебель» и утварь палат короля мофу.

— Здесь живет моя мать, — в три погибели сгибается вождь перед входом в крошечную мазанку, смахивающую на обыкновенную конуру. На бруске-кровати лежит немощная старушка. Ноги старушки высываются из домика — даже при ее усохшем теле не хватает площади. Комнаты королев чуть больше, и вход в них пошире — могут заползти два человека.

Король — человек умный и просвещенный. Он знает не только о политических проблемах Камеруна, но и о

событиях за рубежом. Худо-бедно, а в селе есть транзистор, который вождь, его сановники и старики слушают по вечерам в хижине собраний.

Обход владений закончен. Неторопливо выходим на площадь перед дворцом. Напротив — скала, похожая на почетную трибуну. Там уже расставлены табуреты. Пробираемся через толпу селян, ликующих при виде гостей. Все мужчины, женщины и дети, от души улыбаясь, стараются пожать каждому из нас руку. Гостеприимство и сердечность — неотъемлемая черта характера камерунцев. Приезд гостя развеивает однообразие быта крестьян, приносит им новые знания и впечатления.

«Они наги, даже совершенно наги, они — среди наименее прикрытых одеждой во всей Африке и, естественно, во всем мире. Это бросается в глаза, но к этому привыкаешь и можно тысячу раз повторять, что подобная нагота совсем не шокирует и вовсе не является бесстыдной». Глядя на мофу, я вспоминал эти справедливые слова французского исследователя Б. Лембеца, сказанные о Северном Камеруне. По дороге мы встречали и абсолютно нагих мужчин и женщин, с тем же откровенным детским любопытством взиравших на нас, что и мы на них.

Стереотипы в обычаях и морали относительны. Люди «одетые» в чем мать родила, отвергнувшие нелепые для этих жарких краев панталоны и рубашки, показывали на нас пальцами и заливисто, от всей души хохотали. Но только ли в столь прозаическом объяснении таилась истинная причина их насмешек?

Под теми же небесами в горах Мандара датский путешественник Йорген Бич во время съемок фильма подарил одному старательному парню-кирди по имени Дауду шорты. Стоило тому щегольнуть вечерком в обпаве среди обнаженных односельчан, как вся деревня была взбудоражена. Мужчины едко шутили над ним. Девушки, прикрывая глаза ладонями, с визгом прятались по хижинам, а их матери возмущенно упрекали юношу, мягко говоря, в нескромности. Так и пришлось «бесстыднику» раздеться...

Видный английский африканист Б. Дэвидсон однажды рассказал о зулусской девушке, «с гордостью обнажившей свое тело в доказательство своей моральной чи-

стоты». Добавим также — в доказательство здоровья, по мнению многих африканских народов. «Нагота, таким образом, представлялась чем-то противоположным непристойности», — поясняет ученый. Самое разумное — понимать друг друга и не навязывать в чужом доме свой устав.

Мофу и другие кирди (так некоторые этнографы именуют три десятка племен севера Камеруна) — вовсе не нудисты западного мира с их исковерканной психологией, бросающие жалкий «вызов» обществу. Быстро понимаешь, что отсутствие одежды у мофу ничуть не означает отсутствия кокетства и даже увлечения модой. Парижские моды сюда не доходят — это верно, но есть сотни способов быть обнаженными, и каждый или каждая делает это на свой лад.

Дети носят только амулеты гри-гри, ожерелья из бисера, погремушки на запястьях и лодыжках, браслеты. И никакой одежды, даже в школе. Мужчины — тонкий пояс, от которого вниз протянуты небольшой кусок мягкой козьей кожи либо несколько тонких кожаных шнурков или же просто нацеплен пучок травы и листьев (нередко изготавливается знахарем из целебных растений). Вот и вся набедренная повязка — фаллокрипт. Король выделяется среди подданных тем, что в будние дни набрасывает на плечи кусок шкуры. Нас он встретил в длинном бубу, вытащенном на белый свет по такому исключительному случаю.

Наряд женщин также сводится к набедренной повязке. Это полоска красноватой коры, обоими концами закрепленная на кожаном пояске вокруг талии. Вместо коры в зависимости от вкуса, прихоти и достатка могут быть связка металлических колец (вероятно для того, чтобы мужчины как бы слышали музыку женской походки; старым женщинам носить повязку из таких колец запрещается), лоскуток хлопчатобумажной ткани, маленький букетик цветов. Девственницы носят по две три свободно развевающиеся на ветру кожаные полоски.

У некоторых женщин верхняя и нижняя губы для красоты проткнуты длинными, торчащими вниз вдоль подбородка палочками из железа и соломы, через ноздри продеты медные кольца, а на мочках ушей горизонтально посажены палочки длиной никак не менее 15 сантиметров или серьги, по весу более похожие на гирьки,

чем на украшения. Голова красавицы тщательно выбрита, за исключением пучка курчавых волос на макушке. Особенно празднично выглядели королевы, заботливо подготовившиеся к нашему приезду. Их тела были обильно натерты благовонной пастой — смесью из масла сенегальской кайи и латерита, глаза обведены красными латеритными кругами.

До поездки мне говорили, что в этом районе под влиянием фульбе исповедуется ислам. Однако, судя по увиденным нарядам, у мофу, как и у остальных мусульман Тропической Африки, верования и обряды синкретичны.

Когда мы расселись на скале, внизу на площади уже ворковала толпа королев. За плечами у некоторых из туго повязанного на спине куска ткани выглядывали головки младенцев; дети чуть постарше жались к матерям, держа их за руки. Пересмеиваясь, кивали почему-то на нас готовые к выданью девиственницы-принцессы. Их также можно было легко распознать по набедренным повязкам.

— Сегодня для вас будут танцевать королевы, — серьезно обронил вождь.

— Сколько их? — как бы невзначай осведомился я.

— Шестьдесят две.

Итак, у короля было 62 супруги...

Изучая устное народное творчество народов Западной Африки, я обратил внимание на почти полное отсутствие в нем любовных баллад. Нет пылких строк о возлюбленной, ее неземной красоте, нет зажигательных поэтических слов о любви к женщине. Даже в большей части стихов современных поэтов — как и в фольклоре — встречаешь разве что проникновенные сыновние слова о женщине-матери, дающей жизнь, о женщине-труженице, без которой невозможно представить себе экономику африканского традиционного общества. Чем ближе к скалам, к пустыне, к недоступной и изолированной лесной глуши, тем меньше лирики и тем больше прозы, тем больше практических забот о бренном существовании, тем меньше возвышенного искусства.

Действительно, те, кто кочует, те, кто живет близ полюса жары, в первобытных или, скажем мягче, трудных условиях, всецело поглощены борьбой за существование. Их художественное творчество замыкается на близких к правде легендах и сказках, а также изредка на

изготовлении из скудных подсобных материалов статуэток и масок. И даже проблемы пола — чего, казалось бы, проще — сводятся у африканцев к плодородию, к продолжению и умножению рода, что необходимо в чисто экономических целях. Поэтому-то — еще совсем-совсем недавно — в искусстве различных африканских народов женщина изображалась бок о бок с мужчиной, а также на ложе любви, беременной или во время родов.

В Африке особенно заметно, как в зависимости от географических условий, от образа жизни и трудового занятия народа меняется акцент на тот или иной вид или жанр искусства.

— Пора приступить к торжествам, — подал знак вождь.

Перед тем как это сделать, по обычаям старины была принесена в жертву лягушка. Ее разрубили пополам и половинки предложили откусать гостям. Поскольку среди нас добровольцев не нашлось, то король и его главный министр с видимым удовольствием наспех закусили квакушкой и тем дали окончательный сигнал плясуньям.

Отец взял в супруги много женщин,
Отец взял в супруги много женщин.
Он женился на Билоа, Нтсаме.

Ай да Селбен!

Затем добавил Ноно и других.

Ай да Селбен!

Пока одни ходят к источнику с амфорой на голове,
Другие обрабатывают поля,
Третьи убирают двор, варят еду...

О наш отец, о наш мудрый Селбен!

Ай да Селбен!

У отца много жен. Они ухаживают за ним и его домом.

Они дают отцу время и силы,

Чтобы родились мы, его многочисленные сыновья и дочери.

Не было бы нашего мудрого отца,

Не было бы на свете нас, его благодарных детей.

О наш отец, о наш мудрый Селбен!

Ай да Селбен!

Селбен живет мудро, припеваючи, по заветам предков,

Селбен не знает горя и нужды.

Так будем же брать пример с этого мудрого человека!

Ай да Селбен!

Этой лихой и забавной величальной песней хор мужчин и женщин сопровождал пляски королев.

Уже давно опустила свой полог ночь. Лунный свет с холодной серебристой улыбкой озарял спутанный клу-

Танцуют «королевы» села Румзо
на севере Камеруна

бок пляшущих королев. Эти танцы происходят лишь в полнолуние, танцевать днем или в потемках — грех. Пляски мофу в отличие, например, от ритмичных танцев некоторых народов банту или бамбара беспорядочны, безыскусны, но энергичны. Королевы, размахивая тесаками и орудиями, похожими на серпы, крутились волчком вокруг своей оси. Каждая из 62 — плюс принцессы — силилась привлечь внимание только к себе, а потому почти преднамеренно нарушала общую гармонию. Иногда танцующие образовывали тесный крутящийся кружок, в свою очередь состоявший из нескольких кругов, двигавшихся в разных направлениях, и хаотичная пляска принимала, но не надолго, организованный характер.

Музыканты, кто как мог и кто как хотел, били дубинкой о дубинку, палкой о палку. Барабанщик энергично дубасил кулаком по инструменту, который небрежно поддерживал левой рукой; несколько человек гулко трубили в рога антилопы, ракушки улиток, шумно

трясли погремушками. Стоял невыразимый гвалт. О слаженной пляске в унисон под такой оркестр не могло быть и речи. Однако в происходившем ощущалась своя душевность, своя внутренняя гармония: в танце предстала вся противоречивость, вся непоследовательность и непредвиденность жизни этого народа, заброшенного капризной судьбой на неплодородные скалы под раскаленное солнце центра Африки.

— А не слишком ли дорого обошлись вам столько жен? — спросил я вождя.

Мой вопрос пришелся ему по вкусу. «Не похваляйся одной, пусть даже рачительной и любвеобильной супругой, а хвались ста женами, не говори об одной, пусть даже жирной корове, а гордись сотней зебу», — гласит мудрость кирди. И мой вопрос попал в точку — он соответствовал упомянутой поговорке. Вождь сразу же напомнил мне эту поговорку, подчеркнув, что весьма доволен тем, что я не забыл о числе его жен.

— Пустяки, — усмехнулся он при этом. — за десять-пятнадцать коров вы можете выбрать любую девушку села и завоевать уважение ее почтенных родителей.

Тем временем песнопения, которые вождь переводил мне на хороший французский язык, становились все более фривольными. В хоре мофу главное — не скрупулезное, скажем, дотошное следование какой-то четко выраженной мелодии, а слова. Музыка же — эмоциональный фон, внешний возбудитель слушателей и самих поющих. Королевы уже пели, явно задирая гостей:

Посмотрите на нас —

Мы прекрасны, мы молоды и гибки.

Нас не уподобишь старухам,

Которые не едят саранчу.

Какой-то разошедшийся молодой человек из толпы не выдержал и, ничуть не опасаясь ревности короля (и не без оснований — мофу не знают, что такое ревность, но это особая история), со смехом исполнил куплеты:

Мое имя Тумба, сын Фанты.

Неужели ты, о принцесса-девушка,

Отпустишь меня этой чудной ночью,

Не открыв таинственное чудо твоих прелестей и ласк?

Я умен и ловок. Я соблазню тебя

Единым словом.

А если и тогда ты заупрямишься,

Я словно ветер украду тебя темной ночью.

— Похитить девушку и бежать с ней в Гаруа (центр Северного Камеруна) — мечта всякого лихого молодца, — прокомментировал смеявшийся в кулак вместе со всеми вождь.

— А как же десять-пятнадцать коров? — настаивал я.

— Заплатит потом. От этого никуда не уйдешь. Таков обычай.

Девушка между тем отвечала:

...Ба! Друг мой. Это пока пустые слова,
Слова, даже если ты будешь твердить их тысячу раз.
От слов далеко до дела.
Когда дует ветер, надо еще знать,
Откуда он дует и в какую сторону.
Перейди от слов к делам,
Только так ты станешь мне понятней и милее.
Для меня ты — человек,
которого я не видела в хижине своей матери.
Во всяком случае, не чаще других ты заглядываешь к нам.
Солнце быстро встает и быстро заходит.
День короток, но я все же внимаю твоим словам.
Я жду исполнения твоих обещаний,
Я жду тебя в своей хижине, озаренной полночной луной...

В этот момент вспомнились ритуальные танцы, описанные в 20-х годах Рене Мараном в первом африканском романе — «Батуала». Они заканчивались всеобщей вакханалией. А что было бы здесь, в Румзо, если бы плясало все село, а не высокопоставленные дамы, если бы не было бледнолицых гостей? На этот вопрос не берусь ответить. Да и можно ли узнать психологию и обычаи племени, пробыв среди мофу всего вечер, одну лишь ночь?

Было уже за полночь, далеко за полночь, когда мы нехотя оторвались от насиженных табуретов, размяли затекшие спины и продолжили путь к заповеднику Ваза. И снова перед нами дыбились крутые подъемы и стремглав бросались вниз головокружительные спуски. Но, машинально толкая всей тяжестью тела обессилевшую машину на очередную кругизну, мы все улыбались, еще не избавившись от воспоминаний о Минде, Хабибе, Билоа, Гаджи, Далине, Мандже, Фанте... да разве упомнит сам вождь мофу имена всех своих супругов?

Тупури — скотоводы и земледельцы, обитающие в Северном Камеруне и на крайнем юго-западе Чада. Среди приблизительно двухсот народов Камеруна тупури, которые входят в языковую группу мбум, славятся умением варить пиво из проса, напиток чистого, янтарного цвета, по вкусу и по цвету не уступающий промышленному. Тупури Чада не отстают от своих камерунских соплеменников ни в пивоварении, ни в ремеслах: да и как отстать, если живут они друг с другом душа в душу — пешком регулярно ходят в гости за границу. Мужчины и женщины тупури круглый год ничего не надевают, кроме экзотических набедренных повязок из пучков изумрудной травы, куска козьей кожи или кожаных колец, едва прикрывающих чресла. Внутри саре — огороженного невысокими стенами из камней семейного хутора — всегда найдется священная курица, баран или зебу (в зависимости от достатка), которые выступают в роли хранителя семьи. Отправляясь в путь-дорогу, хозяин дома приходит к священной животному, трогает его голову рукой и сообщает ему о своем предстоящем походе. Перед посевом хранителю подносят горсть проса и затем объявляют о намерении приступить к работе. Тупури вообще ценят хорошее общество, но особенно любят они собираться вместе по большим сезонным и ритуальным праздникам. Десятки километров пути ничто для тупури — лишь бы после изматывающего земледельческого труда на каменистых почвах нагорья провести всем вместе несколько дней и ночей напролет в безудержных танцах и бесшабашном веселье.

На севере Камеруна я случайно попал на народный праздник в одной из деревушек, в которую мне порекомендовал заехать тогдашний министр информации, интеллигентный и доброжелательный Врумсия Чинай, тупури по национальности.

Каждый год в разное время, но более всего в период сухого сезона, когда на Северном плоскогорье Камеруна стоят звездные прохладные ночи, когда телятся буйволицы, когда коровье молоко наиболее питательно, мужчины-тупури уходят в деревни, оставляют свои семьи и разбивают где-то на отшибе лагерь. Жены не жалеют об этом: их мужья обязательно вернуться в лоно семьи креп-

кими и помолодевшими. В лагере они проходят традиционный, завещанный мудрыми предками курс лечения коровьим молоком, который по изустной летописи и предписаниям народной медицины должен сделать их сильными и еще более красивыми — «оздоровить их дух и плоть».

Гуруна («пьющие молоко») — так их называют в этот период — образуют временное общество со своими законами и правилами. Они ведут особый образ жизни, имеют право на некоторые «демократические свободы», в которых им в обычное время отказывают. Во время деревенских праздников, падающих на это время, гуруна участвуют в массовых танцах, поют песни, выставляют папоказ свои стройные, атлетически сложенные тела.

В лагере бессонными ночами накануне очередного праздника в каком-либо окрестном селе гуруна складывают и разучивают новые песни и танцы, которые затем подхватываются всеми тупури.

Один из наиболее популярных танцев гуруна — фианга. Более 50 человек с палками в руках тесным строем в завораживающем ритме, поднимая и опуская в такт посохи, надвигаются на зрителей, а затем затылок в затылок волчком двигаются в густом клубке по кругу. Пыль, взбиваемая их ногами, в лучах заходящего солнца придает их телам желто-розовые тона, способные привести в восхищение художника.

Тупури питают пристрастие к духовым инструментам. Оркестр из трех больших цилиндрических барабанов (гумбал), обтянутых кожей, различных свистков (дифна), иногда нескольких длинных труб импровизирует на заданную тему, так что каждый раз старая фианга звучит по-новому.

В своих танцах гуруна демонстрируют целебную силу молока и красоту здорового мужского тела. Обычно традиционная группа гуруна образуется в конце или накануне трудных полевых работ. Гуруна — еще один пример разумности некоторых вековых африканских обычаев.

В декабре 1968 года в западнокамерунском городке Буэа, приютившемся на одном из уступов вулканического горного массива Камерун, я познакомился с Жозефом Мвондо. Он сразу же привлек меня своими недюжинными познаниями в области африканского, и особенно камерунского, искусства. По вечерам мы бродили с ним по темному, почти всегда растворенному в густом облачном тумане высокогорному городу и беседовали. Но больше я слушал Жозефа. Рассказывал он увлекательно.

— Знаешь, Владимир, — заметил он однажды, — европейцы привыкли судить о нашем искусстве по маскам, но поверь, даже о масках вы знаете не так уж много, хотя наше искусство не ограничивается ими одними. Маску недостаточно рассматривать, упиваясь ее внешней экзотикой, ее надо понять, вникнуть в ее суть, иначе впечатление окажется поверхностным и неполным. Вспомни большинство работ иностранных специалистов по африканскому искусству, и ты легко убедишься, что их анализ формален, а тайный смысл, если хочешь — философское содержание маски, остается для авторов покрытым непроницаемой мглой.

Жозеф сделал паузу, затем усмехнулся:

— Все ли тайны прошлого раскрыты людьми? Есть маски, о существовании которых знают даже не многие африканцы. Хочешь увидеть одну из них? Если, конечно, владелец ее на это согласится.

Мне повезло — владелец маски на удивление быстро согласился принять чужестранца. Может быть — по-видимому, это так и было, — Жозеф объяснил, что гость приехал с дальнего севера. Пригибаясь, мы вошли в неказистую, такую же, как тысячи других в этом районе, хижину с рыжим земляным полом, глинобитными стенами, закрепленными побегами болотной пальмы рафии и бамбуком, с маленькой печкой по-черному, дым от которой вытягивался через соломенную крышу. На самодельном столе тускло горел керосиновый фонарь. Миловидная хозяйка поставила перед нами терпкое, кисловатое пальмовое вино и удалилась на все время нашего разговора. Беседовали в африканском стиле: долго о том, о сем, вокруг да около. Наконец, любопытство, с недав-

нее меня все это время, возобладало. Я уже не мог ждать.

— Что же это за неведомая маска, о которой мне столько говорил Жозеф? — осведомился я у хозяина, улучив момент.

Тот, словно оценив выдержку гостя, не стал томить меня ожиданием.

— Вот она, — показал он рукой в темный угол хижины.

Из полумрака, свирепо оскалившись, смотрело... живое человеческое лицо. Жозеф поднял со стола фонарь, чтобы получше осветить маску. Я содрогнулся. Впечатление было необыкновенное. Маска бросала на меня пронизывающий, безжалостный взгляд. Ее желтоватое аскетическое лицо было окрашено каким-то особенным чувством превосходства и даже презрения ко всему окружающему.

Это была маска экои. В верховьях реки Кросс, по обеим сторонам камеруно-нигерийской границы, живут экои, насчитывающие не более 100 тысяч человек. Их тайное традиционное общество «Экпе», в котором состоят только посвященные, включает семь замкнутых секций. У каждой из них с незапамятных времен свои собственные танцы и свой символический образ — маска в виде человеческой головы, тщательно вырезанная из дерева и покрытая кожей антилопы.

Говорят, что когда-то на маски натягивалась кожа поверженного врага или раба. Самое любопытное в масках экои — это то, что они до мельчайших подробностей скопированы с реального человеческого образа без присущей африканцам стилизации. Однако реализм несколько не мешает мастерам придавать маске соответствующее эмоциональное выражение, воздействие которого на зрителя велико. Окрашенные деревянные или металлические зубы сверкают ослепительной натуральной белизной. Во время церемоний личины с наголовниками или без них надеваются на макушку носителя, голова которого скрыта капюшоном. Описываются маски, которые водружаются на окутанный тканью каркас — туловище с человеческими очертаниями и подвижными руками и ногами.

Распространены двуликие маски — Янусы с черным (мужским) и белым (женским) лицом. Эти два плавно

переходящих друг в друга лица соответственно символизируют отца-небо и мать-землю, или прошлое и будущее. Экои оберегают свои маски от взглядов чужеземцев. Похоже, они боятся, что чужой взгляд осквернит маску, лишит ее магической силы. Возможно, есть и другие, еще более веские соображения. Не только приобрести в наши дни, но даже увидеть маску экои — великая удача. Один европейский журналист, работавший на радио Буэа, провел несколько месяцев в одной из деревень экои, питался за одним столом с ними, жил их жизнью. Ему удалось завоевать расположение крестьян и приобрести такую маску.

В мае 1969 года в Западном Камеруне, недалеко от города Мамфе, мне довелось беседовать со стариком экои, который поведал легенду о происхождении масок.

— Однажды, — рассказывал он, — сурок по имени Нки отправился в лес за пальмовыми орехами. Когда он срезал гроздь, один орех упал и закатился в подземный город умерших, где его подобрал сын вождя и съел. Побежавший искать орех сурок пришел к умершим, увидел юношу и понял, что произошло. Нки нашел его отца и потребовал: «Отдай мне орех, который съел твой сын». Добрый вождь дал ему барабан. «Этот инструмент, — обещал глава подземного города, — заменит тебе то, что ты потерял». Нки взял барабан и вернулся домой. Каждый раз, когда он играл на волшебном инструменте, перед ним появлялась калебаса, полная фруктов и всякой седи. Нки быстро разбогател. Но как-то о его секрете проведал леопард Нгбо. Нгбо улучил время и похитил барабан. Опечаленный Нки вновь отправился в город умерших. Там его опять пожалели и дали ему нгюк, большой барабан, под который у экои танцуют маски. Вернувшись на землю, Нки ударил в нгюк, но в тот же миг вместо жданных яств из барабана выскочила маска и задала бедному сурку основательную взбучку. Нки, однако, не растерялся и вновь ударил в барабан. Грозная маска тотчас спряталась. Поощренный первой удачной кражей, леопард украл и нгюк. В густом тропическом лесу он выбрал полянку и ударил в барабан, но столь сильно, что из него сразу выскочили семь масок. Испуганный и побитый, Нгбо разбил инструмент и раскидал его по кусочкам, а затем позорно сбежал. Оставшиеся без приюта маски захватили соседнюю

деревню и покорили ее жителей. С тех пор маски живут на земле, люди боятся их и чтут.

— Маска связывает мир живущих на земле и тот таинственный мир, куда перекочевали наши предки, — промолвил в заключение старик.

Прошлое слишком молчаливо, чтобы подтвердить версии происхождения той или иной маски, но одно несомненно: все они — плод человеческой мысли и воображения, а потому прекрасны и многообразны; каждая из них таит в себе глубокую тайну многих поколений африканцев.

В сегодняшней Африке маски десакрализируются, появляются новые образы, почерпнутые из современности. У соседних с экои ибибио этот процесс значительно заметен. Новые маски изображают действующих лиц представлений с игровыми сюжетами, то есть становятся масками актеров развивающегося африканского народного театра. Параллельно происходит и другой процесс: маска постепенно теряет былую символику. Из памяти нынешних поколений стираются обряды и мифы, связанные с ней. Под влиянием невзыскательных вкусов западных туристов, коммерческого подхода к культуре маска порой округляет, стандартизирует свои формы. На смену ее философской обобщенности и глубокой жизненности приходит обывательская экзотика. Однако старинная обрядовая маска с ее целесообразными, глубоко продуманными, символическими чертами остается одним из эталонов африканского искусства. До сих пор, вспоминая маску экои, я волнуюсь, будто от новой, внезапной встречи с чем-то живым, всемогущим...

СУЩЕСТВО, ОВЕЯННОЕ ЛЕГЕНДАМИ

Змеиный континент

Сотни поверий и легенд связаны в Африке со змеями, масса культов окружает это странное существо.

Живя в этой части света, нужно быть всегда готовым к встрече со змеями. В декабре 1968 года я приехал в Верхнюю Вольту. Развернув однажды газету «Карфур африкэн», прочел постановление столичного муниципалитета о борьбе с ядовитыми змеями. По данным муни-

ципалитета, только за один 1968 год в городе и его окрестностях было убито свыше четырех тысяч рептилий.

«Вот это штука,— подумал я.— Так не мудроно в одно прекрасное утро проснуться рядом со змеей».

Преподаватель естественных наук в колледже Уагадугу француз Роман написал труд об африканских змеях и противоядиях от их укусов. Он и его помощники — вольтийские крестьяне — отловили приблизительно четыре тысячи змей, принадлежащих к более чем 60 видам. 80 процентов из них были ядовитыми. Почти половина приходилась на кобр и гадюк. Четыре вида кобр были отнесены Романом к наиболее опасным. Правда, самой смертоносной все же оказалась маленькая гадюка лешис, яд которой молниеносно разлагает гемоглобин. На юге республики Роман обнаружил присутствие страшной змеи — зеленой мамбы. Во время моей поездки в Вольту помощники Романа как раз охотились за ней, чтобы, поймав, точнее классифицировать этот вид мамбы и найти специальное противоядие.

Эксперименты Романа — ответ на решение муниципалитета Уагадугу. Столица Верхней Вольты — не исключение среди других африканских столиц, а, скорее, правило.

На моих глазах в Яунде, в самом центре, во дворе одного из посольств за вечер было убито четыре ядовитых змеи. В Бамако один шофер, усевшись в свой газик, хотел по привычке отжать сцепление, но вовремя обнаружил змею, обвившую педали. Наша вилла в Яунде была расположена в одном из центральных районов.

— Мама, смотри, какая красивая ящерка! — крикнула однажды утром моя четырехлетняя дочь, игравшая в саду.

Мы с ужасом увидели, как у ее ног не спеша проползала юркая банановая змейка «пятиминутка».

Из 2500 видов змей, живущих на нашей планете, только 300 представляют реальную опасность. Укусы почти всех змей из этих 300 не смертельны. Своевременная помощь может легко устранить последствия прикосновения змеиного «жала». Бывают и курьезы: в Бамако одного болгарского товарища, страдавшего от ревматизма, ужалила змея. Благодаря этому он полностью излечился.

В тропических лесах центра Африки, окрасившись

под цвет окружающей среды, живет грозная мамба. Спасти человека, получившего ее яд, можно только, если помощь ему будет оказана в течение пяти минут после укуса. Мамба — одна из редких змей, которые сами нападают на людей. Впрочем, лишь тогда, когда человек оказывается на ее привычной тропе, ведущей к норе, или около самой норы. В других случаях мамба трусливо удирает в заросли, почему и встречи с ней крайне редки.

Кобра, или очковая змея, встречается в саванне, в лесу и даже... в городах. Общительное существо предпочитает селиться поблизости от теплых человеческих жилищ. Обладая отчаянным нравом, она в поисках пищи пробирается даже в дом, где старательнее кошки охотится за грызунами. Грызуны же в Африке — не только похитители домашних припасов, но и разносчики самых страшных болезней, вплоть до чумы. Так что несколько украденных кур или яиц — мизерная плата за ту пользу, которую страшная кобра добровольно приносит человеку.

Кобры живут на земле, деревьях и в воде. Укус кобры опасен, но редок, так как она боится человека и молниеносно уползает при его приближении.

В Камеруне и Центральноафриканской империи водится черно-белая кобра меланолеука. Величественная змея длиной до трех метров имеет сочный черный цвет кожи с металлическим оттенком. В Мали от проводников я часто слышал о «плюющей» черношейной кобре нигриколлис. Ее ядовитые выстрелы подобны пулеметной очереди. Кобра способна выплевывать яд около 28 раз подряд с интервалом в 0,07 секунды на расстояние до двух-трех метров, обычно целясь в глаза. Плевком кобры в глаза сначала причиняет жгучую боль, затем временную, а кое-кто утверждает, что и постоянную, слепоту. Целительными свойствами от яда «плюющей» кобры обладает свежее буйволиное или коровье молоко. Кроме того, у африканцев имеются свои противоядия — смесь соков разных трав, нейтрализующая действие яда.

Аббат Жан-Поль Байеми рассказал мне однажды:

— У нас, в селах вблизи Яунде, есть такой обычай. Женщины плетут из веток рафии люльки для детей. Отправляясь на полевые работы, они оставляют детей в

этих корзинках на земле. Иной раз, пока мать отсутствует, в люльку забирается змея и обвивается вокруг ребенка. Ребенок таким образом «пригревает» около себя змею. Когда мать возвращается и видит змею, она, естественно, издает крик ужаса, а змея, не обидев ребенка, выскальзывает из люльки и исчезает в кустах. Я еще не знаю такого случая, чтобы змея укусила грудного ребенка в его люльке.

Может быть, такое и бывает, но все же осмотрительность никогда не помешает. И в кемпинге лучше лишний раз встряхнуть простыни и одеяло до того, как лечь спать, а утром проверить ботинки и одежду.

Французский герпетолог Ив Виаль выловил за свою жизнь не одну сотню африканских змей. Он как никто изучил мир этих удивительных пресмыкающихся. Виаль признает жестокость змеиных инстинктов, но больше верит в благонамеренность змей. Вот его слова:

— Когда знаешь их повадки, змеи не производят столь пугающего впечатления. Соблюдая некоторые правила предосторожности, человек почти ничем не рискует.

Объект почитания

Во все времена змея играла весьма важную роль в жизни и религии народов. В древнем Египте некоторые виды змей обожествлялись и после смерти мумифицировались. Кобра была символом мощи и власти. Именно кобре, которую звали «Рененутет, хозяйка житниц», приносили первые плоды, первое зрелое зерно. Богиня изобилия Рамен имела змеиную голову. В образе рептилии выступала сама судьба. Древнеегипетские мифы описывают таинственный остров, которым правила добрая змея, а также сообщают о бессмертной змее — хранительнице Главной книги волшебств.

Во многих странах Западной Африки змея — неизменный персонаж в мифах и поверьях. Изображение змеи находят еще в скульптурных рельефах доисламских захоронений района Мопти (Мали). Почему африканцы почитают змей? Почему они отпускают рептилиям грехи за смертельные укусы?

Одно из сказаний байя, живущих на севере Камеруна близ озера Чад, называется «Кто виноват в том,

Эта деревня в камерунской саванне
похожа на любое селение в центре Африки

что змеи жалят». Некогда люди и змеи были добрыми соседями. По утрам змеи уползали на охоту, и лишь их вождь — гигантский удав оставался дома. Возвращаясь, каждая змея бросала дичь на порог хижины удава и повторяла при этом два магических слова: «Бге йенга». Вождь, слыша этот пароль, впускал к себе подданных. Однажды Ванто, бессменный герой сказок байя, подслушал пароль и, вероломно обманув своего друга — удава, убил его, а мясо съел, поделив его с членами своей семьи. Об этом случайно от детей Ванто проводили змеи, и Ванто стал первым человеком, укушенным в отместку змеями. С тех пор, говорят байя, змеи не могут простить людям их предательства.

Филипп Бабио ежедневно убирал корпункт ТАСС в Лунде. Кроме того, он был моим советником-экскурсоводом по флоре и фауне Камеруна. Ему неведомы были научные термины, но он знал полезность коросоли или барбади (тропический плод), мог распознать десятки видов трав, известных народной медицине или кухне.

— Филипп,— спросил я его,— почему вы одновременно боитесь и почитаете змей?

— Мы их не боимся,— возразил он, а затем, помолчав, добавил: — Один очень старый человек сказал однажды людям: «Не трогайте змей, и они вас не тронут.

Змеи не злые. Укус змеи случаен, и в нем больше виноват человек, чем змея».

Эта маленькая беседа — узенькое окошко в африканскую психологию в вопросе о змеях и людях.

Почему африканцы оправдывают пресмыкающихся, которые по их же поверьям сделали людей смертными? В сказке народа коно (Сьерра-Леоне) рассказывается, что некогда на земле жил первый человек с женой и совсем юным сыном. Верховное божество обещало им, что никто из них не умрет, а когда они достигнут старости, оно пришлет им новую кожу. Люди старели. Наконец божество вспомнило о своем обещании, свернуло в тюк новые кожи для человека и его жены и поручило собаке отнести все это людям. По дороге пес проголодался и, повстречав других животных, которые лакомились рисом и тыквой, принял их приглашение разделить трапезу. Положив в сторонку тюк, беспечная собака присоедибилась к компании.

— Что ты тащишь? — осведомился кто-то.

— Новую кожу людям, — выдал простодушный пес тайну поклажи.

Разговор подслушала змея, которая украдкой подползла к тюку и уволокла его, поделив кожу между своими соплеменниками. Собака призналась человеку в краже, и тогда они оба вновь отправились к божеству, но было уже слишком поздно. Другой кожи не нашлось, а украденная сохранилась за змеями. С тех пор люди стали смертными, а змеи были изгнаны из деревень и обречены на одиночество. Человек же, встретив змею, стремится убить ее.

И все же африканцы не только оправдывают змей, но и чтут их. Какова подоплека этого культа? Змеи всегда зачаровывали людей. В их извилистой, ускользающей форме и повадках, в их подчас волшебной разумности действий, в простом факте смены кожи находили нечто сверхъестественное и даже образ самого бессмертия. Существо, живущее в одиночестве, передвигающееся без ног, представляло для человека не только постоянную угрозу, но и загадку.

Дворец короля Гезо в Абомее (Бенин) ныне превращен в музей. На его глиняных стенах вылеплен любопытный барельеф. Белая змея с красными и голубыми кольцами на шее положила в рот свой хвост и образо-

вала замкнутый правильный круг, бесконечную линию, у которой нет ни конца, ни начала. Это — африканский символ вечности жизни, постоянно встречающийся мотив в искусстве различных народов континента. Змея, проглотившая собственный хвост, изображается на тканях, в деревянных и каменных скульптурах, на стенах местных хижин и дворцов, отливается в бронзе и железе.

На двери другого старинного дворца в Народной Республике Бенин выделяется яркими расцветками двурогая змея, кусающая хвост. Это также символ, отпугивающий все недоброе — духов и людей — от этого места. В центре фасада величавого дворца в Бенине (Нигерия), разрушенного в 1897 году, во время колониального захвата страны, возвышалась пирамида высотой 30—40 метров. По ней от вершины к подножию, чуть не касаясь земли, сползала могучая медная змея, хранительница династии. Ее голова была обращена в сторону входивших во дворец. Несколько веков охраняла она дворец. Ножки трона бенинского вождя также были выполнены в виде змей, приготовившихся к последнему прыжку.

У некоторых народов змея — это еще и воплощение справедливости. Бауле взвешивают золото разновесами в форме змеи.

Спор прошлого с настоящим в Африке еще далеко не закончен. Суеверия и предрассудки, основа быта деревни, особенно в районах тропических лесов, цепко держат в плену сознание простых африканцев. До сих пор африканец в трудную минуту по старинке призывает к себе колдуна. Колдун является, как положено, в полном первобытном снаряжении, состоящем из множества деталей — от сотни крошечных амулетов гри-гри, которые якобы оберегают их владельца от разного рода напастей, до одежды, на которой мастерски вытканы необходимые для эффективного колдовства мотивы. На костюме одного из бенинских колдунов, например, были вышиты сцены отпугивания злых демонов. Здесь маги, бьющие в гонг, дабы разогнать духов. В руках у других знахарей волшебные топорики. Одному из топориков придана форма головы барана, извергающего молнию из раскрытого рта, — символ бога-громовержца Шанго. Два человека держат в руках питонов, направ-

ляя их в сторону злых сил. Все эти ритуальные образы увенчаны сверху огромным величественным двурогим змеем.

Змея — спутник большинства африканских обрядов. Фоны рассказывают, что, когда был создан мир, змея спрессовала землю между своими кольцами, дав людям место для жизни. Она продолжает поддерживать мир, и, если бы ее кольца разжались, мир распался бы. Кольца змеи фоны располагают так: 3500 колец над землей и 3500 под ней. По другой версии, змея воздвигла четыре опорных колонны для земли и, чтобы колонны стояли прямо, сама крепко обвилась вокруг них. Три перво-зданных цвета — черный, белый и красный — являются одеяниями, которые змея последовательно меняет ночью, днем и на закате. Эти одежды обвиваются вокруг небесных колонн. Змея — воплощение вечного движения. Ее кольца не заостенели в мертвой хватке. Они находятся в состоянии безостановочного вращения вокруг земли и поддерживают движущиеся небесные тела. Змеиные, извивающиеся, искривленные линии, по африканским поверьям, можно распознать в спокойных водах, в реках и ручьях, в волнующейся анархии океана. Змея выныривает во всем своем грозном великолепии в раскате грома и вспышке молнии, в мягком изгибе красочной радуги.

Когда-то на земле существовал океан мертвых, стоячих вод, утверждают африканские легенды. Прорезав русла рек, змея дала жизнь и движение неподвижному миру.

По одной из легенд, змея была сотворена первой. Затем она отправилась в путь, держа во рту творца, который мимоходом, из этого удобного убежища создавал землю в ее нынешнем виде. Каждую ночь, когда творец и змея останавливались на отдых, из экскрементов змеи вырастали высокие горы, в которых до сих пор люди время от времени находят сокровища. Создавая землю и окинув взглядом плоды своего труда, творец обнаружил, что земля еле-еле в состоянии удержать на себе огромное число созданных им гор, деревьев и больших животных.

«Да, — вздохнул он, — перестарался же я. Сможет ли земля вынести эту массу и не рухнуть в пучину безбрежного моря, окружающего ее?»

У входа во дворец султана бамумов в Фумбане

И он попросил змею свернуться в кольцо, положив хвост в рот, и подпереть землю. С тех пор змея приняла форму круглой подушечки, вроде той, которую африканские женщины кладут на голову, чтобы примостить на ней кувшин с водой или другую поклажу. Красные обезьяны кормят эту змею. Каждый раз, когда она меняет положение, случается землетрясение. Если обезьяны вдруг забудут покормить змею, она проглотит свой хвост, и тогда земля, вес которой за время, истекшее со дня ее сотворения, значительно увеличился, утонет в океане.

Довольно часто змею наделяют волшебной силой божества. Объектом культа стали прежде всего питоны в силу их внушительных размеров и кротости. Жители районов Западной Африки, где изобилуют водные источники, верят, что в образе питонов скрываются высшие существа: бог вод, бог войны, богиня плодородия, бог искусств, бог мудрости и земного счастья. В бенинских городах Абомей, Уида, Бохикона и Зиниондо питонов селят и кормят в специальных храмах — цилиндрических глиняных хижинах с остроконечными

соломенными крышами. Жрецы и жрицы приводят «заблудившегося» питона обратно в храм, если тот от него удаляется. На религиозных церемониях эти жрецы танцуют и, впадая в транс, начинают пророчить: змеи якобы сообщают им сведения на неизвестном людям языке.

Моси также почитают питонов как покровителей деревьев. Их держат в священном лесу или роще, но если питон покидает пределы леса, его убивают.

На гербе султана бамумов в Камеруне — двуглавая змея, символ мощи и мужества. В Народной Республике Бенин до сих пор встречаешь крестьян с браслетами и кольцами в виде двуглавой змеи. По поверьям, подобное украшение предвещает счастье. Что касается перстней, то их особенно часто носят в сезон полевых работ как средство от змеиных укусов. Народная молва утверждает, что перстень отпугивает змей, ибо они не кусают друг друга. У некоторых народов Берега Слоновой Кости есть поверье, что питон, изображенный в виде кольца, браслета или сережек, предупреждает и лечит сонную болезнь. На юге Камеруна увидеть во сне змею — к ссоре.

Многие хорошие и дурные приметы связаны у африканцев со змеями. У мпонгве в Габоне целый кодекс таких примет. Споткнуться левой ногой о большой камень или корень, наткнуться на убитую мускатную крысу посередине дороги, увидеть хамелеона, копающегося в песке, или, наконец, встретить окенджу (желтую змею) на тропинке — дурные приметы. Габонские бвити устраивают в честь змеи грандиозную церемонию, умоляя чудище соучаствовать им во всех делах. Аньи (Берег Слоновой Кости — между Буаке и Абиджаном) верят: если змея пересекает путнику дорогу слева направо, то можно возвращаться домой — удачи не будет. Если змея проскользнет справа налево — добрая примета.

Отношение людей к змеям в Африке полно противоречий, которые трудно объяснить, но факт остается фактом: нет другого (вероятно, кроме хамелеона) животного, которое бы пользовалось таким почтением у людей, живущих на «черном континенте».

Супруги ассалы

Радуги в Африке такие же, как и в других частях света. Быть может, только в некоторых ее районах это более частое явление природы, чем где бы то ни было еще. Заканчивается короткий проливной грозовой дождь — и разноцветная дуга опоясывает бездонную сечь неба. «Некогда, — рассказывают сараколе, — юную прекрасную девушку должны были бросить в реку, дабы умилостивить осерчавшего питона, хозяина вод. Но в тот момент неизвестно откуда явился отважный юноша, разрубил питона надвое и спас ее. Половинки разрубленного божества образовали радугу, покровительницу мужественных и влюбленных». Эве и йоруба считают питонов посланцами радуги. Для нигерийских эса (более известны как ишан) радуга — небесная змея, хозяйка дождя.

Радуга мимолетна, почти неуловима. Она возникает и в солнечный день. Как говорят камерунские бафия и баса, «те, кто жует сахарный тростник» (невнимательные), не способны увидеть радугу во всей ее сочной красе: она так же быстро появляется, как и исчезает.

«Мбумба!» («Большой питон!») — восклицают живущие в Габоне эшира, мпонгве и миене, завидев гигантскую «небесную арку».

В мифологии фонов радуга символизирует змею: красная ее часть означает мужское начало змеиного племени, сине-зеленая — женское. Мечта фона найти начало или конец радуги. По народным поверьям, «там, где кончается змея», спрятано сокровище — «богатства змеи». Это может оказаться золото, добываемое в горах, либо эгри (эгри в обиходе означает старинный бисер, разноцветные камни или стекло). Особенно красивые голубые эгри — бисеринки — находят на гвинейском побережье.

Когда я вглядываюсь в очаровывающую гамму радуги, мне грезится мираж — царство удавов, стерегущих несметные богатства. И я невольно ускоряю шаг... А вдруг посчастливится догнать этот мираж, ворваться в середину зыбкого, ускользящего столба, чтобы достичь заветного «места, где кончается питон»...

Змея змее рознь. Конечно, мир не без «добрых кобр» и мамб. В Криби, на атлантическом побережье

Камеруна, крестьянин баса уверял меня, что его соплеменник, живущий в глуши леса, носит в набедренной повязке живую нажу (кобру). И все же другим змеям африканцы предпочитают удавов.

Самый грандиозный из всех удавов Западной Африки — удав себа. Редкостный змей встречается в южной части Сенегала и далее на восток — южнее озера Чад. Длина прекрасного в своей мощи тела благородного себы, покрытого красивыми бурыми и синеватыми пятнами, достигает семи метров. Молва доводит ее до 12 метров. Себа — завзятый путешественник по натуре. Он перемещается на очень дальние расстояния. Чтобы закусить парой-тройкой куриц или козленком в какой-нибудь деревеньке, себа легко переплывает широкую реку. Этот удав легко может «заглотнуть» кроткую овечку или бесшабашного поросенка, а иногда не прочь полакомиться и лягавой собачонкой. Охотиться себа способен круглые сутки, но предпочитает делать это ранним утром. Себа добродушен. Людей он почти не трогает, но именно они принесли ему много несчастий. Люди подстерегают питона из-за его вкусного мяса и красивой кожи.

Королевский питон уступает по размерам себе, хотя его тоже можно считать удавом-великаном. Узорчатая кожа с замысловатыми черными рисунками на желтом, кремовом фоне напоминает королевскую мантию или леопардовые одеяния вождя из района конголезских джунглей. В Бенине, Нигерии, Центральноафриканской империи, Камеруне и других странах водится именно этот вид питонов. Королевский питон — смирное и миролюбивое пресмыкающееся. Его основная пища — грызуны.

В жизни удавов много любопытного, что наряду с необыкновенной добротой и понятливостью родит в людях сомнения относительно принадлежности этих существ к дикой фауне. По крайней мере питоны, по местным понятиям, принадлежат если не к особым, священным существам, то к элите животного мира. Удав живет и на воде, и на суше. Часами он нежится в воде, высунув лишь голову. Африканцы говорят, что имеется два вида питонов — хлатику-манзи, водный, который только ночью выходит из воды на охоту за пальмовыми крысами и маленькими антилопами, и хлатику-кота,

житель саванны, отличающийся от своего водного собрата более светлым цветом кожи.

— Владелец удавов на юге и востоке Камеруна, — сообщил мне камерунский писатель Франсуа Эвембе, — живет баловнем удачи, счастья. Удав, согласно поверьям многих наших народов, приносит своему владельцу богатство. Правда, хозяин по «договору с удавом» должен жертвовать ему живых людей. Не убивать, а просто повторить несколько раз перед удавом: «Я, такой-то, сын такого-то, жертвую тебе Жилия Фуду...»

— Удав, — услышал я в Бенине, — у нас олицетворение не только жизни, но и единства мира и людей.

Я, к сожалению, не попросил собеседника конкретизировать эту мысль. Позднее в африканских мифах и легендах мне удалось найти ей некоторые подтверждения.

У ашанти в Гане с их безудержной фантазией есть много объяснений происхождения человечества. Верные, любящие дети природы, они и в сказках оперируют конкретными, живыми образами. Их герои — змеи, хамелеоны, кайманы, обезьяны... Даже за экзотическими масками, в которых, как нигде, проявляются особенности африканского воображения и видения мира, легко распознать человека или животное.

В незапамятные времена, говорится в одной из легенд ашанти, когда человечество было похоже на новорожденного ребенка, еще не исторгшего своего первого крика, спустившийся с неба питон обосновался поначалу в речке по соседству с человеческим поселением. Взирая на людей, священный удав с изумлением констатировал, что мужчины и женщины живут порознь, не зная любви и теплоты семейного очага, что в селении не слышно веселого крика детей. «Так дальше не пойдет», — удрученно прошептал добрый змей. «Люди, — укоризной обратился он к ним, — вы не знаете, что такое любовь, у вас нет детей, вы обречены на гибель, если будете так жить и впредь. Хотите, я научу вас любви? Только тогда поймете, как прекрасна жизнь и как вы сами красивы». — «Хотим! Согласны!» — в один голос воскликнули люди, сгорая от любопытства. Тогда питон попросил мужчин и женщин встать друг против друга лицом к лицу. Пока они так стояли, священный змей сползал на речку, где набрал полный рот воды.

Побрызгав ею каждому на живот, питон несколько раз повторил заклинание «Кус! Кус!», слово, которое ныне произносится во время обрядов ашанти. Далее питон посоветовал мужчинам и женщинам попарно разойтись по хижинам и впредь жить вместе.

...Прошло какое-то время. Деревня ожила, по улицам с веселыми криками носились ребяташки. Их родители днем трудились на полях, а вечером уединялись в своих домах. С тех пор земля стала наполняться. Питон сделался самым уважаемым божеством племени. Он — табу для всех ашанти: никто не смеет обидеть или убить питона. Нарушителю обычая грозит смерть. Если ашанти попадается мертвый питон, они обмазывают его белой глиной и устраивают ему такие же похороны, как и для людей, только пышнее. Могут ли люди забыть услуги, которые оказал им питон!

В одной из деревень Западного Камеруна на границе с Нигерией мое внимание привлекла резная деревянная миска йоруба, привезенная из соседней страны. На ее крышке были изображены взявшиеся за руки мужчина и женщина. А на самом верху, касаясь хвостом головы мужчины и приподняв над женщиной крепкую, окрашенную синей краской голову, возлежал священный питон, который и этому племени открыл тайну продолжения рода. Питонам посвящены дворцы и пышные церемонии. Король Буганды возвел дворец специально на вершине священного холма питона.

У глиджи на юге Того питон — бог молний. Его зовут Дангбе. Еще недавно, в 50-х годах, глиджи строили для питонов специальные храмы. Поскольку богов запрещено запирать, «храмы для питонов» были без дверей. Пресмыкающиеся выползали из них, направляясь в лес. Когда Дангбе уходил из храма, существовал строгий запрет притрагиваться к нему. Даже если он заползал в жилище, под кровать, его запрещалось беспокоить, а следовало позвать знахаря-фетишиста. Было время, когда тех, кто убивал Дангбе, сжигали живьем.

Исключительными привилегиями пользуется королевский питон у народов Берега Слоновой Кости — бауле и бете. У бауле питон часто заменяет сторожа. Ни один бете не осмелится без разрешения войти в хижину или двор, охраняемый им. По поверьям, подкрепленным сильным психологическим внушением, вор, увидев-

ний питона, или слепнет на месте, или же умирает через два-три месяца. Конечно, вряд ли разглядишь королевского питона ночью. Но даже в таких условиях риск слишком велик для вора. По этой причине ни бауле, ни бете не скрывают от односельчан того, что у них живет питон. Им не надо вешать табличек «Осторожно! Во дворе злой питон!» Вместо подобных письменных предостережений в африканских селах безотказно действует «радио папая» — слухи.

Повсюду в центре Африки водится вид питонов, который называют «змеями с иероглифами» или, на одном из местных наречий, «ассала». Их коричневая кожа на спине расписана черными, похожими на мудреные восточные письма узорами. Внушительная рептилия длиной до пяти метров прячется в непроходимых зарослях. Молниеносно набрасывается ассала на приближившееся животное и душит его в стальных тисках. Добычей «змеи с иероглифами» становятся овцы, антилопы, собаки, свиньи и другие животные. Крайне редки случаи ее нападений на людей.

У некоторых народов ассала — покровительница земледелия, торговли и даже войны, хранитель деревни. В появлении удава в деревне усматривают счастливое предзнаменование. Пойманную змею со всеми ритуальными почестями содержат в темных подземельях. Многие из обрядов поклонения ассале теперь уже стали историей, но кое-где в лесной глуши, где еще не всегда помнят, в каком государстве находится деревня, можно стать свидетелем совершенно необычайной церемонии.

Брак ассалы — одно из важных событий в жизни некоторых народов Центральной Африки. Ежегодно на собрании мужчин общины с одобрения старейшин и жрецов выбиралась самая красивая девушка для «брака» с ассалой. Мнения у девушки, как это полагается по обычаю, не спрашивают. Кроме того, учитывая суеверность африканцев, трудно предположить, что какой-либо из избранниц пришло бы в голову отказаться от столь почетного «брака»: совершив обряд, девушка считалась святой.

Под торжественный бой тамтамов, гармоничное разноголосье африканских хоров, сопровождающих массовые церемониальные танцы, происходит «бракосочетание» со священным удавом. «Невесту» специально гото-

вят к встрече с «мужем». Ей стригут волосы, учат исполнять обрядовые песни и танцы. Ее тело разрисовывают особыми тайными знаками, расцветивают полагающимися по обряду красками, натирают благовониями. Ей открывают секреты общения с ассалой: гарантию ее личной безопасности. Когда веселье в деревне достигает апогея, когда с танцоров сошло уже семь потов, а руки барабанщиков теряют всякую чувствительность, жрицы вводят девушку в темное подземелье.

Несколько дней проводит девушка наедине со змеей. По возвращении к односельчанам она пользуется особым почетом, как «супруга ассалы». За ней сохраняется право вступать в брак, причем ее избранник считает для себя особой честью иметь такую жену. Однако «супруга удава» обязана хранить молчание по поводу тайнств, сообщенных ей жрецами накануне «свадьбы» с удавом, а также о том, что было с нею в подземелье. Если какая-нибудь из «супруг ассалы» проговаривается об этом, жрецы безжалостно убивают несчастную, публично «объявляя о наказании», которому подвергла священная змея свою неверную супругу. Необъясненным в этом обряде остается факт длительного мирного пребывания человека с удавом в подземелье.

Впрочем, подобные ритуалы имели место и в древности. Перед вырезанным в скале храмом египетской царицы Хатшепсут в Фивах гид, настроившись на легкомысленный лад, рассказал нам, что в древнем Египте в яму к питонам сажали молодых, красивых женщин и что змеи мирно уживались со своими «невестами».

Женское очарование стало у некоторых африканских народов оружием охоты, то есть истребления доверчивых пресмыкающихся. Фанги бети за многие поколения выработали испытанные методы охоты на удавов. В очерке «Прогулки по лесу», опубликованном в апреле 1970 года в литературном журнале Камеруна «Озила», писатель Пабе Монго сообщает об одном из них:

«Бабушка была в возрасте, когда ничему и никому не удивляются и когда даже на саму смерть смотрят как на старую знакомую. Она ограничилась рассказом о том, как женщины ловят удава. „Это животное,— говорила она,— настоящий ловелас леса. Его галантность распространяется на всех женщин. Достаточно женщине раздеться донага перед удавом, и он вытягивается словно

загипнотизированный. И пока он замороженно глазеет, женщина потихоньку приближается к нему и наносит смертельный удар по голове спрятанным за спиной тесаком“. Бабушка сообщила действительный случай. Все, что мы слышали от нее, было взято из личного опыта. Она испытала все радости жизни и претерпела все ее трудности».

Сам писатель говорил мне, что до сих пор в лесах, как правило, именно так и обманывают доверчивых гигантов.

Любопытно, что в Нигерии ибо и иджо считают питона воплощением мужского начала, прародителем всех людей. Ибо, ашанти и мандинго верят, что достаточно женщине встретиться с питоном, чтобы она забеременела. Таким образом, многие дети у них списываются на счет влюбчивых пресмыкающихся. По легенде ашанти бог неба прислал змею на помощь двум первым неопытным мужчинам, чтобы она зачала с их женами первых детей. В мифах африканских народов змея — родоначальник человечества.

В одном из источников я даже прочел, что змеи реже кусают женщин, чем мужчин. Может быть, это была одна из газетных сенсаций, но когда имеешь дело со змеями, ничему нельзя удивляться.

Цит мендуга, или Сыр-бор в Мвутеси

В пронизывающе холодные вечера на исходе сухого сезона в Мали либо в июньские дожди в Камеруне истомившиеся в промозглой от влажной прохлады траве змеи ищут сухие и теплые места. В сумерки они выбирают на сухой асфальт и попадают под колеса проносящихся автомобилей...

Говорят, что змеиное мясо очень вкусно, что мясо удава, например, даже не отличишь от куриного. Довольно часто я бывал свидетелем того, как задавленная автомобилем или убитая кем-либо змея моментально перекочевывала в глиняные горшки на кухне.

Змеиное мясо в Африке — не только деликатес, но и привилегия. Не каждый может полакомиться змеей, даже если он прикончил ее где-нибудь в собственном дворе. В Камеруне у булу съесть змею — исключительное право стариков. Преступать этот обычай — грех.

И все же его иногда нарушают. В комедии камерунского писателя Гийома Ойно Мбиа «Три претендента, один муж» имеется следующая сцена.

...«Деревня Мвутеси. Два старца, Мбарга и Мезое, взволнованные, воздев руки к небу, крича и перебивая друг друга, появляются на сцене.

Мезое. Что я тебе всегда говорю, почтенный Мбарга! Ха! Сегодняшние дети сбились с пути, они испорчены! (Садится).

Мбарга (разведя руками). Невероятно! Хи-и-и-е-е-е!

(Входит еще один старик — Абессоло).

Абессоло. Что случилось?

Мбарга (с миной отвращения, усаживаясь). О Абессо! Лучше не спрашивай меня! Молодые осмелились съесть гадюку! Белинга и Овоно. Без разрешения стариков нашей деревни. Что за презренный мир! К чему мы идем? Что бы подумали о нас предки? К чему мы идем?!

(Выведенный из себя скандальным поступком молодых, Абессоло тоже начинает кричать, но Мбарга, наклоняясь к нему, пытается его успокоить, чтобы перехватить инициативу в беседе и сообщить ужасные подробности истории).

Настоящую гадюку... огромную... жирную... Гадюку! Только представить себе. Гадюку! И подумать только — нам, старикам Мвутеси, они оставили лишь три четверти.

Абессоло (воздев руки к небу). Только три четверти! Ой, ой, ой!

Мезое. Только три четверти!

(Абессоло, Мезое и Мбарга мечут громы и молнии на головы молодого поколения)».

В этой сцене Ойно Мбиа лишь подтверждает бытующий до сих пор древний обычай бети. Увиденная и убитая в лесу гадюка, предупреждает обычай, становится собственностью молодых. Если же змею приносят в деревню, она становится достоянием великих персон. Для утверждения авторитета старших древние булу наложили запрет (или ограничение прав — цит мендуга) на мясо некоторых животных, отличающееся нежностью и особыми вкусовыми качествами: козы, удава и гадюки. Когда молодежь на охоте убивает гадюку, она

не придает этому правилу особого значения. В деревне же змеиное мясо принадлежит старикам или вождям.

Анри Эффа был главным редактором органа партии Камерунский национальный союз газеты «Юните», когда скончался его отец, вождь эвондо в одном из районов Яунде. Мое посещение его гостеприимного дома пришлось на тот период, когда Анри — человек средних лет — заменил отца на этом посту. Увидев на его холодильнике деревянную скульптуру змеи в позе для нападения, я пошутил:

— Анри, в холодильнике тоже, наверное, змея.

— Конечно, ведь только я и старики имеем право есть змеиное мясо. Каждый день кто-то приносит мне змею. — И с этими словами он извлек из холодильника обезглавленную толстую, но короткую рептилию.

Вид и вкус ее мяса чем-то напоминали мне угря. Поскольку кушанье подается в сыром виде, я отведал лишь самую малость, преодолевая внутреннее психологическое отвращение.

— Пробуй, если вождь требует, — от души потешался Анри, который в конце «аудиенции» подарил мне сушеную кожу удава.

У многих народов Африки змея — символ мудрости, поэтому ее образ связывают с вождями и старейшинами. Впрочем, поговорка бамилеке утверждает, что «старший рождается первым, а мудрец — в любое время», подчеркивая некоторую относительность традиционной символики.

— Мудрость в Африке нередко путают со старостью. У мудрости же есть право даже на... змеиное мясо, — уточнил Эффа. — По нашим давним законам умный человек получает место рядом с вождем за трапезой. Ну и, конечно, наши друзья особенно, если они приехали из такой дали.

Иммунитет рода Банохо

Франсуа Эвембе вырос в Кроби. Сплошной стеной надвинулись гилей — влажнотропические леса, тесно оттеснив деревню к песчаному берегу Атлантики. В окрестных лесах водится всякая дичь, а продираясь сквозь спутанный подлесок, надо быть готовым к встрече со змеями, которые кишат в этих местах.

— Мой род Банохо принадлежит к племени Батанга,— начинает Франсуа.— Наша семья издавна входила в касту воинов, так что я — потомок воина, сменивший копье на авторучку. Мои предки не только отважно и беспощадно сражались с соседними племенами, но и прекрасно знали природу. Даже для самого немудрящего набега на близкого соседа необходимо было преодолеть чреватый превратностями путь по бруссе (лесу). Ты спрашиваешь меня о змеях,— бросает взгляд в мою сторону Франсуа Эвембе.— Если хочешь знать, ни одна змея в мире не может укусить меня.

— Почему? — изумляюсь я.

— Для меня это тоже тайна, но я точно знаю, что змеиного укуса мне нечего опасаться. Когда был жив мой дедушка, в нашем доме обитала настоящая ядовитая змея. Ее нора была у самой двери. Змея сторожила дом и, как говаривал дедушка, хранила наш очаг от всякого зла. Человек со злым умыслом и нечистым сердцем не мог безопасно пройти к нам. Мне было лет 12—13, когда дедушка умер. Родственники, друзья, односельчане собрались в нашем доме у его изголовья. Из норы выползла змея и свернулась в клубок у его ног, как бы вместе с нами переживая горе.

— Укусы очковой змеи смертельны,— рассказывал Ив Виаль.— И все же некоторые здешние жители обладают удивительным иммунитетом. Причина остается тайной для меня. Однажды я встретил женщину, укушенную в палец три дня назад. Из машины в машину пересаживалась она, чтобы добраться до больницы. Рука ее страшно распухла и почернела, но женщина жила и в течение трех дней самостоятельно выбиралась из беды! Руку пришлось ампутировать из-за гангрены, но женщина выжила.

Лундец Годфруа Манга, сторож, ранее служивший в отряде сенегальских стрелков, тоже утверждает, что змеи ему не опасны. По его словам, в детстве родители сделали ему какой-то надрез на ступне, после чего змеи обходят его стороной.

Некоторые африканцы, собираясь в лес, натираются одним из известных снадобьями, запах которых отталкивает змей. В Гвинее делают противозмеиные браслеты из куска индийского тростника, обмазанного соком хлорофоры, в который добавляют и соки других

растений. Браслет носят в кожаном футляре. В Береге Слоновой Кости подобный браслет изготавливается из стебля растения семейства ароидных, обернутого листьями и перевязанного лианой. У мандинго змею, дотронувшуюся до порошка из корня растения кулу-кулу, поражает паралич, и она быстро гибнет. Другой порошок — катизан на языке малинке — принимается как внутреннее средство либо кладется в маленькие гри-гри для иммунитета от укусов. В Сенегале продают лар — амулет от укусов змей, который обычно носят в мешочке. Лар состоит из крошечных кусочков какого-то дерева, конского волоса и обрывков ткани.

Большинство средств народной медицины, составленных из комбинаций африканских трав, неизвестно науке. В этом убедилась бенинская исследовательница Мишлин Адотеир-Кенум, сотрудница Института прикладных исследований в Порто-Ново. Занимаясь проблемами диететики и народной медицины, Мишлин случайно услышала во время командировки по лесным деревьям разговор о «растении, которого боятся змеи». Крестьяне доказывали, что малейшее прикосновение змеи к этому растению может убить ее. Поговорив с соотечественниками, Мишлин убедилась, что там, где оно растет, змей не бывает. На местном языке фон его называют «дан-ма-лия» — «то, что не может преодолеть змея». Крестьяне обсаживают дан-ма-лией свои сады и хижины. С виду дан-ма-лия — обыкновенное вьющееся растение с тонким стеблем и довольно большими удлиненными листьями, которые по форме напоминают листья нашей ивы.

В лабораторных условиях Мишлин Кенум проверила действие растения. Двумя палками — простой и обвитой дан-ма-лией — дразнила змей. Первая палка подвергалась яростным наскокам кобры и питона. На вторую после первой попытки обе змеи отказались нападать. Действие растения стало очевидным. У дан-малии есть конкуренты. Мандинго в сенегальской провинции Казаманс вокруг хижины и особенно у входа раскладывают корни растения семейства сапидновых, запах которого обращает змей в бегство.

В тайниках природы скрыты не только противоядия. Есть и такие растения, которые словно магнит притягивают змей. Когда я впервые приехал в Яунде, в

саду пышно цвели кустистые «африканские ромашки», желтые цветы которых похожи на дикие подсолнухи, только несколько уменьшенные. Старый эвондо, давний житель камерунской столицы, посоветовал мне вырубить эти кусты.

— Почему? Они же такие красивые! Вы полагаете, что желтый цвет — цвет измены? — Я принял его слова за шутку.

— У вас есть дети, а ромашки притягивают змей.

Не знаю, правда ли это. Во всяком случае, пока шла подготовка к вырубке, мы не раз замечали змей во дворе.

Очень, очень мало знают люди о противоядиях, о «противозмеиных» средствах природы. В определенной мере об относительности наших знаний в данной области напоминает пословица бети: «Нога, раз укушенная змеей, боится даже змеиной кожи». Бети понесли неисчислимы потери от змеиных укусов. Жизнь научила их самому действенному противоядию — осмотрительности.

Страх перед змеями порождает предрассудки и суеверия. У племени абе (Берег Слоновой Кости) есть примета: если человек увидит фуви (змею) на дереве, то его скоро ждет несчастье, вплоть до смерти близкого и дорогого родственника. Бете даже запрещают варить и есть змеиное мясо — небывалое явление в Африке.

Охотнику, как никому другому, нужен иммунитет от укуса змеи. Один из способов приобрести его практикуется у бете. Поймав змею, охотник ищет в лесу необходимую траву. Найдя, он пережевывает ее во рту и затем плюет в пасть змеи. После этого змея впадает в шоковое состояние. Охотник вырывает у нее ядовитые зубы и наблюдает за жертвой. Если змею стошнит, то ему впредь нечего бояться укусов этого вида змей. Если же змея испустит дух, то охотнику вновь придется ловить змею и повторять обряд. Бете стремятся осуществить эту операцию со всеми видами змей. По мнению некоторых специалистов, иммунитет приобретается за счет того, что бете принимает в конце обряда яд жертвы. Но это мнение спорно и не вытекает из наблюдений.

Некоторые африканские заклинатели утверждают, что приобрели иммунитет, подвергнув себя укусам мо-

лодых змей. Достоин внимания опыт заклинателей — довольно немногочисленных в Африке. Эти люди образуют узкие семейные группы, специализирующиеся на демонстрации своей власти над рептилиями, на изготовлении и продаже амулетов, якобы дающих иммунитет от змеиных укусов. Для рекламы своих изделий укротители проводят демонстрационные сеансы. Неагрессивность кобр, их видимая беззлобность доказывает публике действенность амулетов. Многие «укротители» предварительно обезвреживают змей, вырывая им ядовитые зубы. Это делается так: змею заставляют укусить кусок ткани, который в этот момент резко дергают, ломая зубы и нередко челюсти пресмыкающимся. Неудивительно, что порой на этих публичных сеансах змеи выглядят нездоровыми, апатичными, с потускневшей чешуей.

Однако некоторые заклинатели действуют более добросовестно, применяя соответствующие виды растений. Достаточно натереть тело и руки млечным соком растений эффорбия хирта, циатула простата и других, как кобру или гадюку можно без опаски взять в руки. Поначалу заклинатель гладит змею по спине руками, натертыми снадобьями, затем кладет ей в зев немного перетертой растительной массы и делает с ней все, что хочет.

У народа якуба (Берег Слоновой Кости), более известного под названием «дан», существует оригинальный, «медицинский» танец, цель которого — создать иммунитет против змеиного укуса. Французский натуралист-этнограф Рене Полиан назвал церемонию, связанную с этим медицинским танцем, «сеансом шарлатанства». Однако никак нельзя забывать об огромной психологической силе норм африканской морали, о могуществе табу и вообще слова и акта, которым по давним традициям предков придают сокровенный смысл, то есть о силе внушения.

Лечебный танец якуба носит коллективный характер. Шесть-восемь членов одной трудовой бригады или ячейки поздним вечером собираются на площади. Гремят тамтамы. Как музыка, так и движения танцоров подражают резким извивам змеи. Даже привычное к тамтамам ухо раздражается от необузданности, неровности ритмов, от их мгновенной смены. Танцоры под

изредка вторгающийся всплеск хоров движутся до обессиления вокруг ящика, в котором заточены пойманные накануне змеи. Главный барабанщик бьет двумя палочками по ритуальному «медицинскому» барабану (полое бревно с узкими продольными разрезами для резонанса). Происходит своеобразное представление в лицах. Каждый его участник играет роль либо охотника, либо змеи.

Неожиданно в разгар танца жрец ловким, плавным и вместе с тем мгновенным движением выхватывает из ящика спутанный клубок змей (в том конкретном случае, который мне довелось наблюдать, это были две-три гадюки, кобра и королевский питон) и бросает его на землю... Танец продолжается с еще большим неистовством. В завершение церемонии вся бригада объявляется неприкосновенной для змеиных укусов.

Африканцы предупреждают

Африканцы часто предупреждают:

— Чем меньше говорить о змеях, тем лучше. Они — наши предки и родственники. Человек не способен по своей натуре постигнуть тайну змей, неправды же эти одушевленные существа не прощают.

...На следующий день после памятной беседы с Анри Эффа (26 апреля 1971 г.) журнал «Азия и Африка сегодня» опубликовал первую часть моих заметок о змеях. В тот же день мой трехлетний сын взял во дворе в руки змею, и только быстрая помощь друзей из нашего посольства (введение сыворотки) спасла нас от худшего. С тех пор змеи преследовали меня и мою семью в Камеруне повсюду. В день выхода продолжения заметок уборщик корпункта Филипп Бабио, жавший серпом траву, был ужален в правую руку, и в то же самое место, что и мой сын. «Надо уезжать из Камеруна», — малодушно подумал я.

Работать в район Индийского океана (Мадагаскар, Маскаренские, Коморские и Сейшельские острова) я поехал, заранее разведав из авторитетных источников, что в этих краях на суше не водятся ядовитые змеи...

Вековое чувство солидарности объединяет жителей африканской деревни в процессе труда. Оказавшись лицом к лицу с мощным союзом не поддававшихся их разуму и контролю сил природы, обреченные на отсталость и невежество колониальными и неокониальными эксплуататорами, земледельцы Африки, не сговариваясь, обращаются к своему самому верному союзнику в жизни — совместному труду. Кого из тех, кто любит Африку и интересуется ею, не изумляло «рациональное зерно» африканской деревни — высокоразвитое, широко поощряемое чувство локтя, связывающее африканцев в труде и в жизни.

Сенуфо населяют обширные пространства в Мали, Береге Слоновой Кости и Верхней Вольте. Подмога старикам и слабым, взаимопомощь во время полевых работ — закон для молодых односельчан сенуфо. Накануне страды молодежь сенуфо организуется в группы, специализирующиеся на возделывании определенных культур (проса, риса, сорго, клубнеплодов и др.). Внутри этих групп, которые сенуфо именуют обществами, создаются трудовые бригады. Каждый отряд имеет собственную эмблему в виде статуэтки, закрепленной на конце древка и украшенной перьями, разноцветным бисером и кусочками цветной прозрачной ткани. Эти эмблемы к началу полевых работ готовят лучшие мастера села. Когда обрабатывается земля под просо, статуэтка представляет женщину, несущую мелкое, широкое блюдо со съестным или сосуд с прохладным просяным пивом. Если работы происходят на рисовом поле, то ремесленник обязательно вырезает грациозную фигуру сидящей женщины, на голове у которой присел зимородок.

...Наступает день работ. Юноша, слывающий лучшим работником, втыкает древко со статуэткой в землю в конце поля. Темп работы членов бригады быстр и задается двумя-тремя тамтамистами и хором женщин. Музыкальное сопровождение полевых работ — типичное явление в африканской деревне. Музыканты и певицы внимательно следят за ходом трудового процесса, поют панегирики вырвавшемуся вперед, подбадривают дружескими, ироническими куплетами отстающих. Бригада

Перед началом занятий
в школе малийского города Сегу

выстраивается вдоль поля шеренгой, точно спортсмены вдоль линии старта. Каждому отводится своя полоска, так что шансы всех равны. Раздается первый удар там-тама, и бригада приступает к делу. Тот, кто добирается до межи, обозначенной воткнутым в землю древком с эмблемой, получает право перенести эмблему на новый рубеж. Так организуется соревнование, победители которого награждаются песней и, если они холосты, любовью лучших девушек села.

В августе 1967 года пионеры одной из бамакских школ пригласили меня на субботник по благоустройству школьного двора. Огромный двор походил на обширную заброшенную усадьбу. Детей было очень много: ведь в каждом классе в среднем не менее 60 учеников. День был солнечный — около 36 градусов в тени. Под рослыми, тенистыми эвкалиптами расположились отряды, каждый из которых носил имя африканского героя или выдающегося международного деятеля. Один из отрядов назывался именем В. И. Ленина. Окружив пионервожатого Бираму Диаките, ребята обсуждали план предстоящей «кампании». Затем по сигналу ди-

ректора школы отряды разошлись по отведенным им участкам. Мальчишки, взяв в руки мотыги, тесным строем, в убыстренном ритме, с резкими выкриками пошли в наступление на сорняк. За ними столь же сплоченно, прижимаясь друг к другу, двинулись девочки. В их рядах, впрочем, шли и несколько мальчигов-тамтаmistов. Аплодируя в такт барабанному бою, девочки хором подхватывали куплеты каждой очередной солистки, в которых воспевалась раздольная стихия труда, прославлялись трудолюбивые и умелые пионеры, а также весь отряд — «самый лучший из лучших в школе, Мали и в мире». Отстающие подстегивались едкой шуткой. При этом девочки, не ослабляя силы звучания хора и не нарушая плотности строя, успевали с помощью маленьких носилок выносить сор и травы на место сброса. Уставших мальчигов — а темп труда был изнуряющим — тут же сменяли их друзья, стоявшие наготове в резерве.

Тогда церемония субботника, приплясывания во время труда, до предела сжатый строй работающих показались мне несколько странными. Позже, поездив по Африке, я понял, что уходят в прошлое отжившие свои традиции, но бережно хранятся и приспосабливаются простыми африканцами к новому времени выработанное веками, ставшее неотъемлемой частью африканского духа чувство локтя, сплочение людей в общем труде. «Союз рождает силу», — гласит камерунская пословица.

НА ЧЕМ СОШЛИСЬ ВОЖДИ БАМИЛЕКЕ

Ночь была безлунная. Наша машина, поблуждав по тесным, людным улицам окраинного квартала Яунде, именуемого Мадагаскар, покинула асфальт и свернула в один из темных, ухабистых закоулков. Светом фар мы нащупали в крошечной тьме маленькую глиняную хижину.

Хозяйка дома при тусклом свете керосиновой лампы занималась за столом с тремя детьми школьного возраста. Увидев мужа в сопровождении нежданного гостя, она сначала несколько растерялась.

— Это — мой коллега, советский журналист, — представил ей меня Фабиан Эдоге.

Хозяйка захлопотала. На столе появился скромный, по-домашнему приготовленный ужин: сваренные куски ямса и — в отдельном металлическом блюде — желто-зеленый овощной соус на арахисе с острыми приправами, от которых горел рот. Фабиан посмотрел на меня извиняющимся взглядом, будто он был виноват в моей привычке к камерунской народной кухне.

— В чем дело? — перехватил я его взгляд. — Все хорошо. Я очень доволен.

— У нас нет обычного вина. Может, ты выпьешь пальмового? — предложил он.

Отказываться от пальмового вина было просто грешно.

Первые упоминания о пальмовом вине в этнографических и исторических трудах уходят в глубину средних веков. Голландец Даппер писал в конце XVII века о некоем народе калбонго, обитающем на берегах «реки креветок» — Рио душ Камароеш. Калбонго умели отлично делать пальмовое вино и некий напиток бордон. Бордон, по свидетельству Даппера, напоминал пальмовое вино, но не был таким крепким. Первые европейцы, ступившие в XV—XVI веках на побережье Камеруна, рассказывали о пальмовом вине и других «экзотических» напитках.

— Ну как, нравится? — полюбопытствовал Фабиан.

Я утвердительно кивнул ему в ответ. Туманно-белого цвета, кисловатое, слегка подслащенное вино со своеобразным привкусом, возникающим от добавления различных корней, было еще молодо и бодрило.

Пальмовое вино делают главным образом из сока масличной пальмы. В заболоченных районах Камеруна для этой цели используется пальма рафия. Сок, который пойдет на вино, в определенные моменты роста пальмы после рассечения набухшего мужского соцветия собирают в калebasы. Существует и другой, довольно бессердечный способ добывания пальмового сока: дерево валят, и сок собирают прямо из слома или среза стебля-ствола пальмы. Сок можно пить сразу же после этих операций, можно также дать ему перебродить, превратив его в вино.

Свежий, неперебродивший сок — приятный, полезный для здоровья напиток. Для ускорения его брожения, придания аромата и одновременно для крепления

крестьяне добавляют в него корни некоторых растений. Крепость пальмового вина почти никогда не превышает пяти-шести градусов. В умеренных количествах это вино может быть полезным. Излишний прием напитка вызывает отравление организма.

Употребляют в Камеруне и более «горячительные» напитки местного изготовления. На западе страны однажды собралось совещание традиционных вождей бамилеке. Среди обсуждавшихся вопросов был один, по которому вожди быстро и единодушно согласились, — запрещение арки. «Мы запрещаем изготовление арки, — записали вожди в резолюции. — Мы обещаем разоблачать и передавать в руки правительственных органов изготовителей и продавцов напитка арки, а также любителей пить его». Так решила и конференция вождей эвондо, мвеле, мвогниенге и других народов округа Нионг-э-Мфуму.

Арки запрещен в Камеруне, но как всякий запретный плод — сладок, и бороться с его употреблением приходится постоянно. Это не только крепкий — его крепость превышает 50 градусов, — но и требующий больших затрат напитков. Для его приготовления берется примерно четыре-пять килограммов зерен кукурузы и такое же количество маниоки.

Арки, насыщенный метиловым спиртом, — бесспорно вредоносное творение рук человеческих. На его выделку попусту тратится большое количество продуктов питания. В нищей деревне арки — социальная проблема, и борьба с самогоноварением означает также вызов дурным привычкам и пережиткам.

В ряде районов Камеруна распространены также банановые и медовые вина. Банановое вино делают из созревших или, как говорят крестьяне, из «красных» плодов (в действительности зрелые бананы не красного, а густо-желтого цвета). Бананы растираются в пюре, куда добавляется тертый порошок из сушеных, пророщенных зерен кукурузы. Эта масса хранится в темном, укромном месте два дня. Затем из нее отжимают сок: это и есть банановое вино. На том же принципе основывается выделка вина из меда.

Излюбленный напиток в Африке — пиво из проса. В Мали, в горном местечке Санга, где живут догоны, это пиво называют «доло», в Того и в Бенине — «тиапа-

Мали. Пищу у фульбе с успехом готовят и мужчины

ло», в некоторых странах Восточной Африки — «помбе». В Камеруне на всех языках и диалектах (а число их переваливает за сотню) пиво из проса имеет общее наименование — «агба».

В районах, где выращивается кукуруза, из нее делают пиво. В Яунде эвондо называют его «афу», в Батури, близ границы с ЦАИ, кака зовут его «кбата». Бывая в африканских кварталах Яунде, я убедился, что слово «кбата» (или квата) употребляется в обиходе значительно чаще.

Если при изготовлении арки священнодействуют мужчины, то пивоварение, за немногими исключениями, — специальность женщин. Они готовят напиток для потребления внутри семьи, для приема гостей и по большим народным праздникам для всей деревни. Во время ритуальных праздников просяное пиво — неотъемлемый элемент всех церемоний. На празднике догонов Сиги в деревне Юго варить пиво по давней традиции поручалось самой красивой женщине.

Не перечислить всех напитков, распространенных в Камеруне. Например, фульбе на севере страны — убежденные трезвенники во исполнение заповедей Аллаха — мастерски делают молочные напитки. В сухой сезон, умело приспосабливаясь к качеству молока, они изготавливают напиток кулу — молоко с просяной мукой;

популярен также напиток чоббал, включающий наряду со свежим молоком специально приготовленное просо. Чоббал берут с собой для утоления жажды путники и пастухи.

...В деревушке Тенг близ города Аконолинга однажды были устроены поминки. Как и в любой другой деревне, где живут фанги, женщины образовали круг перед хижиной покойного и танцевали озилу (популярный танец фангов). Рекой лилось пальмовое вино, агба, а может, что и покрепче. Все громче звучали четыре тамтама, все тише становилась пляска. В три часа ночи под оглушительную барабанную дробь на землю свалилась женщина. Сначала односельчане подумали, что она упала в изнеможении, как это часто случается в африканских хороводах. Однако она стала трагической жертвой не только усталости, но и алкоголя.

В Камеруне ведется разъяснительная работа среди населения о вреде напитков типа арки. Потребление этих напитков — расточительство и приносит большой вред экономике молодой африканской страны. На бутылку арки уходит десять килограммов маниоки и кукурузы. Английский африканист Уинтер в работе «Уровень жизни населения Адамауа» подсчитал, что на варку одного литра агбы уходит приблизительно 220 граммов проса, тщательно перетертого в муку. По его данным, ежедневное потребление проса в виде пива среди мбам и дуру равно 80 граммам, или пятой части их ежедневного рациона питания, а годовое потребление пива достигает 130 литров, или 28,8 килограмма проса. Если учесть, что урожаи на севере, в частности, в горах Мандара, где проживают большие любители агбы, очень скудные, то каждый литр пива таит в себе опасность голода.

Стоит ли добавлять, что пристрастие к алкогольным напиткам вроде арки в период страды резко снижает производительность труда крестьян?

Вот почему и вожди бамилеке, и вожди эвондо поддержали решение властей запретить арки, ненужное наследие прошлого. Вот почему и на собраниях партии Камерунский национальный союз, и на районных совещаниях вождей, и по радио, и в печати — повсюду осуждаются приверженцы «зеленого змия».

ПРИЗ ПОБЕДИТЕЛЮ — НЕВЕСТА

Эфиоп Абебе Бикила (марафонский бег), малиец Намакоро Ниаре (метание диска — 60 м 62 см), танзаниец Чикота (100 м — 10,1 сек), сенегалец Диа Мансур (тройной прыжок — 16 м 73 см), бегун Кипчого Кейно из Кении, камерунский боксер Жозеф Бессала... Как оценить вклад независимой Африки в развитие мирового спорта? На Западе утверждают, что спорт — новое, импортное явление на континенте, результат «цивилизаторской деятельности» колониализма, что Африка ранее не знала, что такое спорт. Бесспорно, африканцы способны к достижениям в спорте: их фигуры красивы, мускулисты, мужественны. Но только ли одни физические возможности, способность к подражанию определяют их счастливую судьбу в мировом спорте?

— Наши предки занимались спортом. Физическая подготовка была частью традиционного воспитания африканских молодых людей до их вступления в совершеннолетие. Мы знали, что такое спорт, — уверял меня Фабиан Эдоге.

— Наши виды спорта часто лишь в мелочах отличались от европейских, — сказала камерунская кинематографистка, автор фильма «Тамтам в Париже» Сита Бела.

В том, что это действительно так, я убедился, наблюдая за малагасийскими видами борьбы: дака (Антананариву), муранги (Диего-Суарес) и тулуна (Таматаве), за спортивными играми и схватками в других странах.

Вобе живут на западе Берега Слоновой Кости. Среди трех-четырех десятков главных масок вобе, которые спокон веков используются для различных церемоний, есть одна наиболее безобидная. Лицезреть ее разрешается даже детям. Маску окрашивают сразу в несколько цветов, чтобы придать ей привлекательность и усилить ее воздействие. Лоб ровный, легкий, глаза широко раскрыты, нос тонкий, рот чуть приоткрыт, чтобы облегчить дыхание ее владельцу. Основание маски оторочено белчьей шкуркой, как бы поясняющей существенную особенность: ее носитель обладает юркостью и проворством белки. «Пелехесри» — так зовется на языке вобе маска состязаний.

В октябре — ноябре, вслед за сбором урожая, в одном из сел организуется ежегодный спортивный праздник.

Право организовывать эти «олимпийские игры» у вобе предоставляется, в соответствии с установленным порядком, по очереди всем деревням округа. Своей очереди села ожидают с огромным нетерпением, ибо и здесь верят в примету «дома и стены помогают». В объявленный день к месту соревнований из окрестных деревень стекаются юные и взрослые спортсмены. За спиной у них мешки со спадобьями, амулетами и священными предметами, изготовленными опытнейшими знахарями их сел. Некоторых сопровождают опытные и именитые... колдуны. Общественность деревень, от вождя и его многочисленных жен до рядового крестьянина, ставит перед своими чемпионами задачу победить прошлогоднего абсолютно го чемпиона, который соревнуется в пелехесри, и отвоевать эту маску для деревни.

Перед стартом участники расходятся по хижинам и там готовятся к состязаниям. Спортсмены-ветераны каждой из деревень, уже завершившие карьеру, собравшись в одном месте спортивной арены, которой служит самая большая площадь села, звонкой песней славят своих кумиров: «О ты, маска — чемпион среди всех масок, победи всех, кто осмеливается называть себя бегунами, тех, кто решился соперничать с тобой».

По обычаю ни детям, ни женщинам, как правило, не разрешается смотреть на подавляющее большинство масок. В данном случае, видимо учитывая значение морального фактора поддержки для бегунов, присутствовать и даже кричать разрешается всем.

Праздник открывается детскими соревнованиями, продолжающимися часа полтора-два. Публика нетерпеливо ждет выхода чемпионов. Наконец звучит песенный призыв: «Маски выходите. Перед вами сам Кин, догоните же его во имя чести и славы своей деревни».

Кин — сказочный бегун, незаписанные рекорды которого мечтает побить всякий уважающий себя мужчина вобе. Из хижин-раздевалок гурьбой высыпают бегуны, желающие участвовать в соревнованиях, к которым готовились целый год. Каждый становится за выводящей маской, и эта маска, которую, видимо, носит опытный спортсмен, отбирает команду села в соответствии со «спортивной формой» желающих участвовать в беге.

Соревнования сродни нашей игре в салочки. Тот, кого догнали и до кого дотронулись, выбывает. Тут же в

сторону зрителей бросают метелку. По выброшенным метелкам ведется общий счет очков. В финале в круге остаются рядовой бегун и чемпион в пелехесри.

Перед финалом чемпион, выступающий в пелехесри, поет:

Ветер, унеси меня подальше от соперника,
Не дай ему опозорить меня.
Сделай все, чтобы я не потерял титул чемпиона.
О ветер, помоги мне! О предки, придите мне
на подмогу!

Нет границ радости зрителей, если проигрывает маска-чемпион. Через несколько недель после соревнования наилучшим бегунам вручаются почетные награды; чаще всего чемпион в качестве приза получает в жены самую красивую девушку села.

...Овальное лицо, шарообразные глаза навывкате, окантованные белым алюминием, высокий ровный лоб, тонкий, вытянутый дугой нос и плотно сжатые, подчеркивающие решимость губы — таковы черты маски бега у якуба (Берег Слоновой Кости).

Состязания по бегу популярны в Африке. Чтобы убить зверя или спастись от него, требуется ловкость и быстрота, а в силу обстоятельств каждый африканец — охотник. По поверьям различных народов, маски бега охраняют носителя от опасностей, от диких зверей, от всякого зла, они делают этого человека быстроногим. И в этом есть своя правда, поскольку маску бега носят исключительно чемпионы, то есть физически развитые, тренированные люди.

Виды африканского народного спорта многочисленны. В Камеруне среди молодых мужчин булу с незапамятных времен популярна игра нгек. На просторную площадку, которой, как обычно в подобных случаях, является сельская площадь, выходит мужчина с похожим на футбольный мяч орехом дерева нгек. За ним, приплясывая под звуки народного оркестра, выступают танцоры. Слева от него вдоль площадки в ряд располагаются юноши с копьями. За каждым из них — толпа кричащих во все горло болельщиков. Победителю сулят золотые горы: баранов, мешки сорго и кукурузы, много корней маниоки и самый приятный приз — невесту без всякого выкупа. Невесты «болеют» тут же за спиной у спортсмена, не скрывая своей доброй воли покончить с незамуж-

ним состоянием. Наступает решающий момент. Замирает толпа. Ведущий поднимает над собой нгек и с силой бросает «мяч» вдоль шеренги. В тот же миг в нгек летят копыя. Чье копые пронзит орех, тот и победитель, тому и желанная награда.

Камерунские бафия и эвондо по старой традиции проводят соревнования, весьма близкие к боксу. Бой ведется голыми кулаками с соответствующими последствиями для побежденных и победителей.

— Недаром первым из африканцев обладателем олимпийской медали по боксу стал в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году наш земляк Жозеф Бессала, — обобщил коллега из Камерунского агентства печати Мобенга.

Любопытно наблюдать за соревнованиями по национальной борьбе в Сенегале и смежных с ним районах Мали. Борцы тщательно готовятся к схваткам. Подготовка идет не только физическая, но и моральная.

Чтобы облегчить себе борьбу и обрести душевное равновесие и уверенность перед схватками, спортсмены обращаются за помощью и советами к знахарям и чародеям, которые непременно имеются в каждой деревне. Так что бой выглядит и как состязание между колдунами: чей лучше. Колдуны прибегают к изощренным заговорам, заклинаниям, изготавливают стимулирующие средства и амулеты для боя. Увешанный гри-гри (амулетами), спортсмен гордо выходит на арену. Перед схваткой тренер для взбадривания хлещет подопечного по ногам пучком веток дерева зинги. Борец прыгает, стараясь увернуться от болезненных ударов. Молва уверяет, что таким способом спортсмен получает питательные соки зинги и становится сильным, смелым и ловким. Специалисты же не без оснований полагают, что речь идет о самой обыкновенной, хотя и оригинальной по форме разминке.

...На ринге лагеря «Единство» в центре Яунде проходила международная встреча по боксу. Атаковал камерунский боксер-тяжеловес. Его противник, ошеломленный ударами, выйдя из себя, пошел на запрещенные приемы. Дважды, прыгая, он откровенно пытался нокаутировать камерунца ударами головы в лицо, но, не достигнув цели и будучи в клинче, он до крови укусил соперника в плечо... Судьи хранили молчание.

— Похоже на бой быков,— пошутил с горькой усмешкой сотрудник местного радио Жозеф Ито Ток.— В нашем селе его бы немедленно дисквалифицировали.

— А что, у вас в деревне тоже бывают соревнования?— удивился я.

— Конечно. И с давних пор. По правилам, разработанным предками. У нас очень строгие понятия о спортивной чести.

В камерунской деревне Мфуланджа однажды мерились силами борцы-булу. Каждый стремился повалить соперника и прижать его спиной к земле. Одного из борцов дисквалифицировали и удалили с площади за то, что в пылу схватки он пустил в ход кулаки.

— Такое случается у нас редко,— объяснили мне старики.— Предки завещали нам уважать правила борьбы.

Дуала, живущие на берегу Гвинейского залива, истари соревнуются в борьбе бесуа. Соревнования по бесуа бывают как личные, так и между командами сел и кварталов округа или города. Зрители, запрудив площадь, хлопают в ладоши, хором поют «спортивные песни». Победитель получает почетный титул и становится знаменитостью, ибо в Африке сильных людей призывали уважать.

Бети говорят: «Ни один уважающий себя вождь не организует состязаний по борьбе, если он не рассчитывает хотя бы на одного из сильнейших борцов в своей деревне». Борьба между спортсменами различных народов пользовалась особым предпочтением у бети. Практиковалась она главным образом в сухой сезон. Часто эти соревнования носили характер «военной разведки»: сила борцов говорила о мощи народа в целом. Во время соревнований бети нередко решали вопросы местной политики. Неудивительно, что вожди отваживались на борцовские матчи, только тщательно взвесив шансы своих силачей на победу.

— У моего народа байя,— рассказывал Филипп Бабио,— соревнования по борьбе тимбо происходят дважды в год по большим традиционным праздникам. На них за многие десятки километров сходятся сильные люди, надеясь добиться чемпионского звания. Лучшие борцы приходят в масках. Уантимбо — маску лучшего из лучших — нелегко заслужить; путь к финалу долг.

По правилам схватка считается выигранной, если один из борцов четырежды бросил соперника на землю, а сам устоял на ногах. Для таких молниеносных бросков нужны сила, резкость и владение секретными приемами тимбо. Разрешаются захваты, подножки, различные броски — все методы, кроме кулачных ударов и щипков.

Если кто-либо из борцов прибегнет к кулакам, — добавляет Филипп, — его тут же лишат права продолжать участие в соревнованиях. Есть и другие законы борьбы. Например, правила поведения вне арены. Знарок тимбо никогда не должен использовать свою силу против слабого...

Бамилеке любят также соревноваться в пкуе — перетягивании каната. Канат вяют из лиан, способных выдержать вес нескольких горилл, не говоря уже о людях, или из прочных волокон листьев масличной пальмы. Каждый квартал или деревня выставляет команды своих богатырей. Почетно защищать честь деревни, но еще почетнее принести ей титул «самой сильной деревни». Команды разделены белой меловой чертой. Победители должны вытянуть неприятельскую команду за эту черту.

Среди видов традиционного спорта — игры, похожие на футбол; есть даже нечто вроде шахмат. В Яунде проводятся, например, турниры игроков в сонго. Сонго — настольная игра, нечто среднее между шахматами и шашками. К любимым настольным играм в центре и на юге Камеруна относится аббиа — игра в косточки, на которых изображены различные мотивы местного быта и природы, всевозможные символы различных видов искусств.

Разнообразен спорт в Африке. В ушедших веках теряются его истоки.

ОТ АЗАРТНОЙ ИГРЫ К ИСКУССТВУ

Аббиа. Это слово слышишь в Камеруне буквально на каждом шагу. Так зовется самый крупный кинотеатр камерунской столицы, известный на всю Западную Африку литературно-публицистический журнал и — в то же время — какой-нибудь маленький ресторан,

Аббия — народная камерунская игра

парикмахерская или даже лавка. Что же в действительности кроется за этим вездесущим словом?

Аббия — сложное понятие. Это прежде всего азартная игра, популярная среди населения юга и центра республики. В нее играют фанги, бети, этоны, эвондо, бене, булу, мангиса, бетсинга, ямба, бафия, банен и другие. Аббия часто называют игрой бети. Это — камерунская рулетка.

— Играя в нее, можно даже кое-что выиграть, — как-то пошутил писатель Рене Филонб, узнав, что я интересуюсь этой игрой.

Это «кое-что» в прошлом могло быть мешком арахиса или соли, калебасой с пальмовым вином, копьём, куклом (тесак с широким, слегка изогнутым лезвием), несколькими баранами, полдюжиной овец, плантацией, домом и в пылу сражения... ребенком или женщиной. Рассказывают, что в деревне Коба в восточном районе Намеджап-Эссенг некий великий искусник за свою блестящую карьеру игрока выиграл в аббия... 97 женщин.

Вожди не оставались в стороне от заразных страстей, тем более что в деревне умение играть в аббия — дело личного престижа. Их ставкой в горячке была не только власть, но и вопросы мира и войны между их деревнями. Ныне ставки изменились.

Власти, естественно, не могли оставаться равнодушными к столь азартной игре. Ее часто запрещали. Аб-

бия преследовали. Десятки лет гонений изменили внешний облик игры. Сейчас нельзя, пожалуй, выиграть войну или мир, но... «кое-что» все-таки иногда можно выиграть.

На языке эвондо слово «аббия», по мнению камерунского драматурга и этнографа Станисласа Авоны, означает длительное и очень активное действие (игру). Есть и другие этимологические объяснения. Во всяком случае, игра длится «от захода солнца до первого крика куропатки» (рассвета), как выражаются бети.

День игры по традиции назначается заранее. В некоторых районах, как, например, в Намеджап-Эссенге (на востоке) ежегодно на протяжении сухого сезона устраивается настоящий фестиваль аббия. Когда в одном селе заканчивается игра, в соседнюю деревню посылается весть о том, что там состоится следующий этап «соревнований». Поскольку крестьяне были неграмотны и своей письменности народы Камеруна до недавнего времени не имели, это послание представляло собой трость из бамбука или тростника, окрашенную у основания в полосы черного, белого и красного цвета.

«Игрища» в зависимости от их значения проводятся либо на сельской площади, либо во дворе одного из домов, либо в хижине, либо под деревом в стороне от деревни. В каждом случае это определяется местными традициями и договоренностью игроков. Бывает, что игра разворачивается в присутствии зрителей, а бывает, и в укромном местечке без свидетелей. Правила аббия разнятся от района к району, но победителем везде считается тот, чья кучка выигранных косточек больше.

Главное в аббия — это фишки, которыми оперируют партнеры. Многие европейцы в Камеруне охотятся за ними, как за оригинальными произведениями искусства. Интересная коллекция аббия собрана в музее камерунского искусства на горе Мон-Фебе в Яунде. Несколько лет назад один парижский ювелир украсил витрину золотыми перстнями с аббия, вставленной в оправу вместо драгоценного камня, вызвав переполох парижских модниц.

Для изготовления игральных фишек (мвиа — на языке эвондо) берут твердую скорлупу плода дерева из семейства сапотовых, весьма напоминающего по цвету и нередко по форме наши каштаны. Плод разрубают

пополам, края шлифуют пжом: шероховатости снижают ценность фишки. Отличительное свойство скорлупы — чрезвычайная прочность. Расколоть ее — нелегкая задача. На блестящую гладкую поверхность мастер наносит резцом символические узоры, изображения, обрабатывает соответствующий фон.

Темы рисунков мвиа навеяны жизнью. Африканцы — прирожденные реалисты, ибо щедрая красота природы воспитывает в них неистребимую жажду жизни, любовь к ней. Человек на этих рисунках показан в самых различных жизненных ситуациях: в труде, любви, на охоте, на отдыхе, во время обрядов и праздничных манифестаций.

На мвиа скрупулезно изображены орудия труда и предметы домашнего обихода камерунцев. Чего только не вырезано на миниатюрных картинах: топоры, купуны, жернова, ступы, барабаны, тамтамы, гитары, балафоны, колокольчики, разнообразные узоры традиционных татуировок, набедренные повязки, тапочки, драгоценности... Это также зашифрованный рассказ о символах и обычаях. Этнографы охотятся за старинными мвиа в надежде найти объяснение какой-нибудь давней традиции или открыть утерянный в минувшем обычай. По мвиа можно судить о богатстве камерунской фауны и об отношении к ней людей.

Мастера-граверы искусно изображают мифических животных, некогда порожденных буйным народным воображением. Земля, море, реки, растения (масличная и кокосовая пальма, рафия, фикусы, папоротники...) — природа не обижена художниками аббиа. По-видимому, в прошлом азартная игра заменяла также учебник юным камерунцам. Мвиа составляют своего рода книгу, которую легко прочтет посвященный человек. Символы, употребляемые в обиходе у африканцев, понятны грамотным и неграмотным. Например, маленький, определенной формы надрез на теле животного таит в себе строго конкретный смысл. Круг на спине антилопы означает, что она попала в ловушку, черточка — что она убита. Треугольник символизирует плодovitость, плодородие.

Истолковать такие знаки не всегда легко, поскольку, как я понял из объяснений крестьян, символы носят динамический, диалектический характер и меняют свое

содержание во времени и пространстве. Избранный художником сюжет, как правило, выражает желание, стремление обладать каким-либо предметом или качеством (успех в охоте, любви, в карьере, обогащение и т. д.).

Крестьяне нередко носят фишки-амулеты в кармане, на шее или же — как серьги — в ушах. Бездетная женщина носит на шее и не снимает медальон-мвиа с треугольником. Бети прекрасно разбираются в качестве гравировки. Им совсем не безразличны совершенство рисунка, стройность композиции, гармоничность линий. Но их понятиям шансы на удачу тем выше, чем красивее и выразительнее изображение. Разумеется, речь идет не о точном сходстве изображенного предмета и реального, а о внутренней динамичности, об отдельных характерных чертах, по которым легко можно воссоздать весь образ. Например, представление о зебу, африканских коровах с длинными изогнутыми в дугу рогами, будет полным, если резчик правильно изобразил голову и рога.

Часто фишки имеют форму косточки миндаля; в некоторых деревнях их укорачивают, чтобы придать им большую округлость и создать впечатление массивности. Маленькие размеры (диаметр зерна примерно 3 см, а длина редко превышает 4 см), заданность формы усложняют композиционное построение рисунка. Вписанные в тесные рамки предметы контрастируют с искусно обработанным филигранной резьбой фоном. Творческая вольность гравировщика проистекает не из умысла исказить изображаемое, соригинальничать, а из намерения добиться на минимальной площади максимума выразительности. Например, массивное туловище зебу изображается в профиль, а голова так, будто на нее смотрят сверху, чтобы четче выделялись рога — главная с точки зрения символики деталь. Вольность гравера очевидна: на голову зебу, сделанную в профиль, насаживают два глаза, которые могут смотреться только анфас. Подобные приемы были в ходу у древних египтян и в наши дни применяются некоторыми художниками. Камерунский ученый Энжельбер Мвенг насчитал приблизительно 800 символических изображений на мвиа, имеющих традиционное, зашифрованное значение.

Аббиа — своеобразное проявление африканского искусства. В ней сочетается присущее африканцам чувство реальности с поэтичным воображением, умением видеть природу и с художественным немногословием рассказывать о ней. Кроме того, и это очень важно, аббиа — правдивая летопись жизни ряда камерунских народов.

АФРИКАНЦЫ СМЕЮТСЯ

Неправдоподобными массами красок, пылавшими под лучами яркого солнца, ослеплял яундский базар привередливых клиентов, сновавших у лотков. Женщины с бархатистой кожей шоколадного цвета в платьях, щедрая гамма цветов которых затмила бы даже радугу, на фоне диковинок тропической флоры выглядели феями из волшебной сказки. Крохотный ярко-красный стручок ошеломляюще горького перца пили-пили или пучок петрушки они вручали покупателю с такой покоряющей, доброжелательной улыбкой, будто продавали по меньшей мере узконосую долбленку-пирогу.

У одного из лотков я наблюдал за крестьянкой, с лица которой не сходила лукавая улыбка. Она то и дело перебрасывалась веселыми замечаниями с соседкой. Ее улыбка с коммерческой точки зрения была не совсем оправданной, так как вот уже полчаса никто даже не справлялся о том, почему нынче салат, которым торговала эта крестьянка. Наконец настала и ее очередь.

— Почему холера, сестра? — с серьезной миной спросил долгожданный покупатель, немолодой человек в синей вышитой рубашке с круглым вырезом на шее.

«Сестра», ничуть не оскорбившись столь вольным обращением с ее товаром, хохотнула, прежде чем назвать цену.

С легкой руки одного из дикторов камерунского радио, участвовавшего в разъяснительной кампании по борьбе с холерой, салат был отнесен к злостным переносчикам этой болезни, а простой народ стал именовать салат холерой, впрочем отнюдь не отказываясь от него. Холера в Камеруне сделалась не столько предметом беспокойства и забот философски воспринимающих жизнь африканцев, сколько объектом шуток.

Перед началом футбольного матча между сборными командами Камеруна и Сенегала капитаны пожали друг другу руки.

— Произошел обмен холерой, — комментировал один из зрителей.

— Мосье, — заметил мне сторож одной из яундских вилл Годфруа Манга, когда я ему посоветовал пить только кипяченую воду, — нам то же самое твердят и по радио. Но в наших хижинах нет ни водопровода, ни газовых плит для кипячения воды, ни чайников, поэтому вещи, с вашей точки зрения серьезные, для нас превращаются в шутку. Что же нам делать, как не шутить?

«Холерный» юмор в конечном счете приобретает социальный подтекст.

Вечная живость, энергия и неувыдаемость природы Африки сказывается на характере ее обитателей. Добрую шутку здесь ценят. На нее никто не обижается. Представить африканца, лишённого юмора, — все равно что «перепутать слона с антилопой» (поговорка бети), вообразить манговое или апельсиновое дерево без плодов.

«Четыре вещи составляли представление о счастье в Верхней Вольте — спорт, любовь, музыка и танцы», — писал о своих предках вольтийский литератор Нази Бони. Эти слова можно легко отнести к любому народу Африки. Африканцы никогда не унывают. Анья, живущие в Береге Слоновой Кости, в районе Бваке — Абиджан, бесшабашно пляшут даже на похоронах. Семенящей, подпрыгивающей походкой с веселыми выкриками следуют они за телом усопшего. У динка, пилотского народа на юге Судана, умиравший, прощаясь с жизнью, распевал песни.

— Человек не умирает, а перебирается в мир всемогущих предков, — объясняют эти люди, не верящие в «естественность» смерти. — Он воссоединяется с предками, которых мы любим и помним, становится нашим покровителем. Мы радуемся и тому, что среди нас жил такой достойный человек, как он, что свою честность, доброту и заботливость он оставляет нам в наследство, что теперь он будет хранить нашу деревню от бедствий и зла.

— Ну а слезы все-таки бывают? — поинтересовался я.

— Конечно, жаль на время расставаться с ним, особенно родственникам. Горе часто пересиливает, и появляются слезы. Но улыбок больше...

Уловив смысл шутки, мгновенно обрадовавшись ей, африканец смеется искренне, заразительно, хитро прищурив глаза, показывая пальцем на шутника, подмигивая ему в знак признательности. Смех и веселье — такая же старинная традиция, такая же неперменная подробность быта, как и пальмовое вино или маниока у жителей побережья Гвинейского залива или храмы питонов в Южном Того.

По вечерам в деревнях бафия (Камерун) у одной из хижин, подражая взрослым, усаживаются в кружок малыши, и начинается состязание самых остроумных и находчивых.

— С какого дерева никогда не опадают листья? — быстро задает вопрос один мальчик.

— С авокадо!

— Нет.

— С коросоли!

— Нет...

Неудачные ответы вызывают взрывы хохота.

— Пальма, — находится один из мальчишек, и его ответ награждают дружными рукоплесканиями, перекрывающими смех. (Листья пальмы не опадают, даже засохнув. Их обычно обрубают острым мачете.)

Конкурсы острословов среди взрослых мужчин ведутся издавна.

Старые, добрые традиции живы и сегодня. По вечерам в какой-нибудь глухой деревеньке Эбонг или Нюмету, примостившись в хижине для собраний, хрупком немудреном сооружении из соломы и тростникового частокола, мужчины внимательно слушают единственный на всю деревню трескучий транзистор, а затем обсуждают текущие мировые проблемы. Об одной беседе рассказывает Лукас, персонаж шуточной рубрики-диалога «Жан-Пьер и Лукас» в камерунском еженедельнике «Эссор де жён»:

«На днях вечером в деревне Кунга беседовали меж собой старики. Им внимала молодежь.

— Э-э-э... — посетовал один из молодых, — эти белые собираются нас убить новыми болезнями. Разве эту холеру знали раньше?»

Укоризненно взглянул на жалобщика мудрый старик Квайеб и запротестовал:

— Что ты говоришь? Какое право ты имеешь на такие мнения? Разве ты ел, как мы, старики, змеиное мясо? Разве советовался ты, как мы, с шимпанзе? Плохо же вы, молодые, изучаете наши обычаи, если думаете, что до прихода белых у нас не было ничего своего, серьезного. Враки все! До белых у нас была своя местная холера, и называлась она „чупу“. До сих пор — разве вы о том забыли? — если кто хочет пожелать зла кому-нибудь, то говорит: „Чупу тебя забори“. Когда приходила чупу, народ Кунга запирали все входы в деревню, чтобы помешать распространению заразы. Знахари давали лекарства селянам и запрещали есть овощи. Нам говорят, что мы были дикарями. Допустим, но не настолько, чтобы не знать о холере».

В каждой шутке есть своя соль, и мудрейшим признается не шутник ради шутки, а тот, чей юмор наиболее едок и осмыслен.

Африканца легко обезоружить шуткой. К его неутомному солнечному характеру приспосабливается даже сама католическая церковь. В Яунде на площади Нджомелен, что значит Аллея пальм, по большим праздникам и воскресеньям под открытым небом идет церковная служба. Ведет ее священник Пи Клод Нгуму и его знаменитый хор, завоевавший главный приз на Дакарском фестивале негро-африканского искусства. На эту оригинальную мессу приходят и приезжают паломники из отдаленных деревень. На ней всегда много иностранных туристов. Однажды в день пасхи около трёх тысяч человек запрудили площадь. Проповедь велась в виде непринужденной беседы с прихожанами. Пастырь в подтверждение справедливости священного писания вставлял в нее народные сказания и поэтические легенды.

— Иисуса Христа распяли, ему было очень больно. Он так страдал... — стараясь быть предельно понятным, обращается Нгуму к пастве.

— И-и-и-и, — горестно отзываются молящиеся. Женские тонкоголосые вопли перекрывают мужские басы и звучат долго.

— Но не тут-то было, — вдохновенно восклицает проповедник. — Христос воскрес, ожил.

— Ха-ха-ха-а-а-а-а,— раздается общий одобрительный смех.

Затем начинаются песнопения. Они ведутся под мвет, балафон (африканский ксилофон) и другие народные инструменты. Хор, отдаваясь ритму и забывая о тексте псалма, ритмично раскачивается. Подпевая ему, производит колебательные движения весь приход. С каждым псалмом ритм пения убыстряется, и вот уже вся толпа пляшет. В некоторые моменты пляска напоминает обыкновенный твист. Задорно и очень вольно. Даже самые печальные псалмы певчие в красно-белых мантиях поют с веселыми улыбками.

«Стоит ли вводить в католическую литургию элементы языческих обрядов?» — задавал вопрос в газете «Эффор камерунэ» один священник. Отвечал он положительно: веселость и заряд жизнелюбия африканской природы требуют жертв со стороны церкви.

«Но не многим ли мы жертвуем, идя навстречу недавним язычникам? Некоторые наши священники незаметно для себя в ходе экспериментов уподобляются настоящим жрецам-фетишистам», — сетовал один африканский епископ.

«Юмор — одна из наиболее типичных черт нашей народной литературы, — объясняет в журнале „Озила“ писатель и поэт Рене Филомб.— Под пером наших авторов он может стать действенным и неотразимым оружием, способным вести бой с человеческой глупостью при помощи улыбки. Настоящий юмор не только вызывает смех, но и пробуждает сознание».

Юмор африканской литературы беспощаден, ибо его цель — «пробуждение сознания». Много премий получил за свои комедии один из любимых камерунцами авторов — Гийом Ойно Мбиа. В январе 1970 года он стал первым лауреатом государственной премии Камеруна за комедию «Три претендента, один муж». Писатель едко высмеивает архаичные обычаи и традиции, глупых и чванливых чиновников, жадных коммерсантов.

Героиня его комедии «Наша дочь не выйдет замуж» Шарлотта, дочь Мбарги, вождя деревни Мвутеси, закончила коллеж в Яунде и работает секретаршей в одном из министерств. Однако вся деревня с чисто сельской наивностью считает, что Шарлотта «руководит

всеми в Яунде» и «гребет бешеные деньги». Односельчане, живущие по старым законам племенной солидарности, которая в наши дни порой перерождается в откровенный паразитизм, противятся браку Шарлотты, полагая, что всю свою зарплату она должна отдавать Мвутеси. «Ты хочешь выйти замуж до того, как мы пользуемся плодами твоего труда? Не пойдет!» — гневается ее дядя Мека-Ме-Кунда. В пьесе сурово обличаются отжившие, но до сих пор существующие нравы, косное отношение к женщине, клеймится все, что сегодня тормозит движение Африки вперед. Следующий диалог, к которому сам писатель привлек мое внимание, — наглядное тому свидетельство.

В гости к старому Мбарге, только что купившему восьмью жену, 15-летнюю Дельфину, приезжает племянник Мевунг, студент высшей административной школы, которая готовит руководящих работников.

Мбарга. Дельфина! Дельфина! Иди сюда, приветствуй моего сына Мевунга! (Все молодые люди в африканской деревне считаются сыновьями и дочерьми старших по возрасту. Отсюда вытекают обязанности молодых перед всей деревней. — В. К.)

Дельфина (останавливаясь в дверях, робко и напуганно). Где он?

Мбарга (с удивлением). Что за глупый вопрос задаешь ты мне, жена моя? Разве ищут слона, разлегшегося на лужайке? Разве ты не видишь здесь великого человека в костюме из дорогой ткани? Вот он в кресле.

Мевунг (встает ей навстречу, как полагается человеку, не привыкшему ставить других в неловкое положение). Иди же и обними меня, о жена отца моего! (Долго и крепко обнимает ее.) А... а... а... (с сожалением оставляет ее). Если кто на свете умеет выбирать жен, так это мой папаша!

(Мбарга торжественно смеется.)

Мевунг. Но ты хорошо подумал, когда женился?

Мбарга. Конечно. Любители выпить пальмовое вино, навещающие меня, часто говорят: «Эх, Мбарга, у тебя восемь жен и тридцать детей. Как ты прокормишь их?» — «Убирайтесь с вашими советами, — отвечаю им я. — Мой сын Мевунг, то есть ты, и племянница Шарлотта пошлют их учиться в страну белых». А вообще нам, многоженцам, тяжело. Третьего дня на рынке в

Авае я так и не смог ничего себе купить, потому что каждой из твоих восьми матерей пужно было новогоднее платье. Ну а ты, мой сын Мевунг, до сих пор не женился?

Мевунг. Нет еще, почтенный Мбарга.

Мбарга. Как так!!!

Абессо-Занг (племянник Мбарги). Быть не может! Ведь лишь бедняки вроде меня, питающиеся листьями маниоки, остаются холостяками — у них нет денег, чтобы купить жену. Но как ты, о мой важный брат, можешь спать в холодной постели?

Мевунг. Как бы тебе получше это объяснить, брат мой? Достойных девушек не так уж много в наши дни.

Нкатефое (дядя). Возможно, мой сын ищет девушку, которая получила диплом в большой школе в Нунде или Дуале?

Мевунг. Это только отчасти, дядя. Мне нужна супруга, которая могла бы прилично принять гостей. Только очень трудно жениться, когда учишься в административной школе, как я. Все девушки, с которыми я встречаюсь, уверяют, что влюблены в меня без памяти. Когда же я на секунду отворачиваюсь от них, они то же самое повторяют моим друзьям.

Мбарга. И правильно поступают. Разве не долг всякой девушки, заботящейся о благе своей семьи, сделать все возможное, чтобы выйти замуж за великого человека, тем более когда сама она не шибко много училась?

Мевунг. Мне, отец, нужна современная, образованная жена, которая умела бы подать аперитив гостям, обсудить с ними то, что происходит в стране белых. Одним словом, та, которая обладает тем, что по-французски зовется «культурой». Но когда я встречаю такую девушку, ее родители отказываются выдать дочь за меня замуж: она, видите ли, должна работать ради их обогащения.

Мбарга (поперхнувшись). И они правы, эти родители!

Заканчивается сцена тем, что Мевунг дарит Маталине, своей тетке по матери, две тысячи франков.

Маталина (немедленно поднимая радостный крик). О вы, завистливые жители этой деревни! Идите и смотрите. И вы умрете от зависти. Смотрите, что дал

Мали. Женщины этнической группы белла у своих фелиджей

своей бедной тетке ее племянник. Такое случается только с самыми достойными женщинами Мвутеси!

Абессо-Занг (возвращаясь в комнату и не разобравшись). Я требую своей доли денег, которые распределяют в этом доме. Дайте мне мою долю!

Мбарга (сурово). Кто сказал тебе, мой сын, что в этом доме делят деньги? Ты ведешь себя, как мальчишка, а еще собираешься жениться и иметь детей. Знаешь, на кого ты похож? На человека, который видит, как односельчане оплакивают одного из его братьев, и, прежде чем узнать, от чего умер брат, требует: «Пусть отдадут мне всех его вдов».

До слез смеются зрители, когда эту сцену исполняют Даниэль Ндо, Женестьева Куо и другие здешние актеры. Все им в ней понятно, поскольку это их вчерашний и отчасти сегодняшний день.

Писатель из Конго Анри Лопес в книге «Остатки трибализма» с большой силой высмеивает, бичует элементы в сознании африканцев, мешающие им жить сегодня. В новелле «Господин депутат» Лопес показывает парламентария Нгуаку-Нгуаку на трибуне Национального собрания и в домашней обстановке, создавая законченный образ демагога — «прогрессивного деятеля»

на словах и заклятого консерватора в жизни. Над Нгуаку-Нгуаку нельзя не смеяться, но нельзя и не задуматься над этим образом хотя бы с точки зрения будущего Африки.

Африканская литература следует жизни: она ставит острые проблемы, шутливо улыбаясь читателю. Ее веселый характер определяется характером ее читателей.

Получая первый приз африканского театрального конкурса, Жан-Батист Обама пошутил:

— Я и раньше знал, что я великий драматург, но меня никто не признавал. Сам же я достаточно скромн, чтобы не хвалить себя, поскольку, как говорится в пословице бети: «Какая свинья скажет сама про себя: „Я жирная“».

Шутки отпускаются и по адресу вождей. «Вождь как пирога, которая плывет в ту сторону, куда ее толкают»; «У плохого вождя страна зарастает травой», — говорят жители Мадагаскара о несамостоятельных и неспособных правителях. Кстати, у многих народов весьма жесткие требования к правителям — их мудрость должна быть окрашена теплым юмором, отзывчивостью к подданным. Не случайно вступление повелителя на трон обставляют специальными обрядами, которые тот должен запомнить на всю жизнь. В древних пущах Сенегала у озера Казаманс существует необычный способ выбирать вождя, описанный французским писателем Андре Мальро. Умирает предводитель. Назначают его преемника.

— Но я же недостоин, — противится тот.

Кандидата в правители избивают чуть ли не до потери сознания. Если он выживет после такого «ритуала», то его со всеми почестями возводят на трон. Он — король, он верховодит всеми ритуалами, ему отдают любую девушку, до которой дотронется его соломенный скипетр.

— Это будет справедливый властитель, он не зазнается, потому что понял, что такое страдание, — говорят старейшины, совсем недавно советовавшие односельчанам покрепче отгузить вождя.

Африканский юмор проявляется в любой жизненной ситуации как средство воспитания. О нерасторопных и неискренних людях фанги отзываются так: «Быстр как черепаха, откровенен как хамелеон», а

о невозможности скрыть ложь говорят: «Поверженного слона листьями не скроешь»; о пользе осторожности: «Лучше позволить муравью сколько угодно ползать по телу, чем слону один раз наступить на голову»... По поводу демагогических обещаний, которые щедро раздают избирателям некоторые кандидаты на Западе, один интеллигент бети метко сказал: «Бревно, брошенное в реку, все равно не станет крокодилом, гласит наша поговорка. Эти люди побросали уже множество бревен в реку, но крокодилом ни одно из них почему-то пока не стало».

Уличную молву, сплетни, новости, которые «приносят на хвосте сороки», в Мали называют сообщениями «радио папайя», потому что с невысокого и ломкого дынного дерева много не увидишь и не услышишь, да и взбираться на него опасно: вот-вот сломается. В Камеруне это зовется «радио тротуара».

...«Чу, откуда несутся эти звуки? Ю-ю-ю-у! Ю-ю-ю-у! Ю-ю-у-у-ха! Ха-ха-ха! Звуки, буравящие воздух? Этот шум-гам? Эти крикливые, залиvistые голоса? Где-то неподалеку паясничает гриот, и люди смеются его шутловству во все горло. Анекдоты и шутки текут рекой...» — описывает одну из типичных деревенских сцен Нази Бони в романе «На закате старых времен». Гриот рассказывает историю из цикла «Муж уехал, жена одна осталась дома» — о женской хитрости, вероломстве и неверности. В тридесyтом варианте вольтийских бобо или камерунских дуала анекдот звучит примерно так:

— Муж намазал стрелы ядом строфантуса, перекинул через одно плечо колчан, через другое — плетеную сумку из пиасавы (волокон рафии), в которой запасены средства против змеиных укусов, чудодейственные амулеты, змеиные зубы, кожи жаб и лягушек-древесниц, экскременты некоторых животных, обладающие магическими свойствами, и отправился на охоту в саванну, а жена осталась в хижине...

В остальном в хижине под кокосовыми пальмами происходит то же, что и на Дерibasовской или Елисейских полях. Мужчины по ходу анекдота сперва осуждающе цокают языками — многие из них ведь ходят и па охоту, и на рыбную ловлю, а затем надсаживаются от смеха. «Ю-ю-ю-у! Ю-ю-у-у-ха! Ха-ха-ха-ха!» Чувство

юмора пересиливает обиду за мужскую половину человечества.

В Африке едко и метко высмеивают лицемерную «помощь» неокolonизаторов. «Пти блан» («маленький белый») — это выражение стало крылатым на всем континенте. Так в Камеруне и других странах зовут не слишком квалифицированных, но алчных специалистов из Западной Европы и США, которые приезжают в Африку по линии так называемого «технического сотрудничества». Им платят минимум в пять раз больше, чем африканцу на той же должности. Они довольно часто вызывают презрение своей беспомощностью и корыстолюбием. В Верхней Вольте я слышал несколько грубоватый анекдот о «пти блан»:

«В Африку по линии технического сотрудничества прислали племенного быка для улучшения местных пород скота. Однако бык повел себя весьма странно. Он прекрасно питался, четко грассируя „р“, требовал культурного и внимательного ухода, вплоть до приема ванн, тяжелел в весе, наливался силой, но... коров не трогал, то есть функций своих не выполнял. Под высоким разлапистым эвкалиптом, деревом совета, как-то вечером собрались мудрые старики:

— Как понять странное поведение быка? Если дело пойдет таким образом, он объест всю Африку.

Судили-рядили, наконец порешили.

— Уэдраого, — обратился вождь к одному из наиболее сметливых старейшин, — ты понимаешь язык мосье быка. Спроси его, друг, будет ли он заниматься нашими коровами и какие причины кроются за его непонятным поведением.

Уэдраого отыскал быка и сразу же, сославшись на решение совета, атаковал его:

— Бык, а бык, старики интересуются, почему ты наших коров не трогаешь, делом не занимаешься.

— Так я же из „технической помощи“, — удивился бык и высокомерно прервал разговор с Уэдраого.

В одной статье сотрудник журнала «Жён Африк», экономист Жан-Пьер Ндиай, писал, что в Африке из-за «усердной грабительской помощи» капиталистического мира «идет процесс развития слаборазвитости».

Иногда то, что со стороны кажется смешным, на самом деле выступает как подлинная трагедия африкан-

Знахарь-хауса продает снадобья и амулеты
в Западном Камеруне

ского бытия. 30-летний специалист по лекарственным травам, нигерийский знахарь Осеке Окезе откликнулся на просьбу клиента изготовить для него народное средство против пуль. В Африке редко отказывают в помощи, даже если не знают точно, как помочь. Когда снадобье было готово, «бдительный» клиент до уплаты гонорара предложил знахарю на месте испытать его действие и... был застрелен наповал, хотя тело его было насквозь пропитано чудодейственной мазью.

Однако подобные рядовые «осечки» чародеев не могут полностью развеять густой туман вековых предрассудков, веру в магию и талисманы; хотя над этим тоже смеются. С оглядкой, но смеются. В 1963 году в Береге Слоновой Кости разразился скандал. Министр Эрнест Бока был уличен в попытке посягнуть на жизнь президента республики Феликса Уфуэ-Буаньи. Способ «покушения» был уникальный. На допросе Бока признал, что передал фотографию президента чародею с тем, чтобы тот с ее помощью заколдовал президента

«до смерти». При обыске на квартире заговорщика обнаружили чемодан, набитый талисманами, ядами и прочими волшебными снадобьями и предметами.

Никто не удивился признаниям и арсеналу Боки. На одном из митингов Уфуэ-Буаньи заявил: «За каждым фетишем скрывается яд... Все мы верим в чудодейственность фетишей, и если бы я попросил тех, кто меня сейчас слушает, вывернуть карманы, то у восьмидесяти процентов из вас наверняка оказались бы григри или оберегающие амулеты».

Аудитория взорвалась смехом и отметила рукоплесканиями пронизательность президента. Да разве только в БСК министры и простые граждане не расстаются с талисманами?

Есть показатель, по которому Африка занимает первое место согласно всем справочникам мира: в ней больше, чем где-либо еще на земле, королей, султанов, вождей. С некоторыми из здешних «величеств» у меня установились дружеские отношения. Юмор не обходит королей и их отпрысков.

В Гаруа (Северный Камерун) я столкнулся на приеме с принцем, братом султана бамумов в Фумбане. Чтобы сделать ему приятное, я обратился к нему «Ваше величество». Принц, который был слегка навеселе, расплылся в добродушной, милостивой улыбке, потом дружески потрепал меня по плечу и предупредил:

— Владимир, только при посторонних зовите меня проще: «Ваше высочество».

Чувство юмора ценится в Африке как одно из высших человеческих достоинств — основной признак мудрости.

Давным-давно в глуши экваториального леса враждовали между собой два племени. Одно состояло из грозных великанов, ударом кулака валивших наземь деревья, другое — из низкорослых, скромных на вид людей. Во всех битвах брало верх второе.

Как-то раз вождь неудачливого племени призвал к себе самого мудрого советника и приказал ему отправиться к вождю малорослых — выведать секрет побед.

— О вождь, — почтительно обратился мудрец к предводителю соперников, — раскрой мне вашу тайну. Почему вы, такие маленькие, побеждаете нас, силачей-исполинов?

— Что же — не буду таить секрета. Тем более от гостей у нас их нет. Видишь тот пень. Подойди к нему. Теперь я кладу на него руку, а ты изо всех сил ударь по ней. Да не бойся.

В момент удара вождь успел убрать руку, и мудрец взвыл от боли.

— Наш секрет — в уме и хитрости,— промолвил хозяин.

Мудрец поспешил домой.

— Ну как? Узнал? — торопил его с ответом вождь.

— Узнал. Все узнал,— радостно воскликнул разведчик.

— Ну рассказывай.

Мудрец оглянулся по сторонам: вокруг ни пня, ни дерева. Но он быстро нашелся. Шагнув к вождю, он закрыл лицо ладонью и сказал:

— Попробуй, ударь меня по руке.

Вождь хорошенько размахнулся. Проворный мудрец успел убрать ладонь от щеки, но оказался в глубоком нокдауне. Высокорослые так и не смогли победить.

— Юмор — наш верный спутник в скитаниях по жизненной стезе, «тайное» оружие, с помощью которого мы надеемся победить наших врагов и самих себя, сделать жизнь доброй, счастливой и интересной,— резюмировал эту легенду писатель Рене Филомб.

БЬЮТ НОВОГОДНИЕ ТАМТАМЫ

«Когда люди вместе переходят реку, их боятся даже крокодилы», «когда на празднике пляшет все село, под его ногами дрожит земля», «мизинцем морскую волну не остановишь»,— гласят африканские пословицы. Любой праздник, а встреча Нового года тем более — радостное событие в жизни африканцев.

В сегодняшнем виде Новый год — импортное явление в Африке. Католические и протестантские миссионеры, колониальные «советники» рекомендовали здешним сюзеренам встречать рождество в благочестии, творя молитвы. На Мадагаскаре рождество и Новый год впервые отмечались в 1862 году. По внушению окружавших его католических прелатов король Радама II заранее оповестил всех подданных, недавно обращен-

ных в христианство, и предложил им петь вечером религиозные гимны и песни. В четверг, 25 декабря 1862 года король присутствовал на торжественном обеде у консула Франции Жана Лаборда, создателя первых литейных, оружейных и других мастерских на острове.

Огромная толпа с фанатичным восторгом приветствовала короля, когда он вышел на улицу после пиршества. По рассказам очевидца, королевского духовника Вебера, который разъяснил Радаме ритуал нового праздника, процессию, отправившуюся в Серебряный дворец Транувулу на холм Ярив, возглавила супруга короля Рабуду (в переводе с малагасийского «мятежница»). Король с офицерами шагал за паланкином Рабуду. Сопровождавшая кортеж толпа в четыре голоса на традиционный малагасийский манер слаженно пела псалмы и духовные гимны. Мало-помалу характер исполнения менялся. Толпа входила в экстаз, привнося в канты святотатственные мотивы и неожиданный смысл и приплясывая в такт.

— Каким мужеством и терпением надо обладать, чтобы управлять этой бандой сумасшедших? Все они безумные язычники, у которых нет никакой веры, — негодовал король.

Верноподданным во весь голос вторила с паланкина «мятежница», не без благословения которой, к слову сказать, король был убит несколькими месяцами позднее за многие новшества, противоречившие заветам предков.

— Рабуду дурачится, — кипел Радама. — Она безбожница, как и все они. Она поступает, как этот сброд распутников и распутниц. Эти люди никто — они ни католики, ни протестанты.

А там временем на весь Антананариву гремела вакхическая сладострастная песнь далеких предков «Аффиндрафindraу», в которую изредка, на всякий случай, по правилу цини малагасийской психологии, ищущей оправдания любому поступку и прощения за него, вставлялись куплеты, славившие бога. Однако в исполнении разошедшейся толпы они звучали по меньшей мере кощунственно. Святые отцы Вебер и де ля Вэспер зажали уши.

Сотни лет назад теплыми декабрьскими вечерами, когда в Южном полушарии лето, молодые люди, крепко

и нежно обнявшись, блуждали по городу и под сопровождение гармоника, валии или маруаваны (валия — нечто вроде гитары, струны которой натянуты на толстый гладкий ствол бамбука, маруавана — народный инструмент, напоминающий скрипку) пели «Афиндрафиндра»:

Наши ноженьки ноют от изнеможения,
Наши очи слипаются.
Где же, о любимая, продолжится наше
сегодняшнее свидание?

И девушки успокаивали любимых, воркуя в ответ:
Ауку ое коли а (Помолчите, о дорогие!
Об этом не говорят вслух).

Точно так же в этот первый рождественский праздник на антананаривских холмах в полночь, когда кучка верующих стояла на коленях в церквах, толпы людей, в большинстве молодежь, распевали «Афиндрафиндра». До сих пор под Новый год, когда в последнюю минуту декабря звонят церковные колокола, на улицах столицы Мадагаскара громогласно поют веселые, жизнелюбивые песни далекого прошлого...

Да, Новый год в Африку принесла Европа, но, несмотря на недавнее знакомство с ним, африканцы веселятся в новогодний вечер столь же легко и непринужденно, сколь и на традиционных праздниках, которые до сих пор отмечаются в деревнях: встрече сухого сезона, праздниках ямса, проса, начала посевной и других. Каждый год в молодых африканских странах стал цепиться и планироваться как этап в борьбе с отсталостью, за укрепление национальной независимости, поэтому к встрече с рождественским дедом готовятся основательно, с волнением, присущим людям всех других континентов. Города и села, как стандартно сообщают в эти дни международные агентства, одеваются в праздничный наряд, а танцоры африканской глухомани вообще сбрасывают всякую одежду, ограничиваясь узкими поношенными набедренными повязками. Все взоры прикованы к спешной шапке Килиманджаро, откуда, если верить легендам, должен спуститься добрый седобородый старик в бело-красной шубе, с бездонным мешком подарков и с новыми надеждами на будущий год. К Новому году теперь репетируют новые танцы, самодеятельные театральные постановки, вырезают новые маски и статуэтки,

к нему приурочиваются и ритуалы явно языческого свойства.

У бавенда на севере ЮАР в новогодние дни проводится церемония вступления девочек в брачный возраст. Девочки-бавенда в возрасте 13—14 лет, расположившись где-то близ хижины вождя, изучают сложные па традиционного «танца питона», являющегося символом счастья и плодородия, хранителем племени. Танец — дань существу, которое племя искони почитает за мудрость и непонятность, дань всеведущему и всеискушающему змею. Танцем «питона» открываются сельские новогодние балы. Одеты девочки живописно. Талию стягивает пояс из цветного бисера, к которому спереди и сзади прикреплено по куску неширокой материи; на шее — плетеные шнурки, на запястьях — иногда до локтя — широкие браслеты из оловянных колец, в оправу которых вставлена разноцветная галька.

Танец продолжается несколько часов без перерыва — до полуночи. Посреди широкой площади в окружении всего села движется, извиваясь точно питон, плотная цепочка девочек, взявших друг друга за локти. Десятки юных танцовщиц под ритмичную переключку тамтамов медленными, плавными движениями подражают гармонично извивающемуся удаву. Иногда под восторженные крики толпы они опускаются на пыльную землю, и перед зрителями застывает в гигантском изгибе огромный, шоколадного цвета питон, гипнотизирующий всех живым блеском своей чудной красоты..

Закончен танец. Начинается общее веселье под барабаны. До утра при свете костров пляшут бавенда, вымаливая у Нового года счастье.

В канун Нового года в Африку из Западной Европы съезжаются знаменитые шарлатаны, готовые за некоторую мзду предсказать еще на один год судьбу доверчивым африканцам: футбольным командам, общинам, а иногда и целым государствам. Регулярно навещает Камерун видный хиромант, создатель так называемого Астрологического альянса, редактор газеты «Астрал» профессор Дельта Круц, поставивший целью своей жизни реабилитировать «научную астрологию». С завидным постоянством снимает номер люкс гостиницы «Аква Палас» в Дуале и составляет посетителям гороскопы. Со своим искусством он познакомил жителей

Шиамея, Дакара, Абиджана, Касабланки и других африканских городов.

Наезды в Африку европейских гадалелей, френологов, астрологов и хиромантов любопытны как новое явление синкретизма, спекуляции на суевериях и предрассудках африканцев, типичное выражение одного из аспектов идеологии неокOLONиализма на континенте. С помощью шарлатанов вроде «профессора» Дельты Крyца Запад пытается углубить религиозность африканца и повлиять на его сознание и социальное поведение. Предсказания профессора по карману лишь «элите». Народ же со свойственным ему жизнелюбием встречает Новый год по-своему, запросто, примерно так же, как веселились его предки тысячу лет назад.

О том, что утро мудренее вечера, а новый год мудрее старого, толкуют в новогодний вечер сельские старики.

Под Новый год в камерунском селе Эбонг кружком сидят мудрые старцы, курят глиняные трубки, время от времени бросая взгляды на танцующих, и изрекают вечные мысли. Не от того ли, что сами не могут прикнyть к веселящимся? А те из молодых, кто подсел к кружку, дабы перевести дыхание, стараются запомнить услышанное на всю жизнь — от старости никто не спасется.

— Вода рождается там, где квакают лягушки,— роляет один старик.— Пляшите, веселитесь от души. Дело будет лучше спориться в новом году, если его достойно встретить.

— Ты словно к невесте приник к калебасе,— одергивает другой старик юношу, дольше положенного затянувшего глоток свежего пальмового вина.— Не забудь нашу мудрость: если ты пьешь только вино, то, чтобы сохранить человеческий образ, научись также пить и воду.

Африканцы скупы на слова. «Если слово строит деревню,— говорят бамбара,— то молчание воздвигает мир». Однако под Новый год слово спорит с танцем. Где-то, выбиваясь из сил, пляшут мужчины и женщины, а в другом уголке импровизируются смешные сценки из сельского быта, соревнуются борцы, идут состязания в остроумии. Именно остроумные — первые кандидаты в мудрецы...

Близится утро. Бледнеет небо, открывая стройные силуэты пальм. В движениях танцующих проступает усталость. Веселью приходит конец.

— Надо уметь веселиться, только мудрые знают меру веселью,— вздыхает один старик.

— Человек — не слон, он не должен мерить свои шаги по шагам слона,— соглашается с ним другой.

— Надо знать меру веселью,— роняет Умм, самый седой из эбонгских дедов, и напоминает пословицу: предки говорили, птица, которая слишком много поет, не сумеет свить себе гнезда. Пора отдыхать. Днем нас ждет работа.

Все поднимаются и потихоньку вслед за стариками расходятся по своим хижинам. Затихают тамтамы. Их сменяет успокаивающее многоголосье птичьего хора, утомляющий пересвист цикад. Занимается утро Нового года.

ДРУЗЬЯ МОИ, АФРИКАНЦЫ

ВРЕМЯ ПЕРЕОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ

Можно говорить с собеседником на одном языке об одном и том же предмете, кивать в знак согласия и при этом не понимать друг друга. Человек — детище среды, обычаев и традиций, и отвлечься от них — значит заведомо воздвигнуть барьер непонимания между людьми. Встречаясь с африканцами, я поначалу чувствовал, что знания одного французского или английского языка не хватает для полного взаимопонимания с этими людьми, выросшими в иной действительности. Крестьяне, за которыми колонизатор всегда отрицал право на человеческое достоинство, и по сей день, если им не удастся уклониться от беседы с незнакомым европейцем, по старой, еще не изжитой привычке соглашаются с ним во всем.

Африканец одновременно живет в разных временных измерениях — и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Груз времени велик. Прошлое под маской этических эталонов, обычаев, традиций и ритуалов преобладает над настоящим, делает настоящее в глазах африканца чересчур обыденным в сравнении с испытанным опытом предков. Но желание покончить с отсталостью, в полной мере влиться во всеобщую коренную ломку всех косных социально-экономических структур и систем все же преодолевает бремя прошлого. В духовном облике моих африканских друзей совмещались порой самые, казалось бы, несовместимые черты. Один из них был писателем, журналистом и музыкантом. Выпускник Сорбонны, он превосходил блеском эрудиции и мысли многих просвещенных западноевропейских коллег. Его идеалом был научный социализм, что тем не

менее не мешало ему быть знатным вельможей, а позднее стать вождем. Другой, малагасиец, председательствовал на собраниях своего рода, одного из крупнейших в Антананариву, и в то же время писал острые социальные романы, активно участвовал в борьбе против колониализма и неоколониализма. Оба искали точки соприкосновения теории и практики научного социализма с общинными традициями и психологией их народов. Частичная приверженность стародавним обычаям и укладу — это я понял позднее — была неотъемлемым компонентом их борьбы против чужеземного господства, против духовного рабства. Для отражения культурной экспансии Запада они хотели использовать все внутренние ресурсы народной жизни, опыта и культуры. Они берегли и лелеяли ростки национального самосознания и патриотизма — и все это в жестоком противоборстве с культурной агрессией империализма. Знакомство с ними помогло мне уяснить, что, охраняя традиционные формы народной культуры, отбирая лучшее из народного опыта и мудрости, творцы современной культуры Африки не склонны впадать в близорукий традиционализм, то есть отнюдь не рассматривают в качестве неоспоримой модели доколониальную культуру.

Ни один поработитель на земле не ограничивался ставкой на одно лишь насилие. Опираясь на грубую силу, он при этом старался закабалить сознание покоренных им людей, выработать у них психологию и логику рабов, искренне верящих в свою никчемность, во всемогущество господина. И сегодня Запад, топчущийся в замкнутом круге, все еще силится затянуть туда же и Африку, убедить целые народы в их неспособности к самостоятельному существованию, труду и мышлению. «Общество без идеалов» не способно по своей сущности рассуждать категориями справедливости, ибо, как говорят тукулёры, «от того, кто прячет что-то гнилое, дурно пахнет». «Комплекс неполноценности» у Африки старательно вырабатывали начиная с первых колониальных захватов. В «духовном походе» на континент вольно или невольно участвовали и участвуют многие ученые буржуазного мира.

«Смертельной драмой был для нас колониализм, — пишет известный африканский историк и искусство-

вед Энжельбер Мвенг.— Уничтожение африканской культуры носило систематический характер. Оно выглядело как массированный психологический натиск, имевший целью убедить африканцев в том, что они никогда не создавали собственных цивилизаций, затем внушить им презрение к самим себе и к произведениям их самобытного гения и, наконец, вызвать в них стремление к чему-то другому, чуждому для них, — иными словами, к духовному самоотчуждению. В итоге африканские языки стали именоваться диалектами, начисто был отвергнут факт существования африканской истории и литературы, а африканское искусство, музыка и танец до сих пор характеризуются как примитивные».

И сегодня в западном мире не до конца изжиты измышления о том, что колониальное порабощение было якобы «исторической необходимостью для дикой Африки», «эпохой широкого и благотворного контакта цивилизаций». Я вспоминаю, как один писатель, автор документальной книги о колониальных концлагерях для африканцев, об ужасах принудительного труда, пытался приводить в беседе со мной доводы в пользу того, что «были, дескать, и у колониализма свои блага».

Однако так ли это? В сборнике стихов Франсуа Сенга Куо «Цветы латерита» есть маленькое безымянное стихотворение, на мой взгляд равное по глубине содержания целому роману. «Они пришли при свете луны под ритм тамтама в тот вечер, когда, все, как обычно, танцевали, смеялись. И будущее было безоблачно сияющим. Они пришли с собственной цивилизацией — с библией под мышкой и ружьями в руках. Груды мертвых тел закрыли землю. Все плакали. Замолчал тамтам. Наступила глубокая, будто смерть, тишина...»

К этой жуткой картине трудно что-либо прибавить. В концентрированном виде взгляд Запада на африканскую культуру проявился, например, в том, как родезийские расисты отнеслись к историческим памятникам древней цивилизации народа зимбабве в междуречье Замбези — Лимпопо. В духе принципов «культурной и интеллектуальной неполноценности африканцев» один из лидеров расистского «парламента» Южной Родезии, Джордж Хартли, доказывал, что идея принадлежности древних сооружений к культуре банту — «крамольный

вымысел» и выдвинута противниками расистского режима «в подрывных целях». Расистские культуртрегеры просто-напросто запретили называть развалины в междуречье «памятниками зимбабве» — ведь иначе рушится пресловутый тезис о «неполноценности». Как же расистам доказать тогда свое «естественное право» на хозяйничанье в этой стране?

Разумеется, приписывание африканцам «врожденной дикости», «примитивности чувств и мыслей» — чересчур прямолинейный прием, оправдывавший себя в глазах угнетателей лишь на начальном этапе их владычества, когда одного превосходства в силе с лихвой хватало для того, чтобы покорить и держать в узде африканцев. Но и тогда старались сковать народы континента духовными кандалами. Со временем империалистические теории и схемы, разрабатываемые для Африки, становились все более изощренными, напоминая мудреные капканы. Представители так называемой «функциональной школы», возникшей в США и Англии, отказывали африканской культуре в праве на развитие, они ратовали за консервацию варварских обычаев и отсталых форм язычества. Антиисторичность этого течения, его биологизм и проколониалистская суть практических рекомендаций полностью отвечали интересам империалистических кругов в Африке. Философ Леви-Брюль разработал «теорию низших обществ и цивилизаций», согласно которой африканцы навечно зачислялись в категорию существ с эмпирическим мистическим образом мыслей, качественно отличающихся от европейца». Специально подтасованными «фактами» из жизни колониальная литература подкрепляла кипплинговскую легенду о «бремени белого человека».

Тщательно изучая культуру и устное народное творчество Африки, западные исследователи с умыслом упирали на консервативные религиозно-мистические черты. «Магические и анимистские представления, связанные с культом предков, — говорится в предисловии к книге Е. С. Котляр „Миф и сказка Африки“, — выдаются за „извечную“, мистическую „негритянскую душу“, а древние традиции, взятые как нечто неизменное и неподвижное, противопоставляются современности».

— Наша задача — не консервировать традиции и

обычай, отдавая дань узколобому национализму, а использовать их в общих интересах ради освобождения от отсталости, от всех форм угнетения. Отрекаться от прошлого так же плохо, как и выдвигать его в виде аргумента против социально-экономического прогресса, — сказал мне писатель Рене Филомб.

Более безобидными на первых порах показались африканцам концепции фламандского католического миссионера Пласида Темпельса и французского этнографа Марселя Гриоля. Темпельс выступил с гипотезой о самобытной религиозной философии народов банту, которая-де предвосхитила христианство. На этом основании его последователи представляли африканскую культуру как исключительно идеалистическую и противостоящую «материалистическому Западу». Гриоль, отдавший долгие годы исследованию нравов и быта догонов, «обнаружил» у них, а одновременно и у других африканских народов философию «на уровне античной», также отчетливо идеалистического направления. Сведения, добытые им о деятельности традиционных обществ в ритуально-мифологических формах, без сомнения, говорили о жизнеспособности и непреходящей ценности африканской культуры. И все же исследования Гриоля были подчинены стремлению найти в африканской культуре и обычаях образец приобщения к миру «чистых чувств», истинно человеческих, искренних отношений, которыми явно обделено буржуазное общество.

Он и его западные последователи, вероятно, искренне стремились спасти народы континента от зол и бедствий этого общества, но звали они Африку не вперед, а назад, предлагая ей «сохраниться в первобытном виде». Гриоля никак нельзя было упрекнуть в неуважении к африканцам. Однако он сам был одной из жертв среды, претившей ему лицемерием и бессердечием, и потому полюбовно и от души вел с африканцами «диалог глухих».

Расставание с колониальной эпохой началось с орудейных салютов и подъема национальных флагов в честь независимости, с разрушения памятников колониальным завоевателям, но не кончилось этими актами. Важнее было снести все невидимые монументы колониализма и закрепленные им предрассудки и кос-

ность прошлого — все то, что подобно балласту тянет назад сознание людей новой Африки.

Но все ли африканские интеллигенты, воспитанные в духе «ценностей свободного мира», способны в полной мере служить независимому развитию Африки, все ли они вырвались из духовного плена, в котором очутились, изучая чужую действительность, читая чужие книги? Это далеко не праздный вопрос. В 1969 году в рамках дискуссии в журнале «Презанс африкэн» на тему «Элита и народ» критик Бипун-Вум с горечью писал о том, что африканская образованная элита «не выросла и до сих пор не вырастает из самого африканского общества. Она была создана для решения колониальных задач, для чего требовался ее отрыв от собственной среды... Мы являемся плодом колониализма».

Африканскую элиту, которая игнорирует свой народ и поддается обману ассимиляции, разоблачал в своих ранних статьях Леопольд Седар Сенгор. Немалое число ее представителей, по словам вольтийского ученого Ж. Ки-Зербо, превращается в своеобразных «наемников от культуры», подчиняющих свою деятельность духовным ценностям и нормам Запада. В среде подобных интеллигентов рождаются различные националистические и этнофилософские теории, инспирированные западной пропагандой. И сколь оригинально и экзотично они ни выглядят, на деле они означают измену интересам Африки.

Однако не «наемники от культуры» задают тон в культурном строительстве африканских стран.

У новой Африки новые граждане, сознающие личную ответственность за ее судьбу. Я часто вспоминаю своих далеких друзей и знакомых Франсуа Эвембе, Бираму Диаките, Франсуа Сенга Куо, Жозефа Ито Тока, Рене Филомба и многих других, с кем сводила меня судьба. Их ум остр и способен проникнуть сквозь любую толщу неизведанного и неиспытанного к тщательно спрятанным и замаскированным природой полезным знаниям. Меня поражают постоянство и неистощимость их чистой любви к людям независимо от расы и этнической принадлежности — они отвергают лишь тех, кто привык поработать и эксплуатировать.

У моих друзей разные убеждения и разные характеры. Они по-разному воспитаны, в разных школах

Мали. Учительница с учениками
в бамакской школе

учились, но их дар любви к человеку всегда помогает им в поисках правильных жизненных решений. Они не могут не писать, не создавать картины и музыкальные произведения, поскольку это их лепта в преобразовании континента. Беседы и дружба с ними помогли мне приподнять покров обычая, окутывающий личность африканца, увидеть настоящее лицо граждан новой Африки, понять их помыслы, поверить в способность Африки освободиться от всех незримых, стесняющих ее мысли и душу кандалов.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МВОГ-МБИ

На свете есть особая порода людей. Они живут мыслями, которые подчас намного опережают представления их среды. Их будто не касаются мелочные земные заботы. Они заняты головоломными, чуть ли не глобальными философскими проблемами и нередко как бы отрываются от земли. Их благородство граничит с наивностью. Их честность и бескорыстие переходят границы разумного и «резвым житейским умам» кажутся подозрительной глупостью.

Жан-Батист Обама относится к разряду чудаков-энтузиастов. С ним я познакомился дважды. Сначала заочно — читая его пьесы, изыскания в области африканской традиционной философии, стихи, трактаты о камерунской и африканской музыке. Потом мы встретились с ним очно — на выставке по камерунской истории, которую он устроил в своем центре воспитания и единения.

Этого человека отличают глубокая интеллигентность и необычайная душевная мягкость, притягивающие к нему людей разных характеров и темпераментов. Крупные круглые линзы очков в тонкой старомодной оправе, пожалуй, еще больше подчеркивают природную застенчивость Обамы и столь присущее ему качество не только понять другого, но и любой ценой не обидеть и не унизить его. У этого невысокого, худощавого человека есть какая-то фанатическая привязанность к старым, привычным вещам. Его шляпа, которую, как говорят, он забывает снимать даже во время обеда, — притча во языцех у его друзей. Он никогда не расстается с ней, будто это не головной убор, а завещанный дедом талисман. Рассеянность Обамы тем больше возрастает и становится трогательной, чем больше он поглощен каким-то очередным замыслом.

Он всегда остается камерунцем — не только в глубине души, но и во внешнем облике. Под привычным, знакомым его друзьям пиджачком вместо жилета он носит синюю, расшитую национальную рубашку навыпуск с круглым широким вырезом. С первого взгляда его можно принять за деревенского учителя или скромного служащего, поскольку он никогда не торопится обрушить на собеседника багаж поистине энциклопедических знаний, особенно в африканистике.

«Вождь пьет не ту воду, что взята у самого берега ручья, а ту, что взята далеко от берега», — говорит один из персонажей Обамы в пьесе «Героическая свадьба». Точно так же сам автор этих слов старается добраться до сути явления, то есть до середины реки, где вода приятнее на вкус и не загрязнена прибрежными наносами.

У него есть хорошая черта: он никогда ни на что не жалуется, хотя — я это хорошо знаю — не только забот, но и неприятностей у Обамы хватило бы на многих людей посильнее его.

Я прошу Жан-Батиста Обаму рассказать мне по порядку о его работе в области театра, музыки, живописи, истории и философии.

— Владимир, — укоризненно реагирует он на вопрос, — почему ты отделяешь музыку от театра или от живописи? Для меня, африканца, все области культуры и искусства взаимосвязаны.

— Но, — возражаю я, — в искусстве и культуре издавна существует специализация...

— Хорошо, — соглашается он. — Скажем, так. Я стал деятелем культуры в соответствии с нормами века — через все средства выражения и изображения. Ведь нельзя же оставаться на одном месте, как нельзя забывать прошлое.

Творческая деятельность Обамы началась в первой половине 40-х годов, когда он учился в столичной семинарии, что на холме Мволиер.

— И в вашей истории были просвещенные семинаристы, — лукаво улыбается мой собеседник.

Документы по истории камерунского театра свидетельствуют, что первой известной камерунской пьесой была «социальная комедия» «Мбарга Осоно», написанная в 1943 году двадцатилетним семинаристом Жаком-Батистом Обамой. Ее сюжет был почерпнут из самой жизни. В Южном Камеруне в те годы гремел «осоно» (на эвондо это слово означает «вор») по имени Мбарга. Лихой вор занимался стихийным перераспределением богатств в обществе: он крал у богатых, а затем раздавал добычу беднякам. Перед тем как «идти на дело», Мбарга предупреждал «зажиточных жертв» о часе своего прибытия. На суеверных граждан, никак не способных поверить в исключительное «профессиональное» мастерство Мбарги, он производил впечатление не хитроумного вора, а настоящего злого гения. Даже колониальная администрация ничего не могла поделать с этим ловким человеком. В 1945 году пьеса была с успехом поставлена труппой любителей, в которой участвовал ныне чрезвычайно популярный драматург Станислас Авона.

— Что касается Мбарги Осоно, он жив и поныне, только, конечно, постарел, — замечает Обама.

В 1964 году в Яунде была показана еще одна драма Обамы, «Ассимиладуш» («Ассимилированные»), за ко-

тору в 1971 году ему была присуждена первая премия Всеафриканского театрального конкурса. Это была попытка выяснить возможности африканского театра, основанного на синтезе реалистического содержания и национальной, африканской формы, первая попытка привнести на театральные подмостки Камеруна традиционные мифы и сказания, африканскую музыку и поэтику, попытка приспособить театральную форму к местным вкусам и условиям. Пьеса рассказывает о колониальном режиме в тогдашней Анголе, о горькой участи черной женщины и ребенка-мулата, о том, как на практике происходит ассимиляция африканского населения. По ходу драмы звучат африканские хоры, исполняются народные танцы, музыка к которым обработана самим автором.

Другие пьесы Обама, «Героическая свадьба» и «Гарем единобрачного», полностью созданы на основе традиционных сказаний. В первой драматурга волнует положение африканской женщины в условиях консервативных обычаев и вздорных предрассудков, тема второй — столкновение африканских традиций и идей христианства.

В архиве Обама есть неопубликованные и непоставленные пьесы. «Рождающийся Камерун» он представил мне как «национальную эпопею» о временах колонизации Камеруна в конце XIX века. «Драма гриота» задумана им как интересный эксперимент. Автор стремится с помощью песен и баллад из репертуара странствующих сказителей дать образ африканской истории на ее основных, с его точки зрения, этапах.

— Мой замысел — создать на основе «Драмы гриота» африканскую оперу, — признается Обама. — Но у меня нет оркестра для ее исполнения. Часть партитуры уже закончена. Я использую в ней, например, некоторые мелодии пигмеев, развиваю темы народной африканской музыки; каждый народный инструмент — балафон, гитара, тамтам, тамбурин и т. д. — получают свою партию.

Обама — поэт. Я люблю его стихотворения «Маски Парижа» и «Вот она, завтрашняя Африка». В них типичная для африканцев живая, осязаемая образность обостряется глубокими рассуждениями автора о судьбах континента в развитом мире.

рые некоторые специалисты спешат слать в архив якобы из-за их устарелости и ограниченной выразительности. Обама считает, что возможности народных инструментов не исчерпаны и что их резервы ни в коем случае нельзя умалять, даже сравнивая с классическими инструментами.

— Обратите внимание хотя бы на их разнообразие, на самобытное, неповторимое, характерное только для них звучание,— замечает Обама.

Музыкальной критикой Жан-Батист занимается с 1950 года. В 1957 году он побывал на III Международном конгрессе музыковедов в качестве музыкального критика. Обама — участник Дакарского и Алжирского фестивалей. Его перу принадлежат работы «Африканская музыкальная мудрость», «Африканская традиционная музыка» и другие. Многие из его рукописей до сих пор не изданы. К сожалению, в Африке пока не так-то легко опубликовать свой труд — мало государственных издательств.

— Я вижу смысл музыки,— рассуждает он,— не только в ее эстетичности, но прежде всего в том, что она философски выражает душу народа.

— Вы пишете музыку для народных инструментов, а на каком инструменте вы играете?

— Мой инструмент — фортепиано,— отвечает Жан-Батист.

— Но не слишком ли далеко фортепиано от ваших народных инструментов? — спрашиваю я.

Обама мгновенно схватывает подтекст:

— Один мой знакомый-фульбе сказал мне: «Если соединить все куски говядины, которые я съел за свою жизнь, получится целая корова». Культура — живой организм, который тоже должен питаться. Культурные обмены обогащают обе стороны.

Однажды Обама устроил в своем центре Мвог-Мби выставку по истории Камеруна. Среди тридцати представленных на ней картин большинство принадлежало его кисти. Удивительно, как он среди других работ успевает урывать время для живописи!

— Африканская история в цвете — моя цель в живописи,— делится он своими мечтами.— Живопись в Африке сравнительно молода. Я иду от цветной скульптуры масок в современной африканской картине, со-

храпя по возможности ритм, особенности нашей природы и традиционную символику цвета. Ведь у нас каждый цвет — конкретное понятие.

Под своими печатными трудами Жан-Батист Обама подписывается «социолог и африканский философ» или «африканский философ, специалист по библейским и африканским традициям». У каждого человека есть свой «конек», который одновременно может быть его слабостью и даже странностью. В прошлом некоторые ученые искали пресловутый «философский камень», но вместо него открывали истины, идеи и формулы, на основе которых позднее человечество делало фундаментальные научные открытия. Жан-Батист Обама честолюбив — он ищет ни много ни мало, а особую универсальную современную африканскую философию, которая, по его словам, «модернизировала бы нашу традиционную мудрость во всех областях и помогла превратить африканский метод мышления в конкретные действия». Обама считает целесообразным максимально использовать для этого африканскую общину.

В мире, научившемся четко и ясно мыслить в философском плане, философские взгляды Обамы могут показаться довольно пестрыми. Однако положительным качеством философов, подобных ему, является то, что они стремятся к такому обществу, которое бы жило и мыслило по-своему, оригинально, а не по-западноевропейски, то есть не по шаблонам, навязываемым Африке буржуазной пропагандой. Искания Обамы и его коллег представляются своего рода промежуточным этапом на пути к подлинной независимости молодых государств, поскольку ученые еще не могут сегодня полностью оторваться от реальной действительности в Камеруне и в других странах «черного континента».

— Одной из моих целей, если не единственной, как философа,— откровенно признает Обама,— является правильное воспитание молодежи: ведь она — будущее нашей родины.

Обама на практике осуществляет свою излюбленную систему воспитания трудом.

— Новую Африку,— продолжает он,— надо строить и преобразовывать, модернизируя наши собственные традиции, чтобы она выжила перед грозными разрушительными валами индустриализации двадцатого

века. Вот почему так неотложно «африканское» воспитание африканца.

Его философия конкретна. Вошедший в систему ЮНЕСКО Центр воспитания и единения в Мвог-Мби — прибежище детей бедняков. Прямоугольное, вытянутое сооружение, сколоченное из досок, проще было бы назвать сараем, если бы не стены, красочно расписанные в духе национальных мотивов Обамой и его учениками — будущими художниками. Этот центр в густонаселенном народном квартале Яунде Мвог-Мби, существующий с 1964 года на умеренную зарплату Обамы, научного сотрудника Камерунского культурного лингвистического центра, широко известен в камерунской столице. Здесь часто устраиваются выставки, лекции, просмотры кинофильмов. Здесь сам Обама, его супруга Тереза, некоторые нанятые ими за небольшую плату безработные педагоги вроде Раймонда Иене и Жозефа Ндму занимаются с детьми, у которых нет средств на продолжение учения, но есть огромное желание закончить среднюю школу, найти призвание или просто специальность.

— Мы пытаемся определить наклонности детей, — вводит он меня в один из классов, где идут занятия. — Уровень общей культуры, конечно, лежит в основе наших педагогических забот, но мы также делаем упор на выявление способностей наших учеников.

Обама помог выбиться в люди ныне известной в Камеруне певице Анн-Мари Нзие, пришедшей в центр в 1964 году, из очень бедной семьи, скульптору Конраду Мбарге, диктору радио Венсану Чиньому и многим другим.

— Детей нельзя отдавать на милость уличной стихии, — твердо заявляет Обама.

На уличных книжных лотках Яунде можно увидеть бюллетень Центра. В нем публикуются статьи по проблемам камерунской и африканской истории, литературы, театра и кино, музыки, художественного ремесла, новые стихотворения и новеллы... Бюллетень — детище Обамы, требующее неусыпных забот. Этот толстый журнал, отпечатанный на ротаторе, истощает его скромный бюджет. По понятным причинам он выходит нерегулярно, но как-то трудно представить Жана-Батиста Обаму без него. Бюллетень Центра вошел в мою

камерунскую жизнь как одно из самых ярких культурных явлений.

По воскресным вечерам в домике в Мвог-Мби собираются жители окрестных кварталов. Затаив дыхание, они смотрят пьесу или инсценировку очередной «философской поэмы» Обама, которую разыгрывают на скрипучих подмостках самодеятельные актеры. Какое удовольствие испытывают зрители, когда узнают в загримированном артисте своего родственника Мбаллу или скромную соседку Солу! Зрители любят настенные фрески и картины Обама и его учеников, брызжащими яркими, сочными красками. Среди фильмов, которые Обама регулярно демонстрирует в Центре, первые камерунские ленты — «Рождающаяся нация», «Тамтам в Париже», «Большая хижина». Показывали и наши картины «Ленин в Октябре» и «Трилогию о Максиме».

Вечерами здесь источают аромат 20 традиционных блюд камерунской кухни: по четвергам, субботам и воскресеньям искусный повар Бернар Андеге за почти символическую плату угощает гостей.

Обама любит повторять: «Человек — это то, что он ест». В бюллетене нет-нет да появятся исследования беспокойного Жана-Батиста в области народной кулинарии с дотошными выкладками о концентрации витаминов и степени полезности того или иного кушанья. С познаниями опытного кулинара он рассказывает о том, как готовится кус-кус из маниоки, пирожное из макабо, нджаха (копченая рыба на манго) и другие здешние яства.

Обама принадлежит к тем африканцам, которых, как свое личное, волнуют проблемы родины и континента. Все, что он делает, по-моему, имеет одну цель — помочь соотечественникам обрести свою индивидуальность после унижений колониальной эпохи.

— В Африке множество цивилизаций, — рассуждает Обама, — но если вы обратитесь к рассмотрению духовной культуры, ее живых, практикуемых традиций, то обнаружите все признаки культурной общности народов нашего континента. Чувство родины у нас пока еще местное чувство. Но заметьте — каждый народ проходит через различные этапы развития в зависимости от географических и исторических условий, выте-

кающих из миграционных передвижений его представителей. Базой формирования современных наций в Африке, — продолжает он, — служат успехи в строительстве крепких национальных государств с самостоятельной экономикой. При всех наших различиях — исторических, географических, этнических — между нами очень много общего. В прошлом не по нашей вине делался акцент не на то многое, что нас, африканцев, сближает, а на то, что, наоборот, разъединяет. Задача собрать в единую нацию маленькие племенные отечества, как это задумали мы, в Камеруне, вполне по нашим силам. Я, как исследователь-африканист, твердо убежден в этом, зная, что чувство национального самосознания — исторически давнее чувство в Камеруне.

«Напрасно ты встаешь рано, дорогу протоптали до тебя», — гласит камерунская пословица. Камерунская культура сегодняшнего дня создается и скрупулезным трудом африканских исследователей, которые пласт за пластом, факт за фактом восстанавливают культурные ценности и уроки прошлого. Связь времен в этом процессе — необходимое условие проявления своеобразия африканской культуры и составляющих ее национальных культур, раскрепощения безграничных духовных сил, заложенных в камерунском народе его долгой историей.

Африка вчера — источник,

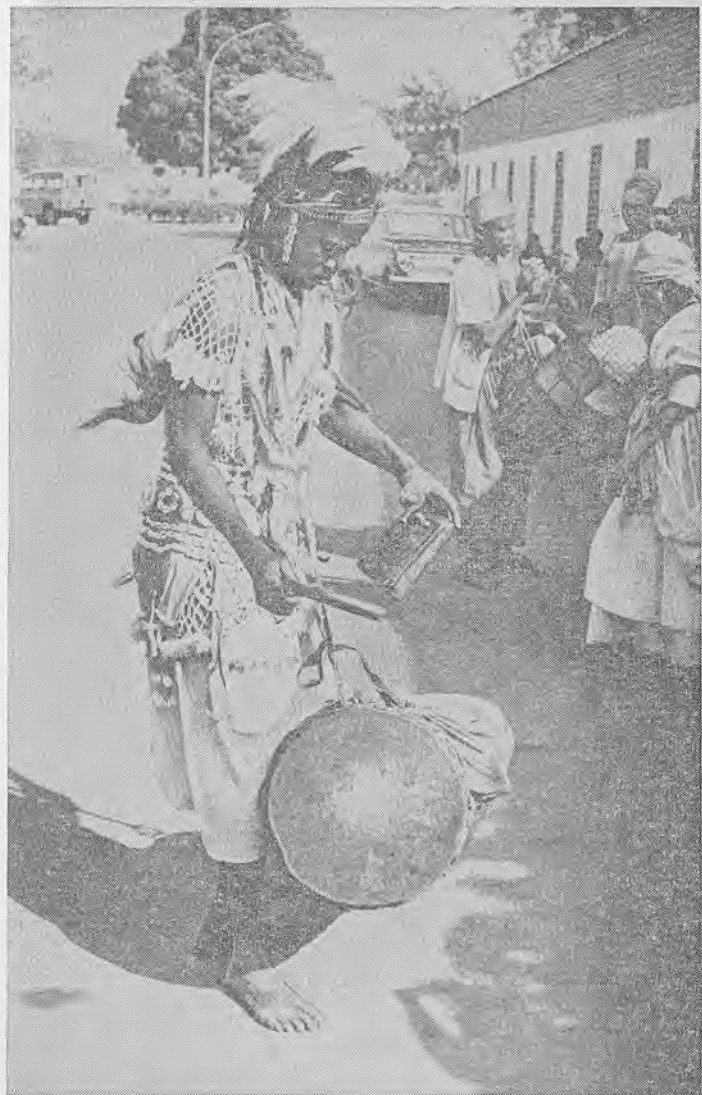
Африка завтра — река...

Иди, мой сын, своей дорогой,

Но не забывай оглядываться назад —

так представляет в стихотворении «Вот она, завтрашняя Африка» Жан-Батист Обама путь своей культуры в будущее.

...В домике в квартале Мвог-Мби допоздна не гаснет свет. В тесном кабинете за столом, обложенным книгами, тетрадами и просто оборванными листками, на которых наскоро записаны пришедшие однажды мысли, склонился маленький, щуплый человек, которому для осуществления всех его замыслов коротки сутки.

Тамтамысты всегда в спросе в Африке

Синие с проседью волны обрушивались на берег. Солнечный диск, будто покраснев от натуги, скатывался к горизонту, перекрашивая синь Атлантики в золотисто-коричневые тона. Камерунский городок Криби с его бескрайними пляжами готовился ко сну. И вдруг из глубины кварталов сквозь прибой, рассеивая грусть, вызванную надвигавшимися сумерками, до нас донесся грохот барабанов.

— Ява — танец батанга! — воскликнул Франсуа Эвембе. — Пойдем туда.

Звуки явы нарастали. Тамбуринам и тамтамам вторил стройный мужской хор. Мы протолкнулись сквозь плотный круг зрителей. В центре залихватски отплясывали женщины.

— Яву по традиции танцуют только женщины. Мужчины лишь подпевают им, — объяснил Франсуа. — Ява родилась после первой мировой войны. Батанга пострадали тогда больше всех. Их выселили в Западный Камерун и заставили работать на плантациях. Вот тогда-то обездоленные люди, чтобы подбодрить себя, создали веселый танец и назвали его «ява». Позднее родились слова к музыке танца. Усталые мужчины смотрят на танцующих и вспоминают покинутые очаги...

— Что они поют?

— Мандуму, одну из первых песен к яве. Мандуму на языке батанга означает «белый человек».

Непривычные для нашего уха ритмы сливались воедино. В общем хоре выделялись мужские голоса, придавая песне драматичность:

«Мандуму, зачем ты не воюешь на своей земле? Зачем ты принес с собой сюда, в Криби, эту войну? Ты убиваешь нас. Делаешь нашу жизнь жалкой! Зачем ты гонишь нас из родного дома?..»

Полновластный хозяин африканской музыки — ритм. Ему подчинена мелодия. Ритмы Африки — это зеркало неуывдаемой, жаждущей деятельности тропической природы, жизнелюбивого темперамента людей. Здесь не признают умеренно-медленного анданте, плавного нежного легато. Известный английский путешественник Генри Стэнли сказал: «Если хотите насладиться тропическим миром, надо быть в постоянном движении, как

он сам». Соответственно подбираются инструменты, исполнители включаются в ансамбль энергично, отказываясь от долгих нот.

— В танце у нас человек постигает тайны жизни,— сообщил мне камерунский певец Эбоа Лотэн.

Костюм танцора — это и головной убор из перьев, и пабедренная повязка, и нанизанные на руки и ноги погремушки. Они олицетворяют гальку побережья, курящуюся от красной пыли землю, изумрудную траву, запахи тропического леса, гомон птиц и рычание зверей в ночи. Властный тамтам, горделивые тамбурины, бархатные балафоны, гонги, бамбуковые лиры, стук камня о камень, палки о палку, прихлопывания в ладоши, бряцание копий и звон бубенцов и связанных в цепочки ракушек — все это сливается с многоголосым хором всего села. Так возникает ткань танца. Ритм постепенно убыстряется.

В Африке танец — синтез всех искусств. Все племя работает над его оформлением. Ткачи, кузнецы, резчики по дереву, татуировщики, декораторы. Материнские руки массируют тело сына перед его выходом в круг...

По вечерам, когда над Бамако зажигаются мириады ярких, мигающих звезд, жители столицы устраивают на площадях такие концерты, каких, верно, никогда не услышишь даже на самой отменной профессиональной сцене. Небольшой самодеятельный оркестр — у оркестрантов, кроме нескольких струнных инструментов, флейты и разнообразной формы тамтамов, нет иных инструментов — с подъемом аккомпанирует стихийно образовавшемуся хору и безудержным пляскам.

Музыкальность и природное чувство ритма — черты практически каждого малийца.

— Любовь к музыке просыпается у каждого африканца с первым криком после появления на свет,— пошутил Франсуа Эвембе.

Робко идут люди в пляску. Мало-помалу возникает по-настоящему цельный танцевальный ансамбль, в котором находится место и солистам, явно стремящимся выделиться, похвалиться своим мастерством. Тамтам импровизирует. Долго, до бесконечности длится танец. Но человеческим силам есть предел. Один за другим выбывают из круга обессиленные танцоры. И вот остаются победоносные тамтамы. Это непередаваемо волнующий

момент — последний переговор тамтамистов. Последние, самые яркие вариации и крики, крики, крики... сплошной гул идущего от сердца одобрения...

«Африка не знает музыкальной записи, музыка и фактура инструментов подчиняются устной традиции. Именно этим объясняются некоторые черты африканского искусства. Отсутствие в нем рационализма позволяет каждому музыканту, каждому умельцу свободно выражать себя, что создает поразительное разнообразие в творчестве», — писала газета «Эссор» накануне открытия в Бамако большой выставки африканских музыкальных инструментов в 1967 году.

44 инструмента из различных областей Мали, Берега Слоновой Кости, Сенегала, Верхней Вольты, Нигерии, Ганы, Камеруна, Габона, Конго и Мадагаскара, выставленные в Национальном институте искусств в Бамако, дали возможность получить более ясное представление о еще не до конца изученном разнообразии африканских инструментов.

— Вот, например, тамтам, — сказал мне на вернисаже тогдашний директор института Буба Диалло. — В действительности этот инструмент намного сложнее, чем его обычно представляют. Существует множество видов барабанов, форма, размер и фактура которых не подчиняются фантазии и прихоти изготовляющего их мастера, а определяются старинными традициями. Выбор этих инструментов всякий раз зависит от очень конкретных обстоятельств.

Девять видов африканского барабана было экспонировано на выставке. Тамтам ашанти привлекает не только тонкой отделкой, изощренным, многоцветным скульптурным орнаментом, изображающим сцены охоты и быта, но и гулким, торжественным боем. Исполнитель может варьировать громкость и тональность звучания барабана, ударяя ближе или дальше от его краев пальцами или тыльной стороной ладони. Есть и такие тамтамы, на которых можно сыграть даже мелодию из пяти и более нот.

Другой вид африканских ударных инструментов — балафон. Балафон из малийской области Сикасо чем-то напоминает ксилофон: деревянные пластинки разного размера, к каждой из которых снизу прикреплены отверстиями вверх полые грушевидные резонаторы — ка-

лебасы, позволяют извлекать звуки, приближающиеся по звучанию к живым грудным голосам.

Характерны для Африки шумовые инструменты. В Мали это даро — спаренные колокольчики, васамба — калебасы, наполненные бисером, камешками или рыбьими позвонками, множество бубенцов и трещоток. Разнообразны духовые инструменты: рожки, трубы, флейты из дерева, металла и даже из рога антилопы. Нельзя представить африканские оркестры и музыкантов без лирических струнных инструментов. Обворожительно звучит 21-струнная ко́ра из Мали, похожая на большое банджо. Под ее переборы рассказывают легенды и баллады гриоты. Смычок и единственная струна рити (Сенегал) — скрипки, используемой для аккомпанирования, сделаны из конского волоса. Струны и корпус гитары валяя (Мадагаскар) изготовлены из бамбука. В необычности инструментов один из секретов привлекательности африканской музыки.

В 1968 году с вольтийским инструментальным ансамблем ларалле-набы выступил французский скрипач Иври Гитлис. Его нежный Страдивари, всего лишь за несколько дней до этого чаровавший любителей классики в Карнеги-холле, гармонично вписался в басовитое пение балафонов. Иври Гитлис, блестящий исполнитель произведений Баха, Бартока, Берга, Паганини, глубоко вник в звуковую гармонию африканской музыки, разобрался в ее непривычных для европейского уха нюансах, в глубине одного из ее лейтмотивов — темы предков, подобрал ключи к виртуозным импровизациям, характерным для темпераментных африканских исполнителей.

В окрестностях Уагадугу французский скрипач репетировал вместе с искусными балафонистами. В окрестности ларалле-набы, где преобладают струнные инструменты, он участвовал в сложных, полифонических полуимпровизациях. Его скрипка безропотно подчинилась общей суровой дисциплине тембра и ритма оркестра из 19 виртуозов-сенуфо в Корого. Опыт Гитлиса доказывает возможность публичного исполнения африканской музыки лучшими скрипачами, пианистами и оркестрами. Гитлис высокого мнения об африканской музыке. О балафонисте-бобо, с которым он случайно сыграл вместе на уличном перекрестке Уагадугу, Гитлис отозвался:

— Под его палочками рождалась благородная уравновешенная, полная жизненного напряжения музыка, от которой бы не отрекся сам Стравинский.

— Только поверхностный наблюдатель,— заметил однажды нигерийский музыковед из университета в Ифе Акин Эуба,— может утверждать, что традиционная народная музыка потеряла свое значение в современной Африке под натиском мощного влияния западного мира. Большинство африканцев живут в той культурной атмосфере, когда первый опыт восприятия музыкального искусства связан с народной музыкой; лишь в крупных городах Африки господствует космополитическая культура и западная музыка.

Эуба обратил внимание на то, что увлечение западной музыкой, и в частности поп-музыкой, подчас поощряется разнообразными материальными средствами, в то время как народные музыканты практически не получают допуска ни к большим эстрадам и театральным площадкам, ни к микрофонам радиостанций, ни к домам звукозаписи.

— Вкус к западной современной музыке,— развил он свою мысль,— подразумевает также приобретение вкуса к другим аспектам западной культуры.

Акин Эуба также подчеркнул, что жизнеспособность африканской музыки определяется не только ее самобытными эстетическими чертами, но и глубоким социальным звучанием.

— Африканские политики,— отметил он,— нередко говорят о единстве народов континента, но они никогда серьезно не рассматривали значение искусства как средства общественного воспитания.

И африканская музыка продолжает жить, покоряя слушателей своей великой душевностью и художественностью.

В Яунде мне как-то довелось увидеть танец бети менджанг. Его танцуют и на свадьбе, и на крестинах, при рождении ребенка, вступлении в совершеннолетие... Сначала балафонисты, словно для разминки, отбивают двумя палочками ритм. В круг плавно входят танцоры. Темп нарастает, всюю расходятся сыгравшиеся исполнители. Зрители скандируют имена наиболее искусных. Этоны, живущие в районе Яунде, во время этого танца подключают к оркестру один-два тамтама.

Близ города Нконгсамбы построили свои островерхие глиняные хижины бакака. Ритуальный праздник или конец полевой страды бакака отмечают танцем нкеле. Женщины и мужчины образуют круг, в середине — оркестр из тамтамов и тамбуринов. Один из музыкантов начинает отбивать ритм. Ему подыгрывает другой — ударами палки о палку. Женщина запекает песню. Ей подпевают все остальные. Женщина-запевала диктует обязательный для танцующих ритм, меняющийся с каждым куплетом. Содержание песен зависит от того, по какому случаю исполняется нкеле. Роль запевалы очень ответственна. Запевала должен уметь импровизировать, обладать голосом, диктовать ритм, а для этого нужно быть остроумным человеком и танцором по призванию.

Танцы и музыка африканцев не потеряли своей конкретности, соотнесенности с непосредственными жизненными событиями. По яундскому радио я как-то слышал песню «Телу джавари им ране», которую жители севера — фали исполняют по случаю рождения близнецов. В прошлом фали были храбрыми воинами. Их набеги наводили ужас на соседей. Однако музыка фали далека от воинственности, она мягка и строга. И всегда жизненна.

На репетиции камерунских танцевальных ансамблей перед их отъездом в Алжир на фестиваль африканского искусства я восхищался мастерством деревенских парней, впервые попавших на столичную сцену и ничуть не оробевших. С каждым танцем я мысленно путешествовал по стране, невольно участвовал в праздниках народов севера и юга, вникал в ускользящую мелодию и думал о силе воздействия этой музыки, столь непривычной для нас.

«Я — ДЕРЕВЕНСКИЙ ХУДОЖНИК»

Паскаль Кенфак возвращался в Джанг, городок на Плато бамилеке, на западе Камеруна. Маленький автобус-такси, до отказа набитый пассажирами, петлял среди причудливо вздыбленных зеленых холмов с редкими деревьями, и Паскаль увидел, что они въехали на Плато бамилеке, и понял, что скоро из-за горы вынырнет родная деревня. Вдоль обочин дороги женщины, согнув-

шись в три погибели, несли тяжелые вязанки хвороста: запастись хворостом — целая проблема в здешних безлесных горах. Изредка попадались домики в давнем стиле бамилеке с квадратными четырехугольными стенами и высокими коническими соломенными крышами. Миновали Бангангте, Бафусам. После Бафусама традиционные домики полностью уступили место легким одноэтажным современным строениям с плоскими крышами из белого листового алюминия. Что это? Неужели и отец поддался моде и заменил великолепный дом, в котором жили деды, на такую вот безликую коробку? В Бансуа, что в сорока километрах от Джанга, Паскаль попросил шофера остановить автобус и несколько минут беседовал с крестьянами. После этого иллюзий уже не осталось.

Не изменились в деревне лишь родители. Дом был новый и как две капли воды похожий на другие. Немного успокоил Паскаля прежний вид полей, где он помогал отцу и матери собирать кофе, корни макабо и маниоки...

Он незаметно выскользнул из дома и отправился к месту, где когда-то стояли островерхие родительские хижины. На их месте росли теперь папайи.

«Здесь была хижина отца, — узнавал Паскаль. — Здесь матери». Сохранилось «священное дерево». Паскаль обошел вокруг него. Дерево то же, что и было. Только его искривленные корни оголились и приподнялись над землей.

— Почему ты до сих пор хранишь это дерево? Оно же стоит посреди кофейной плантации? — спросил Паскаль отца.

— Дорогой сын, это дерево будет здесь всегда. Я вижу, что ты забыл заветы наших предков. Когда-нибудь я объясню тебе, в чем тут дело, — резко ответил отец, не выдав тайну дерева. Мать оказалась уступчивее.

— Наша семья большая. У твоего отца тридцать детей, — поведала она. — Это дерево — хранитель нашей семьи. Оно было посажено в момент основания деревни. Не называй его деревом. Это — наше доброе божество, наш покровитель.

— Почему ты и отец держите в своих хижинах черепа предков? — продолжал свои вопросы Паскаль. (По обычаям бамилеке черепа предков в доме приносят сча-

стве и спокойствие. Если черепа не найдены, вместо них хранят святые камни.) Мать не ответила.

Когда Паскаль уезжал в Яунде, отец отвел его на плантацию к священному дереву.

— Я никогда не был богат. Такова моя судьба,— обратился он к сыну.— Твоя судьба — профессия художника. Ты избрал ее сам.

Он наклонился, поднял с поля щепоть красной латеритной земли и потёр Паскалю лоб.

— Я молю предков,— продолжал он,— чтобы они хранили тебя повсюду, чтобы они сопровождали тебя во всех делах. Если кто-то на тебя зло посмотрит, пусть закроется его дурной глаз. Если ты споткнешься о камень, пусть камень превратится в пыль. Если гусеница заползет на твою голову, пусть упадет на землю и не оставит следа...

Он долго повторял эти извечные напутствия, которыми все отцы народа бамилеке провожают своих любимых сыновей или дочерей в дальний путь, в чужие неведомые края.

— А за крыши,— вдруг улыбнулся он,— предки простят нас. Крыть дом алюминиевыми листами — нынче новшество, гордость каждой семьи, а мы — всего лишь люди.

Паскаль Кенфак — художник-самоучка. Его картины пользуются успехом в камерунской столице.

Кенфак работает не ровно. У него есть слабые работы, утверждают знатоки.

Передо мной картина Кенфака «Выход вождя». Четверо слуг несут вождя на бамбуковых носилках, подчеркивая его высокий ранг. За посылками следуют вельможи, слуги и телохранители. Впереди процессии метрах в тридцати идет слуга с колокольчиком. Заслышав звон колокольчика, люди прячутся — они не имеют права видеть вождя. И лишь когда пройдет процессия, вновь оживают улицы деревни. Все это передано яркими, динамичными красками, в реальных, по-африкански выразительных образах.

— Мои односельчане,— признается художник,— часто спрашивают, как мне удалось оживить то, что бесследно ушло из жизни, то, что было двадцать, тридцать, сорок лет назад, то, что я по возрасту никак не мог видеть.

В детстве любознательного мальчика зачаровывали рассказы деревенских стариков, традиционные ритуалы и праздники. Воображение художника, воспитанное глубоким знанием сельской жизни, рождало образы даже во сне, воскрешало в подробностях давно слышанные рассказы и даже разгадывало скрытый смысл того или иного ритуала или танца.

— У нас дома много рассказывали о работорговле, о страданиях рабов, о тяжелых принудительных работах, которые по воле колониальных властей пришлось испытать в начале нынешнего века моему отцу.

Паскаль запоминал бесконечные рассказы о добрых и злых духах, о пантере — животном вождя, о других символах из мира фауны. Вместе с другими любопытными мальчишками он наблюдал, например, сцену излечения воина. Больной воин в головном уборе с перьями, с множеством ожерелий, амулетов вышел в центр двора, где было воткнуто в землю его копьё. А во дворе ему уже варили эликсир из десятков магических трав, который должен был вернуть воину силы, чтобы он мог легко вырвать копьё из земли и, подняв его над собой, вновь отважно броситься на врага.

Картина «Близнецы у тотема». Женщина, у которой на одной руке покоятся два крошечных близнеца, лежит на боку на лежанке спиной к тотему — священной статуэтке, «вмещающей» дух предка.

— Предки присутствуют всегда и везде, — поясняет Паскаль, — даже если мы их не видим.

У изголовья деревянный отполированный брусок — подголовник. В очень многих деревенских семьях до сих пор хранятся такие вырезанные из сплошного куска дерева «подушки» и лежанки, напоминающие плоские корыта. На шее у женщины — двойное ожерелье, почетный знак матери близнецов.

— Я — деревенский художник, — формулирует свое кредо Паскаль. — Меня влечет старый мир наших предков, который был так же прекрасен, как и наш. По-моему, даже прекраснее. Я надеюсь создать еще одну точку опоры для будущих поколений. Надо, чтобы молодежь не перенимала с удручающей легкостью чужеземные нравы, часто лишённые у нас всякого здравого смысла, а задумывалась над проблемами собственной вековой цивилизации и культуры. Мне порой кажется, что, если

бы я и мои товарищи не работали над традиционными, чисто народными сюжетами, они бы исчезли, пропали навсегда, а это было бы трагедией для грядущих поколений.

Африканская живопись, если не считать древних наскальных рисунков, молода. Ее палитра в прошлом была приспособлена к раскрашиванию обрядовых масок. Красный, черный, белый, охряно-желтый — вот обычная гамма африканских живописцев прошлого. Синий и зеленый цвета на картинах кажутся недавними, по крайней мере в зоне расселения банту. Однако, какими бы немногочисленными ни были краски, которыми пользовались африканцы, их цвета как будто беседуют со своими зрителями. Алый цвет, например, как объяснил Паскаль, означал цвет жизни, крови, цвет африканской земли. В Африке кумачовый цвет, цвет здоровья и радости, превалирует на всех народных праздниках. Белый — цвет траура, цвет мертвых и духов. До сих пор все белое служит в деревнях для заговора от несчастий и болезней, используется в медицинских ритуалах. Охряно-желтый — цвет земли, зрелых фруктов, увядших листьев. Зеленый символизирует торжество жизни, черный — ночь.

Паскаль Кенфак в рамках возможного соблюдает эту преемственность символики цвета, но его объектом служат не традиции в отвлеченном виде, сами по себе, а традиции в жизни — со всем их подлинным историческим содержанием, оттого и богата его палитра.

— В африканской скульптуре, — говорит он, — существует стремление передать замысел или идею в чистом виде. Мы, современные африканские художники, воспитаны в традициях народной скульптуры, где тон задает выразительность, а не сходство. Каждый человек для африканского скульптора представлял существо вечное. То же и для меня. Вера в вечность человеческой жизни исходит из самого факта, что от кого-то мы приходим и кто-то происходит от нас. Кроме того, идея вечности человеческого рода проявляется в живой и многокрасочной неувядаемой природе.

Паскаль Кенфак участвовал во многих выставках. Четыре экспозиции были персональными. Путь его в живопись не был гладким. В школе на уроках Паскаль механически воспроизводил карандашом иллюстрации

из учебников. В обеденный перерыв и после изнурительной работы под жгучим солнцем на плаптациях он рисовал. После начальной школы в Джанге учиться не пришлось. Пятнадцати лет Паскаль отправился в Яунде в надежде продолжить учение. Весь 1962 год он был безработным. Когда его брат обзавелся лавчонкой в одном из густонаселенных кварталов, Паскаль сделался продавцом в ней. Покупатели туда заглядывали не часто, и мальчик ловил каждую минуту для чтения и рисования. На сэкономленные деньги в 1963 году втайне от брата он поступил на заочные курсы живописи. Через год он признался в этом брату. Брат обиделся, но понял, что от своего увлечения Паскаль не может отказаться. В 1966 году заочные курсы были закончены. Тогда же появились его первые картины.

Добывать на хлеб и на краски в Африке нелегко. Паскаль Кенфак работает учителем рисования. В свободное время он отдается любимому делу. Он ездит по деревням, беседует с крестьянами о жизни, о прошлом и настоящем, там он ищет темы и героев своих картин.

— Нам твердили, что у нас нет истории, — замечает Кенфак. — Теперь мы знаем, что это не так. Я возвращаюсь к истокам, к прошлому. Мы, люди двадцатого века, должны осознать, что всем тем, чем мы сейчас являемся, всем, что сейчас есть у нас, мы обязаны прошлому, своим предкам, своей не всегда милостивой истории.

ЦЕНА ОБРАЗОВАННОЙ ДЕВУШКИ

Маленькая камерунская деревенька Мвутеси задумала разбогатеть. Старый и мудрый Абессоло, выпивший за всю свою долгую жизнь не одну тысячу калейбас арки, хочет получить мешок орехов кола, шезлонг, три отреза ткани; молодой Ойоно — мотоцикл, железную кровать, матрац, набитый хлопком, шкаф и... жену, девушку из Эболовы, за которую он никак не может выплатить традиционный выкуп. Атангана хочет дорогой проигрыватель, велосипед, четыре тергалевых костюма, швейную машинку, десять мешков риса по 100 килограммов каждый, четыре быка, 15 овец, 10 коз... Атангана требует больше всех. И еще 300 тысяч фран-

Камерун. С подарками на свадьбу

ков свадебного выкупа. Атапгана имеет на то больше права, кивают соседи, ведь он выдает замуж образованную дочь Джульетту. Почему бы жениху и не расщедриться?

Процветание Мвутеси зависит от такого пустяка, как согласие Джульетты, которая учится в коллеже в Либамбе, вступить в брак с одним из трех претендентов: молодым плантатором Нди, уже уплатившим 100 тысяч африканских франков выкупа, чванливым чиновником из Сангмелимы Мбиа, от которого община Мвутеси ждет не только денег и подарков, но и льгот и протекций в городе, и, наконец, на крайний случай, с коммерсантом-бамилеке — жадным Чентгеном. Вся деревня, исключая неблагодарную Джульетту, которая не согласна быть предметом торга, склонна отдать предпочтение важному чиновнику, тем более что тот обещал наградить всех орденами и медалями. «Чего тут думать,— убеждает всегда рассудительный дядя Джульетты Ме-

зое, — у чиновника всего восемь жен. Никто из них не учился в коллеже, как наша Джульетта. Она будет командовать всеми в семье Мбиа, это я вам говорю».

Пьеса Гийома Ойоно Мбиа «Три претендента, один муж» получила широкое признание в Африке. Она с успехом шла на сценах Англии и Франции. Во Франции комедия была поставлена известным камерунским актером Амбразом Мбиа, исполняющим главную роль в советском фильме о Патрисе Лумумбе. Пьеса — едкая сатира на отсталые нравы и некоторые пороки современного камерунского общества.

— Не только камерунского, ибо многое, что изображено в ней, встречается и в других африканских странах, — предупреждает меня от торопливых оценок писатель.

Напыщенный, самовлюбленный чиновник Мбиа, вместилище тщеславия и амбиций; туповатые жаңдармы, наводящие страх на крестьян и творящие произвол; колдуны, обманывающие доверчивых и суеверных селян; мужчины, проводящие день за днем в беспробудной лени с одной мыслью о том, как бы вышить толику арки, запрещенного властями, или какого-нибудь другого горячительного напитка; женщины, выбивающиеся из сил на плантациях и у себя дома... Каждый образ в пьесе Гийома Ойоно говорит об искреннем желании драматурга помочь соотечественникам осознать нелепость нелепых традиций, порочность порочных нравов и поступков, плодотворно и сознательно трудиться на строительстве независимого Камеруна.

В пьесе Джульетта побеждает и даже выходит замуж по любви, но далеко не всем ее соотечественницам так везет, как ей.

До сих пор проблема семьи и брака связана в Африке с обязательным выполнением всевозможных условностей и традиций. Например, по древнему обычаю в Мали за девушку при вступлении в брак давался символический выкуп — 5 граммов золота, посуда и 100—150 орехов кола. Во времена колониализма сумма выкупа за невесту, который вносил жених ее родителям, была взвинчена до 300 тысяч африканских франков (примерно 1500 долларов США) и более. В 1962 году правительство Республики Мали ввело новое законодательство о браке, согласно которому максимальная сумма вы-

купа за девушку ограничивается 20 тысячами малийских франков, а за уже побывавшую замужем женщину — 10 тысячами. Подобные меры были приняты и в других странах. Однако там, где с законом конкурирует обычай, последнее слово не всегда остается за законом. Вот и приходят ему на подмогу литература и юмор.

Гийом Ойно широко известен в Камеруне как драматург-сатирик. После «Трех претендентов, одного мужа», в 1967 году появилась комедия «До следующего уведомления» о ломке родовых отношений в камерунской деревне. Автор получил первую премию на Всеафриканском конкурсе Лондонского радио. В 1969 году второй премии на Международном театральном фестивале удостоилась комедия Ойно «Наша дочь не выйдет замуж».

— Мы, африканские писатели, не можем прожить литературой, — говорит Гийом Ойно. — Я пишу, когда у меня есть время.

С октября 1969 года драматург преподает английский язык в университете в Яунде.

— Премия пришла вовремя, — улыбается он. — Я долго не получал заработной платы, не имел жилья. Находил временное пристанище у сердобольных друзей. Тут не до комедий.

Гийом Ойно совершенно лишен эгоизма, тщеславных амбиций. Его «я» служит людям и проявляется в полном гуманных идей и мыслей творчестве.

— Меня к литературе влекут не конкурсы и не премии, — замечает он. — Присуждение премии — счастливый случай. Не больше. Я не пишу, пока идея полностью не созреет, не уляжется в голове. Мои читатели — африканцы. Я знаю это, и оттого муки творчества увеличиваются вдесятеро. Да, я пишу для простых людей, но ведь на чужом языке. Передать же по-французски африканский колорит затруднительно. Приходится искать и искать.

И пьесы Гийома Ойно доходят до простого зрителя. Я смотрел их в великолепной постановке любительских коллективов с участием таких самородков, как лауреат Первого камерунского фестиваля драматического искусства Даниэль Ндо, драматург и актер Жан-Пьер Диконг-Пипа, очаровательная Женевьев Куо, и других актеров. И более всего меня поражал именно африканский

колорит диалогов, насыщенных народными интонациями.

— Как же вам удастся заставить героев говорить «по-африкански» на французском языке? — от души удивляюсь я.

— Я наблюдаю за жизнью народа, за своими знакомыми. Улица для меня — тот же театр, в котором играют все ее обитатели. Я — из деревни, из Мвутеси. И веду себя так, как будто я на родине. Меня часто принимают за крестьянина и изумляются, узнав, что я пишу книги.

Сын крестьянина, Ойно сдержан, молчалив и даже застенчив. Он редко улыбается. Его не выделишь на улице из группы людей. Его принимают за своего и крестьяне, и интеллигенты. И это преимущество человека, который пристально наблюдает жизнь.

— Мое подспорье в творчестве — хорошая память, — продолжает писатель. — Диалоги порой дословно переписаны из жизни.

Ну а цели творчества, темы? Каково отношение к ним?

— Я надеюсь, — высказывает свою точку зрения Гийом Ойно, — что пишу для всех, поскольку считаю, что в театр в Африке должны ходить все. Моя задача — привести читателя к самостоятельным выводам, а не поучать его назойливой дидактикой. Вот почему мой любимый жанр — комедия. Как африканца, меня волнуют острые общественные проблемы: конфликт между традиционной Африкой и современным влиянием, тем, что пришло к нам из Европы. Надо понять традиционную Африку, чтобы судить о том, что нам подходит и что нет. Надо понять, что наш континент переживает важный переходный этап.

Когда Ойно работал над пьесой «Три претендента, один муж», он не думал, что для многих своих читателей и зрителей станет «защитником эмансипации африканской женщины», как назвала его одна из поклонниц.

Гийом Ойно Мбиа в расцвете творческих сил. Подготовлено несколько сборников юмористических рассказов. Готовится новая пьеса. Но Ойно избегает обсуждать замыслы до их воплощения. Его комедии с нетерпением ждут в Камеруне.

В 1971 году, в один из прохладных январских вече-

ров, которые щедро выдаются в разгар сухого сезона, в актовом зале столичного педагогического института шла комедия Ойоно «Наша дочь не выйдет замуж». Было тесно. Люди сидели на ступеньках, сгрудились в проходах. Студенты, школьники, военные дружным смехом и колкими репликами реагировали на происходившее на сцене.

— Вас удивляет шумное поведение зала? На сцене паша жизнь. Мы видим самих себя, — заметил мой сосед, будущий камерунский педагог.

Произведения Ойоно актуальны, и в этом сила и привлекательность его творчества. Африканский театр, несмотря на свой юный возраст, силен именно тем, что не отрывается от родной почвы, с первых шагов становится орудием обличения пороков и ликвидации отсталости.

СЕРДЦЕ, ОСТАВШЕЕСЯ В ДЖУНГЛЯХ

Мы брели по узкому яундскому переулочку, впадающему в «Бульвар СССР», где среди небольших опрятных вилл спрятался домик Франсиса Бебея. С обеих сторон к нам тянулась крючковатыми побегими пышная тропическая зелень, среди которой выделялись ярко-красные, с длинными желтыми тычинками цветы — гибиски. У калитки Франсиса — уже, по-видимому, давно — ждала жена, невысокая, обаятельная женщина с добрым лицом. Она была явно обеспокоена его долгим отсутствием. Наша беседа изрядно затянулась... Но как было не использовать возможность общения с одним из интереснейших африканцев — поэтом, писателем, композитором, гитаристом, певцом и музыковедом. А если добавить, что этот человек обладает редкими душевными качествами, то нетрудно представить себе, как дорожишь каждым мгновением, проведенным с Франсисом Бебеем.

Несколько лет Франсиса Бебея не было в Камеруне. Из прессы камерунцы узнавали о том, что их одаренный земляк сочинил новые стихи и рассказы, что его роману «Сын Агаты Модию» (который переведен и в СССР) присуждена Большая литературная премия Черной Африки, что успехом пользуется его фундаментальное ис-

следование «Музыка в Африке», что его подлинно африканским по духу и содержанию концертам на гитаре рукоплещут европейские знатоки. С грампластинок и по радиоволнам до Камеруна доносился несильный, но приятного тембра баритон Франсиса, напевавшего свои мелодичные песни.

И вот Франсис Бебей навестил Камерун. Он дал концерт в родном городе Дуале в кинотеатре «Вури». Два часа на сцене священнодействовал артист в голубом бубу (Франсис выступает только в африканской одежде). С какой горячностью слушатели в заполненном до отказа зале принимали его музыку!

— Энтузиазм земляков тронул меня до слез,— признался Франсис.— Разве возможно выразить словами волнение от встречи с ними? Это слишком личное. Одно лишь могу сказать: я убедился, что нахожусь на добром пути, что мое творчество понятно тем, для кого я тружусь.

Как-то вместе со знатоком и ценителем классической и африканской народной музыки Даниэлем Амио Призо я слушал концерт «Старая маска» Франсиса Бебея в исполнении автора.

— Такое ощущение, будто я в родной деревне. Слышишь, это наши мелодии, наши ритмы... Вот забил тамтам нтег, приглашающий к танцам. Его клич поддерживал барабан нгом... Начались общие танцы...— комментировал Амио.

Этот отвечающий всем музыкальным канонам концерт был соткан из отдельных пьес, в целом сливавшихся в единый образ. То обстоятельство, что Франсис посвятил свое произведение маске, да еще старой, ничуть не удивительно. Маски — подлинные шедевры народного искусства.

Музыка звучала столь конкретно, что мысли упорно возвращались к грандиозной, заслонившей все в моем воображении маске с многозначительно зияющими отверстиями глаз, широким умным лбом и каким-то нечеловеческим, бросающим в дрожь оскалом вечной улыбки, сверкающей слепящими солнечными лучами. Так рисовалась мне она.

— Что же это за маска, которая так удачно вдохновила тебя, Франсис? — С этого давно волновавшего меня вопроса началась наша беседа.

— Но ведь ты же не слышал концерта «Старая маска»? Уверю тебя,— усмехнулся композитор.

— Как так! А пластинка? — изумился я.

— С ней произошел казус, который когда-то глубоко огорчил меня, а сейчас кажется грустной шуткой. Запись фирмы «Филипс» неполна. Концерт «Старая маска» — произведение для гитары, состоящее из многих музыкальных поэм-стихотворений — «Дакарский квартал Медина», «Поэма заблудшего», «Солнечный луч и цветы», «Бедный Христос из Бомба» (на эту же тему написан переведенный у нас роман Монго Бети), «Черная женщина», «Песнь язычника» и т. д. Во время сеанса звукозаписи часть пленки с «Поэмой о старой маске», давшей мне стержневой образ для всего концерта, по технической небрежности была стерта. Времени для повторной записи уже не было. Известно, что грампластинки на Западе — предмет коммерции, и концерт «Старая маска» пошел в жизнь без ведущей пьесы.

В один из прохладных, насквозь пропитанных сыростью вечеров Франсис полностью исполнил концерт. Около маленького домика на «Бульваре СССР» невесть откуда собравшаяся аудитория внимала приглушенным звукам гитары...

— А маска действительно существовала, — открывает тайну Франсис. — В 1965 году в Дакаре на фестивале афро-негритянского искусства вместе со многими другими его участниками я жил на русском корабле, служившем плавучей гостиницей. На борту этого судна я сочинил три части моего концерта. Целыми днями вместе с друзьями я прогуливался по городу в поисках впечатлений. Как-то мы бродили по музеям с поэтом Лэнгстоном Хьюзом, музыкантом Дюком Эллингтоном и актрисой Марпессой Даун. Неожиданно мы столкнулись с человеком, одетым в длинное белое бубу до самых пят, с объемистым тюком на голове, который он придерживал левой рукой, а временами для сохранения равновесия и обеими руками. Это был хауса из Кано, один из тех многочисленных бродячих торговцев, которые продают изделия умельцев по всей Западной Африке.

Угадав в нас вероятных покупателей, он ловко скинул тюк на землю, и в один миг перед нами предстал

своеобразный портативный музей африканских художественных ремесел: кольца, браслеты, амулеты гри-гри, ожерелья, статуэтки, портмоне и... пять масок. Марпеса Даун сосредоточилась на украшениях, мы, мужчины, — на масках. После короткого традиционного торга, больше напоминавшего состязание в остроумии и красноречии, этот человек уступил нам четыре маски, но пятую наотрез отказался продать. Лэнгстон Хьюз — я это отлично помню — предложил ему довольно большую сумму. Однако непреклонный торговец убрал все оставшееся в мешок, взвалил поклажу на голову и удалился. На другое утро, гуляя по привычке в своем любимом народном квартале Медина, всегда людном, энергичном, веселом, я вновь лицом к лицу столкнулся с торговцем. Он тоже узнал меня.

— Теперь мы одни. Объясни мне, почему ты не продал нам маску. Ведь она была не лучше остальных, — вернулся я к вчерашнему разговору.

— Ты молод. Тебе рано знать об этом.

— Мне тридцать семь, тебе-то не больше, — возразил я.

— Мне уже за шестьдесят. Внешность обманчива, юноша. Однако ты внушаешь мне доверие. Пожалуй, тебе расскажу историю маски... Я много скитался. Эта маска совершенно случайно досталась мне в далекой габонской деревне. Это — подарок. На моих глазах она спасла жизнь тяжело больной дочери одного почтенного человека. Для меня эта маска — живое существо, такое же, как и мы с тобой, молодой человек. С тех пор она — неразлучный спутник в моих скитаниях, мой талисман. Есть вещи, которые не приобрести ни за какие деньги.

Франсис задумывается, а когда начинает говорить, в его интонациях слышится музыка. Кажется, что собственный рассказ увлекает и вновь волнует его, что воспоминание о старой маске рождает у композитора новые музыкальные образы.

— Да, — продолжает он. — Беседа со старым хауса оказалась для моего воображения каким-то магическим, моментально сработавшим импульсом. Я не забывал старую маску. Ее черты, как в сказке, стали увеличиваться в моем сознании, а затем рассыпались в гамму звуков. Я торопился возвратиться на корабль, чтобы

как можно скорее записать поэму о старой живой маске...

Рассказ Франсиса о ее злключениях преломился в моей памяти примерно так. Выйдя из-под умных рук резчика, маска вызывала восторг в родной деревне. Люди с почтением всматривались в зияющие отверстия глазниц, в мудрый лоб и, цокая языками, суеверно твердили: «Она жива, эта маска. Не иначе, как в нее вселился дух предка. Счастье ждет нашу деревню». Склонив головы, старики и молодые ждали, что вот-вот разомкнутся сжатые губы и маска поведаст им о будущем урожае, об ожидающих их впереди радостях, предупредит о возможных напастях. А маска, преисполненная великой гордыни, купалась в лучах своего могущества.

— Я составил в стихах нечто вроде сценария, на основе которого потом сочинил концерт, — рассказывает Бебей. — В нем эта маска продолжает свой сложный путь по жизни. Однажды она попадает в руки пришельца и отправляется в дальние странствия. По мере того как она удаляется от родной земли, иссякают ее жизненные силы, теряют красоту и осмысленность ее черты. Где-то в Бразилии ее запирают в музей, и она, изъеденная червоточиной, подобно отчаявшемуся человеку, кончает жизнь самоубийством...

В который раз прослушивая после беседы с Франсисом концерт, я словно наяву видел перед собой потрескавшиеся, изъеденные древоточцами мертвые черты маски, которая для композитора была чем-то сущим. Человек, оторвавшийся от родной земли, теряет цель в жизни, неизбежно погибает — в этом заключена главная идея концерта «Старая маска».

При всей разносторонности своего творческого облика Франсис Бебей остается прежде всего выдающимся африканским музыкантом. Он не кончал консерватории. Но учителя у него были. В далеком детстве в деревне на берегу Гвинейского залива маленький Франсис заслушивался игрой отца на фисгармонии. У него — как и у всякого африканца — рано пробудился интерес к народной музыке.

— Я даже не могу точно определить, когда это началось, — вспоминает он. — Вероятно, с моего появления на белый свет. Помню только, что, когда мне исполнилось восемь лет, мы переехали в Яунде. В те вре-

мена часто устраивались массовые вечерние пляски на площадях. В памяти неизгладимы нарастающие ритмы оркестров и отблеск костров на стройных телах танцующих девушек эвондо из квартала Месса.

В 1963 году, уже будучи за границей, он сочинил свои первые музыкальные пьесы — «Христос родился в Бомба» по мотивам одноименного романа камерунского писателя Монго Бети, «Черные слезы» на сюжет поэмы американского негритянского писателя Ричарда Райта. Тогда же состоялись его первые успешные гастроли в Европе, а затем в Америке и Африке...

Музыка Бебея вдохновлена доскональным знанием мировых школ классической музыки, стремлением путем творческого синтеза поставить ее вековые достижения на службу молодой африканской музыке. Его произведения — самовыражение африканского музыканта, чуткого к музыке, откуда бы она ни шла, к какому бы жанру ни принадлежала. Автор при этом остается верным народным традициям.

— Мои любимые композиторы — Бах и Гендель, — говорит Бебей. — Моцарт представляет для меня особый изгиб человеческого духа. Я люблю Шопена, Листа. Во время моей поездки в Венгрию я обнаружил Золтана Кодаи. Меня же потрясла техническая мощь Беллы Бартока. Очень люблю и советскую классику, особенно музыку Прокофьева.

Как один из первых музыкальных классиков Африки, Франсис Бебей экспериментирует. Он сочетает такие далекие друг от друга стили, как барокко, западный романтизм и негро-африканские ритмы. Ткань его музыки при всех несомненных влияниях своеобразна, и специалисты в один голос говорят, что Франсис — вполне сложившийся оригинальный и самобытный африканский композитор.

Каждое его произведение наполнено любовью к соотечественникам. Много слез пролито в Африке за ее долгую трагическую историю. «Черным слезам» посвятил Франсис Бебей большую многочастную поэму.

— Отчего плачут африканцы, Франсис? — задал я ему этот несколько странный вопрос.

Однако мой собеседник ничуть ему не удивился:

— В жизни и в моем концерте плачут от бедности, от отчаяния при столкновении с несправедливостью,

потом от счастья, от ощущения красоты и полноты жизни порой даже в весьма тяжелых условиях.

Днем африканец если не всегда несчастен, то целиком поглощен массой забот; его одолевают бедность и отсталость; в поисках куска хлеба он вынужден унижаться. Его часто обижают. Но ночью он все же волен от жестокого мира... Неистово бьет тамтам. Он — среди своих, он свободен и радуется этой свободе до иступления, до слез...

По словам композитора (впрочем, его музыка красноречивей любых объяснений), в «Черных слезах» три общие темы. Первая — слезы грусти, горя, отчаяния; вторая — слезы радости, счастья, «смех до слез»; третья — спокойная тема жизни, «всегда прекрасной и кристально чистой, на которую не могут бросить тень ни жестокость колониализма и расизма, ни страшные человеческие конфликты и беды».

Слезы радости — заключительный мотив произведения. Настоящую радость ничем не измерить. И кому как не тамтаму выразить это чувство?..

— Кто тебе аккомпанировал, Франсис?

— Никто.

— Откуда же такое впечатление, что гитаре подыгрывает тамтам?

— Перебирая струны гитары, я в то же время отбиваю ритм по деке. Конечно, технически нелегко. Когда эта мысль осенила меня, я был безмерно счастлив такой находке.

Многогранна одаренность этого человека. Он и музыкант, и музыковед, и писатель, и поэт, и певец. В Африке такое явление нередко. Почему?

— На это двумя словами не ответить, — задумывается Франсис. — Во-первых, западная цивилизация сделала для нас бесспорно много полезного, но не принесла нам специализацию, которая принята в Европе. Нас не обучали в музыкальных училищах, школах изящных искусств, нам не дали общеобразовательной подготовки, необходимой для такой специализации. Во-вторых, в традициях африканского общества не было и нет места профессионализации в музыке, литературе, хореографии. Это и сейчас можно увидеть, посетив деревню. Для африканца искусство — не музыка, живопись или поэзия, отдельно взятые, а нечто слитное, неразрывное це-

Камерун. Резчик по дереву в Джанге

лое. Поэзия для нас — и музыка, и пение, и театр, и в паузах еще танцы. По традиционным народным понятиям искусство — неотъемлемая часть действительности, быта и принадлежит всем. Скажем, скульптура по дереву. Резец мастера как бы вживляет в дерево музыку и поэзию, и мы, африканцы, физически ощущаем все это. В каждой нашей маске и статуэтке теплится своя живая душа. Это наш критерий.

В-третьих, — продолжает Франсис Бебей, — у пока немногих африканских интеллигентов есть особый долг перед народом, понуждающий их братья сразу за многое. Нам долго доказывали, что Африка не имеет собственной цивилизации. Конечно, это неправда. Все мы знаем, что наша культура столь же давняя и великая, как и культура других народов и континентов; мы обнаружили, что и у нас есть кое-что, и это «кое-что» мы стремимся утвердить в правах — в глазах соотечественников и всего мира. Пока не многие до конца осознали величие нашей культуры, отсюда и ярлыки, применяемые к ней, — «наивная», «примитивная», «дикая».

Именно потому, что нас горстка, мы вынуждены брать-ся за многое, повторяю. Ты же понимаешь, что если я, африканский художник, не буду заниматься проблемами своей культуры, то кто это сделает за меня?

Однако,— смеется Франсис,— не подумай, что в искусство я с детства шел с такими серьезными намерениями. Интерес к тому или иному жанру пробуждался во мне инстинктивно, шел из неощутимо далеких глубин сознания.

Работоспособности Франсиса можно позавидовать. Он плодовит во многих жанрах. Его романы «Сын Агаты Моджо», «Кукла ашанти» и «Король Альбер из Эфиди» наполнены теплым, изящным юмором и детальным знанием жизни народа. Захватывающая лирическая поэзия Франсиса с ее фейерверком искрометных, поистине африканских образов и сцен.

Франсис избегает разговора о своих творческих планах в литературе.

— О моих прошлых работах ты знаешь, о будущих не люблю говорить до их появления на свет. Важно то, что я не сижу сложа руки. Это мой принцип,— повторяет он.

Быть скромным глашатаем труда и идеи освобождения Африки — такую роль отводит себе Франсис Бебей.

— Мой девиз выражается в двух словах: «красиво и полезно», — говорит он. — Описание природы немислимо без человека, ее преобразующего. Как музыковед, я изучаю народную музыку Африки. Представь себе, что из примерно тысячи записанных мной отрывков народной музыки различных стран более половины посвящено труду, связанным с ним обрядам, прославлению тех, кто хорошо работает. Музыка у нас с самого рождения служила труду. Именно поэтому моя музыка, все мои произведения следуют этой доброй традиции, завещанной предками. Значит, она не бесполезна. Но она должна отвечать критериям прекрасного.

Человек, который задался целью найти идеал красоты!

Казалось бы, само понятие красоты, как уверяют некоторые западные африканисты, противоречит жесткой практичности и беспрекословной назидательности обычая. Но возможно ли лишить человека чувства пре-

красного, создав ему для этого невыносимые жизненные условия? Пожалуй, именно в таком положении африканец пребывал в течение двух-трех последних веков.

Лингвисты нередко обращают внимание на отсутствие слов, эквивалентных понятиям «красота», «прекрасное», в некоторых африканских языках (суахили, байя, батеке, булу и т. д.), хотя в других языках народов континента эти понятия отражены довольно конкретно. Исторически сложились и бытовые стереотипы красоты. В Сенегале во всех сказаниях и легендах фигурирует несравненная Фанта, в БСК — «королева звезд» Ахуа, в Конго — «невиданно прекрасная девушка Вадикуми». Прекрасное существует, говорят африканцы, но это — лишь счастливое мгновение, мелькающее настолько быстро, что его невозможно даже осознать, а потому выразить в словах. «Торс юноши подобен пылающему пучку соломы» — определяет красоту пословица бамилеке.

— Конечно, это так, но какой художник отказывался запечатлеть мгновение, вырвать его у хаоса и противопоставить хаосу? Я — не исключение, — замечает по этому поводу Франсис.

Я не ищу популярности, — продолжает Франсис. — Мой девиз — жить и трудиться. Я далек от погони за Гонкуровской или Нобелевской премией, хотя, как и всякий нормальный человек, я не обделен честолюбием. Заветной наградой для меня служит признание земляков. Всякий раз, когда я играю для африканцев и вижу, что приношу им удовольствие, я радуюсь. Я не отделяю себя от Африки, где бы я ни находился. Когда мне аплодируют в Дакаре, Дуале или Яунде, я чувствую, что со мной во многом согласны мои земляки. Как художник, я нуждаюсь в согласии с народом и его оценке.

Франсис Бебей обладает склонностью к непрестанному самоанализу. Ему свойственна жестокая и беспощадная самокритика — качество, делающее человека личностью в полном смысле этого слова. Он всегда с пылом доказывает, что его личный успех в искусстве вызван господином Случаем, что таких, как он, в Африке много.

Франсис скромнен и мягок, но при этом он всегда остается человеком с твердыми принципами, мужествен-

ным защитником африканской культуры, одним из наиболее талантливых ее творцов.

Песни Франсиса Бебея — не главное в его музыкальном творчестве, но они столь же серьезны и значительны, как и его концерты. Во время последней встречи он подарил мне маленький диск с записью песни «Я приехал искать работу». Это — исповедь безработного, которого судьба забросила в заморскую Европу. Маленький человек, оказавшись в непривычных для себя условиях, отстаивает свое человеческое достоинство, гордость, требует, чтобы его не унижали за то, что он вынужден продавать свои руки на чужбине.

Франсис — африканец, камерунец, где бы он ни был. В его песнях воспевается «бедный, забитый африканец, в старой поношенной одежонке, страдающий от непонимания окружающих». Он ощущает на себе и разделяет боль своих соотечественников и знает цену их слезам, их горю. Человек, «чье сердце навеки оставлено где-то в джунглях», чья «родина находится и в Бамако, и в Найроби, и в Кигали, и в Киншасе, и в Яунде, и в городах побережья», настоящий гражданин новой Африки, а для многих своих земляков и друзей — прообраз будущего африканца.

И ПУСТЬ МЕНЯ НАКАЖЕТ ЧЕРЕПАХА...

Судьба Гедеона Мпандо похожа на сказку. Знакомая с его картинами, скульптурами, резными деревянными панно, в которых традиционное мастерство народных умельцев доведено до уровня профессионального искусства, трудно поверить, что единственным учителем Гедеона была суровая жизнь. Беседуя с ним, невозможно догадаться, что предел его образования — несколько лет сельской начальной школы.

— Хочешь, я тебе перечислю все пятнадцать советских республик? — смеясь, демонстрирует Гедеон свою эрудицию.

Мпандо вырезал в эбене (черном дереве) любопытную скульптуру: на панцире черепахи покоятся две ладони.

— По обычаям моего народа баса так приносится обет верности и торжественная клятва, — объясняет мне

Гедеон.— «Обязуюсь чтить родителей. И пусть я умру, если нарушу этот обет»,— клянется человек, положив обе руки ладонями на панцирь черепахи. По нашим поверьям, черепаха накажет нарушившего свое слово. Его поразит проказа.

В этой работе выражено творческое кредо одного из ведущих камерунских скульпторов и художников.

Природа камерунского запада сравнима с оперением жар-птицы. Она переливается ярким светом неуловимых тонов и полутонов. Плавные зеленые волны холмов, среди которых затерялось местечко Ябасси — родина Гедеона, опоясаны густыми тропическими лесами. Быстрые порожистые реки заботливо укутаны зарослями гибкой рафии, из сока которой крестьяне делают добротное вино, а из луба — ткани, частоколом стройного бамбука и тростника. Какие только звери и птицы не водятся в этих тропических пущах! А на северо-западе, в глубокой впадине долины Мбо, в лесных чащобах дружными стадами бродят могучие слоны.

Отец Гедеона, учитель начальной школы, крестьянин за ее стенами, любил рисовать. На уроках его сын замороженно следил, как из-под руки отца на черной классной доске появляются белые фигурки-буквы.

— В сухой сезон деревня томится в нестерпимо жарких объятиях разгулявшегося солнца. Когда от зноя лопались глиняные стены нашей хижины, покрываясь множеством трещин,— рассказывает мне Гедеон,— я часами вглядывался в эти неожиданно возникающие узоры и рисунки. В моих глазах они приобретали причудливые очертания живых существ: задиристых собак, куриц, быстрых антилоп и других животных, бегущих мужчин, женщин, разбивающих пестами просо или склонившихся над детскими люльками. Я рано влюбился в природу, и мне очень хотелось выразить эту любовь языком рисунка.

Гедеон много рисовал, лепил, вырезал. В 13 лет он выточил из куска мрамора фигурку собачки. Закончив начальную школу, Гедеон днем трудился в поле, а все остальное время рисовал, мечтал стать художником. Однажды он забросил котомку за плечи и отправился в город. На попутной пироге он проплыл 60 километров вниз по течению, прошагал через лес к шоссе, затем, обманув бдительность шофера, забрался в кузов грузови-

ка и, наконец, очутился в Дуале, где по его замыслам должен был начаться решающий период его жизни — путь в искусство.

Дуала — самый крупный город Камеруна, экономическая столица страны, порт всеафриканского значения, столица народных ремесленников-живописцев, скульпторов, кожевников, ткачей. Но по статистике в Дуале постоянно имеется 30—40 тысяч безработных. Гедону повезло больше, чем другим. После голодных дней, ночевок у земляков он устроился сортировщиком писем на почте. Возвращаясь усталый с работы, подолгу наблюдал, как прямо на тротуаре работают уличные художники.

— Поначалу я робел перед ними: ведь краски впервые я увидел в Дуале, — признается он. — Однако я не мог не видеть их недостатков. Часто они портили даже самые простые формы.

Заработок был до смешного мал — четыре тысячи африканских франков в месяц (18 долларов). Но он умудрялся жить на эти крохи да еще покупать себе краски, холсты и другие принадлежности для живописи.

Все же энтузиазма хватило ненадолго.

Постоянные лишения обескуражили юношу. Гедон возвращается в деревню. Вместе с родителями он вновь выращивает на полях какао, макабо, маниоку, кукурузу. Пробует разводить коз, пытаясь убедить односельчан в перспективности животноводства. Не расстается он с карандашом и бумагой.

1 января 1960 года была провозглашена независимость Камеруна. В дни торжеств ощутивший прилив сил Гедон Мпандо «разрубил гордиев узел» — он окончательно решил стать профессиональным художником.

— Конечно, я знал, что живописью у нас много не заработаешь, — вспоминает он. — Я читал о жизни больших художников. Большинство из них так и не смогли выбиться из нищеты. Мой идеал — Рембрандт. Он умер в бедности, но оставил людям великое художественное наследие. Я еще не знаю, чего могу достичь, не в этом дело. Я люблю искусство и готов стать его жертвой.

В 1966 году в Яунде Гедону предложили выгодное место рекламного агента, но молодой художник не польстился на эту приманку. С 1967 года Мпандо целиком

отдается скульптуре. Чем объяснить его переход от живописи к ваянию?

— Я пришел к заключению, что в скульптуре больше простора для индивидуальности,— доказывает Гедеон.

Скульптора Гедеона Мпандо в Камеруне знают многие. Молодость в искусстве — не помеха, если ей сопутствует дарование. В 1960 году Гедеон стал одним из лауреатов всеафриканского конкурса, объявленного для создания эмблемы Организации африканского единства (ОАЕ). Выставка работ Мпандо в Яунде в июне 1967 года имела большой успех. Три четверти его картин было продано посетителям.

— Успех у нас пока еще определяется числом проданных произведений,— поясняет Гедеон.

Сцены из деревенской жизни в гуще тропического леса — основное содержание работ Мпандо. Они всем понятны и близки, ибо в них четко слышится проникновенный мотив родины. Деревянные панно с высоким рельефом, в котором выпуклое изображение резко вышашается над плоским фоном, эмоционально рассказывают о быте крестьян.

Картина «Возвращение с охоты». Два охотника несут на палке, положенной на плечи, убитую антилопу. Ее безжизненная голова волочится по земле. Из хижины с радостно вскинутыми руками навстречу им спешит женщина. Охотников сопровождают собаки.

«Старик, выходящий из леса». За спиной вязанка хвороста. Старая женщина терпеливо растолковывает молодым товаркам, как хранить сушеный арахис в калебасах.

«Деревенский праздник». Широкая сельская площадь, посреди которой два огромных кряжистых эриодендрона (сырных дерева). Один из них — священное дерево совета, под которым старейшины обсуждают дела общины. На высокую масличную пальму поодаль вскарабкался собиратель сока с калебасой. Не умолкают тамтамы, которым мелодично вторят балафоны. Плясуны в масках и ритуальных костюмах повторяют вязь ритмов. Из удобного кресла, установленного под тентом на возвышении, внимательно наблюдает вождь. Ему подносят подарки: пальмовое масло, овец, тропические плоды... Кто-то спешит к вождю с бычьим рогом, на-

полненным вином. Каким мастерством надо обладать, чтобы в куске красного дерева длиной немногим более метра и шириной 60—70 сантиметров передать присутствие людской массы? В горельефах Гедеона, особенно в последнем, поражает умение схватить и выразить динамику жизни и глубокую перспективу пейзажа. Его резьба по дереву стереоскопична, она обладает многими качествами, присущими живописи.

Автор особенно любит одну из своих скульптур, изображающую женщину, которая несет тяжелую корзину с углем. Она устала. Это утомление тонко передано в куске эбенового дерева, из которого вырезана фигурка. Левой рукой женщина придерживает корзину на голове.

— Я стремился создать образ африканской женщины-труженицы, — говорит он.

Образ материнства постоянно привлекает Гедеона. Он тесно сливается с его представлением о счастье. Женщина, радостно устремленная вперед. Спадающие с нее одежды поддерживают дети, прильнувшие к ней.

— Мы, африканцы, лучше других знаем, что такое бедность, но все наши беды и несчастья скрашивают дети; — истолковывает смысл этой статуэтки Мпандо. — От молодежи всегда ждут многого, так как человек, естественно, привык жить будущим.

За каждым африканским художником стоит богатое прошлое, интересные концепции и представления о мире и жизни.

— В своих работах, — продолжает Гедеон, — я хотел бы выразить борьбу человека с силами природы. Меня в особенности интересуют достижения человека — то, как ему удалось покорить природу и вознестись над ней во всех отношениях. Я люблю прошлое, но уважаю настоящее. Пусть вас не смущает, что многие из моих работ касаются тем прошлого, традиций, обычаев, поверий. Я ко всему — историк в скульптуре. Для нас, живущих в молодом независимом государстве, история необходима.

Африка не желает больше подражать. Она намерена творить по-своему — для прогресса ее народов. До освобождения континента от колониального гнета искусство Африки при всей его гениальности было безымянным. Ныне африканское искусство, не теряя своего коллективного характера, выдвигает имена наиболее одарен-

ных творцов, открывая новые возможности для индивидуального творчества.

— У меня есть замыслы, поверьте, я способен не только на эти маленькие скульптурки, — с огорчением говорит Гедеон. — Я, конечно, понимаю, что нам, африканцам, при нашей бедности рано думать о грандиозных монументах на городских площадях, но разве не грустно видеть, как не сбываются мечты?

Сегодня Г. Мпандо — ведущий живописец и скульптор Камеруна, лауреат Государственной премии. Его имя известно всей Африке, и он добьется своей цели — создать монументальные произведения о жизни народа.

ЧЕЛОВЕК, ИЩУЩИЙ ЗАВТРА

Мой собеседник столь же весело, сколь и досадливо морщится, когда я в шутку обращаюсь к нему, перечисляя все его имена — Франсуа Борджиа Мари Эвембе.

— Вот так всю жизнь я должен страдать из-за необузданной фантазии родителей, одаривших меня такими вульгарно громкими именами, — жалуется он. — Франсуа — куда ни шло. Но Борджиа ни в коем случае. Я предпочитаю обращение по фамилии, как это принято у нас, африканцев, — Эвембе.

С первой встречи мы нашли с ним общий язык. Демократичность, передовые взгляды Эвембе — итог его трудной жизни, свойства его человеколюбивой, энергичной, не терпящей фальши натуры. Он — человек твердых и принципиальных мнений. Когда африканцы говорят о таких, как он, они сжимают пальцы в кулак. Тем самым они признают за человеком крепкий характер, силу, оказывают ему почет и уважение. Его прямота подчас обескураживает, но когда видишь, что за ней кроется желание поднять человека, а не унижить, то ценишь ее особенно высоко.

Не каждому писателю здесь удается начать творческую жизнь с Большой литературной премии Черной Африки. Франсуа Эвембе ее присудили в ноябре 1967 года (ему было 29 лет) за роман «На земле мимоходом». Почти три года, до конца 1966 года, ждал Эвем-

Экваториальная Гвинея.
Домик для собраний в селении Рио-Муни

бе, отославший рукопись в издательство «Презанс африкэн», публикации своей книги.

Писатель далек от мысли, что вершины литературного Олимпа уже покорены.

— Первый роман всегда остается первым, — резонно рассуждает он. — Важно, чтобы за ним последовали другие, более глубокие, более совершенные, более полезные и нужные моему народу.

Когда я работал над романом, — продолжает мой собеседник, — я задумывался над ролью своего поколения на заре независимости. Эта мысль и легла в основу романа «На земле мимоходом». Я стремился к максимальному упрощению сюжета. Я пропустил Йони, своего главного героя, через все превратности судьбы: через жизнь-ложь, жизнь-лицемерие, жизнь-нужду... то есть заставил его жить в условиях, в которых оказались многие из нас на первом этапе развития республики. Да так было не только у нас — в любой другой развивающейся африканской стране. Больной, безработный Йони нуждается в людях, в их помощи. Это своего рода «пробная ситуация», выясняющая ценность каждого персонажа моего романа. Различные реакции людей на

положение моего героя не только субъективны, но по существу и социальные.

«В Яунде Йони рассчитывал на две семьи: Абелеконго для ночлега, Этоли для того, чтобы хоть как-то утолить голод, постоянно грызущий его», — говорится в романе.

Больного Йони никто не принимает на работу. С грубостью и равнодушием сталкивается он в столичной больнице. Отворачивается бывший близкий друг Нквилиага, ставший министром.

— Я не люблю своего героя, — признается Франсуа. — Он очень мало говорит, почти совсем не действует, часто ведет длинные внутренние монологи. Я вычеркнул его из жизни, потому что после всех трудностей, которых он не смог выдержать, логический итог для него — моральная и физическая смерть. Мой Йони — не положительный герой. Таковым, по-моему, является человек, который во всех ситуациях остается самим собой, и отрицательное в жизни не только не затрагивает его доброго начала, но, наоборот, вызывает его решительный отпор.

Африканскому интеллигенту, получившему образование в колониальных учебных заведениях — на чужом языке, нелегко во всем оставаться африканцем. Его доводы и параллели, образы и метафоры порой невольно черпаются из культуры, неизвестной, а потому и непонятной его соотечественникам.

— Борджиа, ты же — француз, — подсмеиваюсь я над другом, когда он говорит на блестящем французском языке.

И Франсуа, как мальчишка, горячится и начинает спорить со мной. При этом он открывает свою книгу, уверяя меня, что даже на чужом языке можно говорить по-африкански.

Роман Эвембе в карманном издании «Презанс африкэн» занимает всего 111 страниц.

— Я хотел написать короткий роман, — объясняет писатель, — поскольку читатель-африканец не привык читать длинных книг. Кроме того, африканский способ мышления и рассуждений афористичен. Вместо выписывания деталей мы предпочитаем искать слова-ключи, которые могли бы выразить задуманную мысль. Этот прием называется эллипсисом. Если вы случайно попа-

дете вечером в деревенский каз де палабр (хижину для собраний) и услышите беседу стариков, то удивитесь подбору, расстановке слов для выражения той или иной мысли. Вас поразит на первых порах кажущаяся несвязность и отрывочность словоупотребления. Поначалу без привычки вам не уразуметь даже того, о чем идет речь. Часто искушенные в словесных состязаниях старики отказываются от глаголов, применяя в определенном порядке несколько существительных и прилагательных. Сформированная таким образом фраза кажется постороннему человеку несвязной или неоконченной, но у африканцев она вызывает смех и одобрительную реакцию. Передо мной стояла двойная задача — написать короткий роман и придать ему художественную силу, не удаляясь от родных традиций и форм.

Произведение Эвембе необычно. Создается впечатление, что он излишне детализирует поведение и поступки своих персонажей.

— Франсуа,— сказал я ему однажды,— в твоём романе много натуралистических подробностей. Они раздражают читателя,— например, сцены приступов болезни Йони, физиологические детали или некоторые мелочи быта.

— Это смотря с чьей точки зрения,— спокойно возразил он.— Я пишу о нынешней Африке, в которой ещё много от вчерашней. Ты живёшь в Африке сейчас. Оглянись вокруг. Ты увидишь: то, что тебе кажется натурализмом, для нас реализм, повседневная жизнь. Там, где ты краснеешь, африканец остаётся невозмутимым. Да и отвлекаясь от того, что ты называешь натурализмом, я хотел бы, чтобы моего героя приняли таким, как он есть, с его слабостями и болезнями.

Через несколько дней после этого разговора Франсуа, которому, видимо, не терпелось доходчиво растолковать мне глубину различий в этике африканца и европейца, забежал ко мне на огонек.

— Владимир,— начал он без всяких предисловий,— ты видел когда-нибудь, как, скажем, у нас на севере или в некоторых южных деревнях люди плюют на фетиш или пытаются угодить плевком в чело ритуальной маски?

Искренне позабавившись моим изумлением, он продолжил свою мысль:

— Подобным образом африканец передает частицу самого себя сверхъестественной силе, старается установить прямую связь с миром предков и заручиться их покровительством... Конечно, теперь не все делают это осознанно, но за каждым таким поступком, за каждым правилом поведения, сколь бы странными они ни казались посторонним, кроются сугубо утилитарные мотивы, если хочешь, логика веков.

В тот момент мне почему-то вспомнился забавный путевой случай в лесной деревеньке близ города Мамфе. Тронутые гостеприимством ее жителей, мы угостили новых друзей русской водкой. Пустую бутылку крестьяне тут же воткнули в землю горлышком вниз — мол, пусть предки отведают несколько капель заморского зелья да и нам помогут, чтобы аналогичные радости впредь повторялись.

Читая «На земле мимоходом», я ощущаю личность писателя, человека, которого люблю за душевность, за искреннее и серьезное отношение к жизни. Франсуа — художник милостью божьей. Внутри весьма скромного домика, расположенного в далеко не фешенебельном квартале Дуалы, развешаны картины, принадлежащие его кисти.

— Ты же художник! — восхитился я одной из них.

— Пустяки, — возразил он. — У меня не хватает времени на живопись. Я занимаюсь ею урывками, как необученный кустарь-любитель. А то, что делается второпях, скорее можно назвать чепухой, а не искусством.

Африканские художники формируются в сложных условиях. Чтобы стать профессиональными творческими работниками, им приходится идти на многие лишения и самопожертвования. Мне вспоминается судьба другого камерунского писателя, Жака Бенгоно, автора книг «Кулу и Зее», «Семь дверей и семь ключей», «Белая куропатка», начавшего путь в литературу с профессии уличного продавца овощей. А драматург и актер Мвондо Второй долго работал в качестве боя — домашнего слуги. Франсуа — не исключение. Он месяцами был без работы, в полной мере испытал нищету и голод. Оказавшись главой и кормильцем большой семьи, он охотился, рыбачил, добывал масло из плодов масличной пальмы, расчищал серпом поля перед посевом (труд

мужчин) и все время писал стихи, а потом романы в родном Криби на берегу Атлантики.

С первым годом независимости у Эвембе связано многое. В памятный 1960 год был организован национальный конкурс поэзии, живописи и скульптуры, на котором был отмечен сборник его стихов. Тогда же ему наконец удалось устроиться в министерстве информации и обосноваться в Яунде. Когда по инициативе писателя Рене Филомба была образована Ассоциация камерунских поэтов и писателей, Франсуа Эвембе стал ее активным членом.

После его переезда в Дуалу в одну из моих командировок он прочел мне несколько глав из нового романа — «Здесь Эссуна».

— В новой книге, — разъясняет Эвембе, — я протестую против расизма во всех его скрытых и явных формах и проявлениях, я пытаюсь снять с него маску и обнажить его злобную и опасную суть.

Молодой человек по имени Эссуна поражен жизнью, открывающейся ему в школе. Мораль, усвоенная в семье, входит в противоречие с жизнью. То, чему обучают, и то, чем живут и как живут, — разные вещи. Он вызывающе ведет себя с преподавателями католической школы, выступая их обвинителем. Эссуна по воле автора одновременно живет как бы тремя жизнями: молодого гражданина, революционера-партизана и фантастического колдуна. Повсюду его постигает разочарование. В конце концов Эссуна порывает с жизнью, которая так и не принесла ему удовлетворения.

«Эссуна умер. Но положено ли начало решению проблем, поставленных им?» — такими словами заканчивается роман Эвембе. На этот вопрос роман не отвечает. Ради чего, ради какой цели жил и умер Эссуна? Если бы он поразмыслил глубже, истолковывал свое произведение писатель, то он бы понял, что главное для человека — постичь смысл бытия, задаться вопросом, который Эссуна опоздал поставить: «Ради чего человек живет на земле?».

В одной из программ радио Яунде Эвембе призывал коллег обратиться к теме современности.

— Наши произведения, — говорил он, — должны быть актуальными. Многие из нас роются в прошлом, занимаясь проблемами, уже изжитыми временем.

Сегодняшняя Африка задумывается над настоящим и будущим. Возможно, она подобно Йони предпочитает долгие внутренние монологи, чтобы в конце концов разобраться в своей судьбе, добраться до подлинного понимания жизненных противоречий. Без мысли о грядущем нельзя себе представить этот бурлящий, обновляющийся континент, на котором из разрозненных народов, из замкнутых культур рождаются новые нации.

...Обняв за плечи старшую дочь, Франсуа читает мне свое любимое стихотворение «Требование»:

Пусть мне дадут мое место,
Мое место в завтра,
Мое место в послезавтрашнем дне.
Я — дерево, пускающее побеги.
Я трепещу от соприкосновения
С Грядущим.
Место! Да, да место!
Место молодости!
Место надежде!

ДЕВИЗ ФОСТЭНА КИТСИБЫ

...Фостэн улетал в Абиджан. Прощаясь, он мягко улыбнулся и сказал:

— Ну, Владимир, выставка в Яунде позади. Приеду в Абиджан, замкнусь в своей конурке, буду работать, работать и работать. В ноябре там состоится моя очередная выставка. Нужны новые вещи, свежие во всех отношениях. Больше всего я боюсь повторов. ...На них кончается художник. Поиски нового, совершенствование — закон искусства. Даже мне, самоучке, это ясно.

В память о художнике я храню его чеканку «Материнство».

Материнская любовь, самое невыразимое, самое беспредельное и сильное человеческое чувство, невидимыми волнами исходит от этой медной мадонны.

— Однажды перед своим домом в Браззавиле я увидел молодую мать с первенцем на руках, — рассказывает Китсиба. — Она примостилась у обочины поняичить, успокоить закапризничавшее за спиной дитя. Вся ее фигура дышала светлой, беззаветной любовью, безграничным счастьем. Всмотриваясь в лицо малыша, баюкая его, она ничего вокруг не замечала, не чувствовала. В этот миг в моем сознании родился смутный, усколь-

зающий образ этого чувства; я не смогу описать его в словах, но можешь верить мне, что я впервые ощутил величие материнской любви. Если в африканской семье долго нет ребенка, женщину ждет один удел — развод. Рождение первенца вызывает ликование всей семьи. С первым ребенком у нас связано многое. Это — новая жизнь, новые надежды. Это — рождение семьи. Отцы наших больших семей, обычно невнимательные к последующим детям, трогательно заботятся о первенце. Но в этой моей чеканке есть и универсальная идея материнства.

Творчество Китсибы пользуется большой популярностью, в чем есть и своя обратная сторона: Фостэн расстается с большинством своих работ.

— Я живу искусством в прямом и переносном смысле, — вздыхает Фостэн. — Многие из моих давнишних картин затерялись где-то в Европе. У меня же в лучшем случае хранятся цветные диапозитивы.

Уловив в моих глазах сомнение, Фостэн добавляет:

— Конечно, коммерческая сторона присутствует, но не диктует мои творческие вкусы. Я вынужден продавать картины, иначе не смогу трудиться.

На яундской выставке 1971 года 34-летний художник выставил 10 картин и 33 чеканки. Из них только шесть вернулись в его полуподвальчик, одновременно выполняющий функции жилища и ателье.

...А призвание определилось так. Сын конголезского рыбака из деревеньки в префектуре Боко часто сопровождал отца на рыбную ловлю на узкой, неустойчивой пироге, выдолбленной из толстого ствола дерева. Обманчивы просторы Конго. Опытный рыбак знает, что спокойствие и степенность реки папускные. Ни малейшей ошибки не простит река новичку. Закрутит в коварном водовороте его пирогу, перевернет ее и утацит рыбака в свои мутные пучины навсегда...

— Сети забрасывать, — говорил отец Фостэну, — надо осторожно: гляди, вместо рыбы поймашь крокодила, а с ним шутки плохи.

Маленький Фостэн, забываясь, не спускал глаз с отца, заворожено следил за его движениями, экономными, точными и ловкими. Мальчика волновала отчаянная, предсмертная пляска рыб в сети, меняющаяся рябь реки. После рыбалки Фостэн углем на стенах хижины

воспроизводил по памяти сцены на реке. Отцу было по душе увлечение сына. Он нередко созывал соседей и односельчан полюбоваться рисунками мальчика. Крестьян они забавляли. Тем более что Фостэн для них был родным — ведь любой ребенок считается сыном всей деревни. У стен хижины завязывались оживленные дискуссии по поводу его рисунков. Пожалуй, таких успешных «выставок», как в те далекие дни на родине, у него больше никогда не было. Отец раздобыл Фостэну цветной мел. Неграмотный крестьянин-рыбак не слишком разбирался в тонкостях рисования, но, по словам Фостэна, его изумляло схваченное в рисунке движение, конкретность образов. Особенно он хвалил рисунок, где сын изобразил рыбака, вытягивающего рыбу.

— Совсем как я это делаю на Конго,— смеялся он, цокая языком.

— Фостэн, ойе, ойе! — скандировали в знак похвалы крестьяне (ойе — распространенное приветственное восклицание в центре Африки: «Молодец, хорошо!»).

В 14 лет подросток, закончив сельскую начальную школу, пешком преодолел 150 километров до Браззавиля, чтобы продолжить учение в большом городе. Обучаясь профессии метеоролога, Фостэн на досуге бродил по улицам, часами задерживался на выставках, просил советов у художников, для которых мостовая служила и ателье, и лавкой.

— Когда какой-нибудь художник сдавался на мои уговоры и с разумной сдержанностью раскрывал тайны своего мастерства,— рассказывает Фостэн Китсиба,— мой мозг сверлила одна мысль: «Смогу ли я стать настоящим художником?»

Втихомолку Фостэн рисовал и сам. Работая в середине 50-х годов в бюро прогнозов погоды, рисовал сцены африканского быта, пейзажи, в том числе и морские виды. За несколько франков он нанимал мальчишек, которые довольно успешно сбывали его холсты.

В 1958 году в судьбе Китсибы произошел важный поворот. На его пути оказался камерунец Гаспар де Моко, «один из первых художников Западной Африки», как утверждает Фостэн. Де Моко увидел на улице мальчишку с картинами Фостэна. Они заинтересовали его.

— Кто их автор? — справился де Моко.

— Фостэн,— просто ответил мальчик.

— Ты сможешь провести меня к нему в ателье?

— Конечно.

Де Моко пришел в убогую хижину-ателье Фостэна Китсибы с сырым земляным полом.

— Вы неплохо рисуете, но у вас много нарушений пропорций, неправильно построенных композиций... Приходите ко мне, будем работать вместе в моем ателье. У вас есть способности, — резюмировал де Моко.

— По субботним вечерам, — вспоминает Фостэн, — я навещался к нему. Под его наблюдением я делал этюды и копии. Затем следовал суровый нелицеприятный разбор. В ателье де Моко я прошел первые курсы своей академии изящных искусств, где преподавателем был африканец. Через несколько лет я уже работал самостоятельно. С Гаспаром мы навсегда остались добрыми друзьями. Возвращаясь в Браззавиль из странствий по Африке, он забегает ко мне узнать о моих делах, просматривает мои новые работы.

Китсиба занимается также резьбой по дереву, увлекается литографией. В конце концов он покинул метеослужбу, решив стать профессиональным художником. Его долго мучили сомнения в правильности сделанного выбора. Однажды, вообразив, что больше чем ремесленником ему все равно не стать, Фостэн на какое-то время оставил живопись и поступил на работу в банк, но ненадолго. Призвание победило сомнения.

Начались поездки по Западной Африке.

— Африканский художник — по натуре кочевник, — шутит Фостэн.

Первая выставка портретов и пейзажей в «Буар э Берберат» в центре Банги имела успех. Все картины были раскуплены. На выставке-ярмарке в Браззавиле Китсибе присуждается золотая медаль. Отмечают его и на выставке реалистической живописи в Пуэнт-Нуаре.

...Фостэн Китсиба не ограничивается сюжетами Конго, а черпает их из многих других стран Западной Африки. Китсиба — истинно африканский художник; в своем творчестве он перешагнул границы своей страны, он любит Африку во всем ее духовном богатстве, разнообразии и единстве. «Статуэтка балуба», «Статуэтка малинке», «Маска дан», «Маска бауле», «Статуэтка батекэ» — эти и другие работы навеяны мотивами из жизни

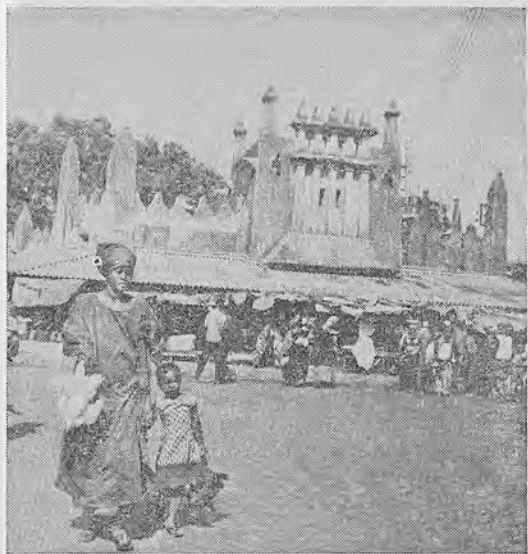
народов Конго, Заира, Берега Слоновой Кости, Камеруна, Мали и других стран.

— Да, я много странствовал,— продолжает нашу беседу Китсиба.— Я выставился в ЦАИ, Габоне, Дагомее (ныне Бенин), Сенегале, Мали, Верхней Вольте, Береге Слоновой Кости, Камеруне, Чаде и других странах. Повсюду я изучал местное искусство. Меня в одинаковой мере вдохновляли пышные тропические леса и пыльно-зеленая, сухая саванна. Знакомясь во время поездок с людьми и ландшафтами различных районов континента, познавая различие и сходство наших обычаев, я совершенствовался в искусстве и формировался как человек.

В 1961 году Фостэн Китсиба получил вторую премию в Дакаре на первой выставке пластических искусств, посвященной Африке. Среди 53 ее участников было только 13 африканских художников. Призом была отмечена картина «Подлесок в тропическом лесу»...

На переднем плане скрючилось засохшее дерево. Свет, прорывающийся сквозь многоярусную чащу, причудливо преломляется в темном, мрачном болоте. Критики в то время отметили богатый колорит картины и почти физически осязаемую чистоту света. Редкому посетителю не приглянулась его картина «Горемыка с гитарой». С холста, закрепленного в золоченой рамке, смотрел в зал потухшими от отчаяния глазами нищий человек. Наигрывая на бечевочных струнах кóры, несчастный просил милостыню. Картина, созданная в начале 60-х годов, как бы воскрешала трагический образ Африки колониальной эпохи.

Несколько раз в Яунде Фостэн подводил меня к картине «На рынок». Три женщины отправились за покупками. Что такое сельский базар в Африке? Это больше, чем место купли и продажи. Это и клуб, и газета с самыми свежими, увлекательными новостями, это и праздник всей округи; наконец, для женщины это удобный случай вырваться из монотонной семейной обстановки с извечными заботами по дому. К базарному дню готовятся заранее. Из сундучков выбирают самые красивые, цветастые платья. Три товарки счастливы. Их веселое настроение подчеркивается ярким светом жарких красок (так и кажется, что картина светится изнутри); оно проявляется и в их бодрой и непринужденной походке.

Рынок в столице Мали Бамако — образец суданской архитектуры

И хотя в картине преобладают три цвета — синий, желтый и красный, она выглядит колоритной и гармоничной. Ощущение внутренней освещенности холста возрастает благодаря сложному фону, искусно выполненному для каждого из трех ведущих цветов. Любуясь пластическими женскими фигурами, я припомнил слова художника о том, что он «черпал вдохновение в благородстве, гибкости и мягкости африканской женщины».

Картина «На рынок» — характерное воплощение взглядов Китсибы на искусство.

— Живопись для нас, африканских художников, неотделима от традиций народной скульптуры, — рассуждает Фостэн. — Главное в ней — движение, экспрессия и гармония цвета. Это, с моей точки зрения, скульптура в красках. Я, например, предпочитаю работать целыми плоскостями, массами красок, не выписывая с микроскопической точностью деталей, а акцентируя контур. Африка видится мне лишь в горячих, живых тонах. Поэтому в моей палитре преобладают желтый, красный, охряный цвета. Некоторые европейские художники при-

езжают к нам и продолжают писать картины в той же манере, что и у себя дома, в том темном и меланхолическом ключе, который никак не передает сути жизнерадостной африканской природы.

Африканское искусство всегда стремилось отразить сложные проблемы бытия, роль человека в природе, смысл жизни и никогда не было созерцательным. Издавна деревенские рисовальщики покрывали стены домов немудреными силуэтами слонов, львов, горилл, зебу и других животных, надеясь привлечь их на свою сторону в противоборстве с недружелюбными силами природной стихии. Настоящего льва или слона труднее привести к хижине — легче нарисовать их и считать, что союзник обретен. Мысль дополняет реализм живописи, и — что особенно важно — это понимают современные художники континента. Фостэн работает с натуры. Обычно он делает набросок захватившего его вида (кстати сказать, пейзажист — не частое явление среди живописцев континента), а затем дома завершает картину.

В 1967 году в Абиджане Фостэн посетил передвижную выставку катангских ремесленников «Катангская медь». Он был восхищен увиденным.

— Вернувшись в Браззавиль, я буквально через несколько дней выехал в Катангу. Мне не терпелось овладеть искусством чеканки по меди в духе конголезских традиций, — говорит Китсиба. — В одном селе я подружился с молодым ремесленником-балуба Реми Хунгой. Он стал моим учителем. Техника катангской чеканки сложна и при всей простоте инструментов включает множество затейливых и хитрых операций. В Экваториальной Африке, насколько я помню, этот вид искусства юн. Его возраст — около двадцати лет. Родина чеканки — Лубумбаши. Меня привлекло родство этих изделий из меди с африканскими традициями в искусстве. В конце концов мы должны творить в тех жанрах, которые более всего соответствуют нашему характеру и темпераменту. Я сделал уже изрядное число самостоятельных работ, но Реми, мой крестный отец, пока не знает о них. Мы давно с ним не виделись.

...«Статуэтка балуба» изображает несчастную женщину, которая, стоя на коленях, протягивает прохожим чашку для подаяний. Ее образ — воплощение человеческого страдания. Вытянутое лицо, крепко сжатые губы,

почти закрытые глаза с огромными, преувеличенными веками.

...«Боль и утешение». Вновь женщина, подавленная горем. Ее утешает односельчанка.

«Танцевальная маска балуба». Благородство маски подчеркивают рога — символ силы, власти и достоинства. В ней явно чувствуется заразительный всеподчиняющий африканский ритм.

Мне импонирует этот высокий, слегка сутуловатый человек с добрыми и умными глазами, с мягким, ненавязчивым характером. Он неразговорчив, но знает многое. Я показываю ему репродукцию картины И. И. Бродского «Ленин в Смольном».

Фостэн лукаво щурится:

— Ну уж Ленина-то я, конечно, знаю и люблю...

Он не ограничивается знанием имен и исторических фактов, простым перечислением течений в живописи. Его душа стремится добраться до подлинных корней жизни и искусства. Он — африканский художник до мозга костей. Все его герои — африканцы.

— Искусство для меня — это прежде всего скульптура, — повторяет Фостэн. — В живописи я тоже чувствую себя скульптором. Я ищу типичные для Африки формы. Цвета Африки, ее горячие тона диктуют мне цветоощущение... Я делаю то, что мне по силам. Своим трудом пытаюсь утверждать равноправие и достоинство гражданина новой Африки. Разумеется, у меня есть планы и замыслы. Время покажет, насколько они реальны.

В памяти, как наяву, звучат слова Фостэна Китсибы, сказанные при прощании:

— Ну, Владимир, приеду в Абиджан, замкнусь в своей конурке, буду работать, работать и работать...

ПОД «ДЕРЕВЬЯМИ ИСТИНЫ» (эпилог)

...Тамаринд и гриффонию в некоторых бенинских деревнях издавна считают «деревьями истины» из-за их необычного, «разумного» поведения. Тамаринд складывает листочки к ненастью и на ночь, мясистые стручки гриффонии, лопаясь с оглушительным треском, возвещают верящим в приметы земледельцам начало посевной... В рощице из этих диковинных тенистых деревьев шло общее собрание «коллективной деревни» близ районного центра Адала, на которое меня затащили местные журналисты: посмотрите, мол, как мы живем, чем озабочены.

Дебаты были бурными. Даже когда хлынул дождь, люди прикрылись вместо зонтиков банановыми листьями и продолжали обмениваться мнениями. Смешали председателя деревенского совета за прикармливание общественных средств. Стар и млад почем зря крыли казнокрада.

Нового руководителя выбирали с чисто крестьянской дотошностью и рассудительностью. Град вопросов обрушивался на каждого кандидата.

— Как вы думаете работать? На что сейчас живете? Ваше отношение к революции?

Затем следовали вопросы ко всей аудитории:

— Хорошо ли вы знаете этого человека? Трудолюбив ли он? Часто ли его видели на общественных работах? Честен ли он? Не увлекается ли спиртным?

Напоследок столь же обстоятельно обсуждалось постановление окружного революционного совета о переводе борьбы с феодальными пережитками в «практическую фазу». Крепко досталось здешнему колдуну, которого еще совсем недавно, до 1972 года, боялись, задабривали лестью и подарками.

Его обвиняли в потворстве старым взглядам, обычаям и ритуалам, противоречащим духу народно-демократической революции. Чашу терпения односельчан переполнили попытки колдуна сорвать вакцинацию против оспы. Заклинатель страшал крестьян карами предков, которые, как уверял он, запрещали лечиться от этой «священной болезни». Маг подбивал некоторых наиболее суеверных из них прогнать медиков, приехавших делать прививки.

Собрание запретило употребление «колдовских зелий», нанесение ритуальных шрамов.

— Некоторые колдуны примкнули к нашим врагам, были случаи, когда они пытались отравить революционных деятелей. Это и открыло глаза многим бенинцам на социальную опасность «чародеев», — давал мне объяснения по ходу собрания сотрудник газеты «Эзузу».

Слушая крестьян, я думал о том, что неожиданно-негаданно стал свидетелем исторических событий. Это собрание в маленькой деревушке, без сомнения, относилось к тем обыденным, но весьма многозначительным жизненным ситуациям, по которым, если быть внимательным, можно судить о крутых поворотах в судьбе целых народов. Настала пора, когда ответственность за судьбу континента берет на себя рядовой африканец, которому долго отказывали даже в праве распоряжаться самим собой. «Всякий, кто хочет залезть на дерево, — говорят ашанти, — начинает снизу, а не сверху». Перемены в Африке (напомним, что в этой книге речь идет об Африке к югу от Сахары, а понятие «африканец» употребляется, как часто принято в литературе, в применении к жителям Черной Африки) затрагивают низы, ранее отстраненные от какого бы то ни было участия в политической и общественной жизни. И это, пожалуй, определяющая черта африканских будней.

Уследить за вихрем изменений невозможно. Меняются моральные критерии, уклад жизни и привычки. Рушатся перегородки племенной обособленности. С пьедесталов низвергаются, как метко сказал вольтийский писатель Огюстэн-Сонде Кулибали, «слишком долго застоявшиеся на них преступные боги — силы прошлого, темные, невежественные, полные заразного и агрессивного суеверия, затем все „новое“, чем нас наградили колониализм и неокониализм, и, наконец, все плохое и

неудачное, что мы — не без их „помощи“ — ввели у себя после объявления независимости...»

Процесс обновления аритмичен и неравномерен, но в то же время необратим, ибо в ходе его народы континента переосмысливают всю свою былую жизнь, свои нравы и обычаи с точки зрения нужд прогресса.

— Нам надо, подражая искушенному садовнику, обрезать с деревьев нашей культуры все усохшие и склеротические ветви, — говорит Ж. Ки-Зербо. — Наша задача — освободить народ прежде всего экономически, что обеспечит прочную основу для расцвета нашей культуры, духовного развития наших людей. Мы просто обязаны разрубить цепи трибализма, этой центробежной силы африканской культуры, обращенной в прошлое. Один философ сказал: «Стань самим собой». Этот девиз нам следует принять на вооружение, так как наша конечная цель — раскрыть и использовать сполна на благо прогресса все способности жителей Африки.

Участие широких масс в преобразении действительности исключает возможность разгула стихии, торжества хаоса. Проходя через неминуемые взлеты и падения, африканец стойко борется против «преступных богов», привлекая себе на подмогу лучшие достижения своей истории и цивилизации, богатства мировой культуры и науки. Иначе и нельзя рассчитывать на победу. Мудрость сенегальского народа серер гласит: «Далеко идти хорошо, но лучше всего добраться до конца». В битве за новые идеалы у Африки уже есть свои яркие ориентиры. Это победы народов Анголы, Бенина, Мозамбика и других стран над империалистами, это героический пример Патриса Лумумбы, Амилкара Кабрала, Эдуардо Мондлане, Мариана Нгуаби и других народных героев современности, пожертвовавших собой ради будущего. О маяках африканской нови я вспоминал у памятника В. И. Ленину в столице государства Маврикий — Порт-Луи, перед зданием Кинематографического центра имени В. И. Ленина в Луанде, на улицах, названных в честь вождя мирового пролетариата в Мапуту и Антананариву.

Африка расстаётся с прошлым. Это прощание мучительно и тяжело, но в огне социальных битв, в муках сомнений и блужданий обрисовываются контуры ее завтрашнего дня.

...Человек разорвал кандалы и, радуясь обретенной свободе, поднял руки вверх. На запястьях еще не сбитые кандалы с обрывками стальных цепей. Этот образ своей страны принадлежит кисти бенинского художника Л. Джоссу. Такой видится сегодня и вся Африка, в счастливое будущее которой нельзя не верить.

Предисловие	3
Часть I. По дорогам и тропам Западной Африки	12
Судьба «таинственного» города	12
Укрывшись на скалах	25
Занавес молчания поднят (Встреча с независимостью)	37
Как живут экваторгвинейцы	41
Страна интересных путешествий	51
«Эль-капитано» набирается опыта	56
Трагическая судьба 28 миллиардов песет	58
Непредусмотренная встреча	62
В глубине саванны	65
Возвращенная родина	85
Часть II. Обычай еще жив	121
В поисках диплодока	121
На празднике шимпанзе	124
История танца Па-нжу	135
Куда путь держите, бороро?	138
Осторожно! Обнаженные мавутянки!	145
Что чувствует простой человек, когда для него пляшут королевы?	147
Красота в молоке	156
Свиные маски экой	158
Существо, овеянное легендами	161
Змеиный континент	161
Объект почитания	164
Супруги ассалы	171
Цит мендуга, или Сыр-бор в Мвутеси	177
Иммунитет рода Банохо	179
Африканцы предупреждают	184
Чувство локтя... под музыку	185
На чем сошлись вожди бамилеке	187
Приз победителю — невеста	192
От азартной игры к искусству	197
Африканцы смеются	202
Бьют новогодние тамтамы	215
Часть III. Друзья мои, африканцы	221
Время переоценки ценностей	221
Странный человек из Мвог-Мби	227
Мелодии Африки	238

«Я — деревенский художник»	.243
Цена образованной девушки .	.248
Сердце, оставшееся в джунглях	.253
И пусть меня накажет черепаха...	.263
Человек, ищущий завтра	.268
Девиз Фостэна Китсибы . .	.274
Под «деревьями истины» (эпилог)	. . .282

Владимир Алексеевич Корочанцев

АФРИКА ПОД ПОКРОВОМ ОБЫЧАЯ
Континент, расстающийся с прошлым

*Утверждено к печати
редколлекгией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор В. В. К у н и н
Младший редактор М. В. Х о д а к о в а
Художник Л. С. Э р м а н
Художественный редактор И. Р. Б е с к и н
Технический редактор Л. Е. С и н е н к о
Корректор Л. И. П и с ь м а н

ИБ № 13054

Сдано в набор 14/XII 1977 г.
Подписано к печати 25/V 1978 г.
А06463. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2
Печ. л. 9 + 0,25 п. л. вкл. Усл. п. л. 15,54
Уч.-изд. л. 15,27. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4260
Зак. № 2431. Цена 55 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16